

ISSN 2225-5346
e-ISSN 2686-8989

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BAL TIC ACCENT

2020

Том
Vol. 11

№ 2

Издательство Immanuel Kant Baltic Federal
Балтийского федерального University Press
университета им. Иммануила Канта
2020

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2020
Том 11
№ 2

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2020.
131 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Чернышевского, 56

Издатель
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Владимир Александрович Плунгян, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия) — и.о. главного редактора; *Сурен Тигранович Золян*, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный научный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Димитр Веселинов*, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Михаил Васильевич Ильин*, доктор политических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Максим Анисимович Кронгауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Михаил Лотман*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Михаил Андреевич Осадчий*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Ефим Сергеевич Фидря*, кандидат социологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Сергей Львович Фирсов*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Вадим Александрович Чалый*, доктор философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р, а также в список журналов RSCI и ядро РИНЦ.

Подписной индекс 36836

Тираж 120 экз.

Дата выхода в свет 03.06.2020 г.

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2020
Vol. 11
№ 2

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2020.
131 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236016

Editorial office

56 Chernyshevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia) – Acting Editor-in-Chief;
Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Scientific Editor; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Executive Editor-in-chief; Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Tomas Venclova*, Yale University (USA); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University ‘St. Kliment Ohridski’ (Bulgaria); Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Vera I. Zabotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia); Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Mihhail Yu. Lotman*, Tallinn University, University of Tartu (Estonia); Prof. *Mikhail A. Osadchy*, Pushkin State Russian Language Institute (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silant'ev*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany); Prof. *Peter Steiner*, University of Pennsylvania (United States); Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Dr *Tatyana V. Tsvigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Vadim A. Chaly*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Dr *Efim S. Fidrya*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Sergey L. Firsov*, Saint Petersburg State University (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции (С. Т. Золян)</i>	6
--	---

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Циммерлинг А. В.</i> Андрей Анатольевич Зализняк. Абстрагироваться от лишнего	9
--	---

СУДЬБЫ ПУШКИНСКОГО СЛОВА (К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА)

<i>Гильманов В. Х., Косинская А. С.</i> Феноменология «мировой отзывчивости» Пушкина (на материале «Сцены из Фауста», «Пира во время чумы», «Странника»).....	18
---	----

<i>Видмарович Н. П.</i> О судьбе и/или промысле в повести А. С. Пушкина «Метель»	35
--	----

<i>Федорова Е. А.</i> Пушкинское слово в произведениях Ф. М. Достоевского и В. В. Набокова как способ характеристики героя.....	47
---	----

<i>Коннова М. Н.</i> Временное и вечное в художественном образе крестного хода: «Борис Годунов» А. С. Пушкина и «Лето Господне» И. С. Шмелева.....	58
--	----

<i>Цвигун Т. В., Черняков А. Н.</i> «Нам стоять почти что рядом...»: Пушкин как персональный миф русского авангарда	69
---	----

<i>Северская О. И.</i> «Ай да Пушкин? Пушкин — это айда!»: о пушкинском слове в поэзии перестройки.....	80
---	----

БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ: ПРОБЛЕМЫ БИОГРАФИИ И МЕМУАРНОГО НАСЛЕДИЯ А. Т. БОЛОТОВА

<i>Милютин М. П.</i> К вопросу о служебном положении А. Т. Болотова в Кёнигсберге	96
---	----

<i>Веселова А. Ю.</i> Жанровый синтез в мемуарах А. Т. Болотова.....	105
--	-----

<i>Абрамова А. А.</i> Ранняя редакция мемуаров А. Т. Болотова (из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея)	114
---	-----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Международная научная конференция «Феномен Пушкина: словесность, история, культура. К 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина» (БФУ им. И. Канта, 6–7 июня 2019 года) (<i>Л. Г. Дорофеева</i>).....	123
---	-----

CONTENTS

<i>Editorial</i> (S. T. Zolyan)	6
CURRENT PROBLEMS IN LINGUISTICS	
<i>Zimmerling A. V.</i> Andrej Zaliznjak. Cutting off the unnecessary	9
THE PATHS OF THE PUSHKIN TEXT: THE 220 TH ANNIVERSARY OF ALEXANDER PUSHKIN	
<i>Gilmanov V. Kh., Kosinsakaya A. S.</i> The phenomenology of Pushkin's 'universal sympathy (based on 'A scene from 'Faust', 'The feast in the time of plague', and 'the Wanderer')	18
<i>Vidmarović N. P.</i> On fate and/or providence in Pushkin's short story 'The blizzard'	35
<i>Fedorova E. A.</i> Pushkin texts in the description of characters by Dostoevsky and Nabokov	47
<i>Konnova M. N.</i> Time and eternity in the literary image of the church procession: Pushkin's <i>Boris Godunov</i> and Shmeleff's <i>The Year of the Lord</i>	58
<i>Tsvigun T. V., Chernyakov A. N.</i> Pushkin as a personal myth of the Russian avant-garde	69
<i>Severskaya O. I.</i> On the Pushkin text in the poetry of Perestroika	80
THE BALTIC ACCENT: THE BIOGRAPHY AND MEMOIRS OF ANDREY BOLOTOV	
<i>Miliutin M. P.</i> On the employment status of Andrei Bolotov in Königsberg	96
<i>Veselova A. Yu.</i> A synthesis of genres in Andrei Bolotov's memoirs	105
<i>Abramova A. A.</i> An early edition of Andrei Bolotov's memoirs (from the archives and manuscripts section of the State Historical Museum)	114
CONFERENCES	
The phenomenon of Pushkin: literature, history, culture: the 220 th anniversary of Alexander Pushkin. An international research conference held at the Immanuel Kant Baltic Federal University on June 6–7, 2019 (<i>L. G. Dorofeeva</i>)	123

ОТ РЕДАКЦИИ

Основу номера составляют материалы двух прошедших в Балтийском федеральном университете мероприятий — международной конференции, посвященной 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина (6–7 июня 2019 года), и приуроченного к 375-летию юбилею А. Т. Болотова международного научного семинара «А. Т. Болотов: биография, творчество, контексты» (6–7 ноября 2018 года). И если великий поэт в представлении не нуждается, а работа конференции освещена в публикуемой в текущем номере заметке, то об Андрее Тимофеевиче Болотове необходимо сказать особо. Потомкам он известен прежде всего как автор едва ли не самых больших по объему мемуаров конца XVIII — начала XIX века. Но еще при жизни он получил известность как агроном и специалист по «домостроительству». Болотов увлекался медициной, писал труды по философии, сочинял стихи и пьесы, которые ставил в домашнем театре, издавал журналы, много переводил. Большинство его интересов сформировалось еще в ранней молодости, когда он неожиданно получил передышку в начатой с ранних лет военной службе, оказавшись в годы Семилетней войны переводчиком при канцелярии русского губернатора Восточной Пруссии.

В Кёнигсберге Болотов провел всего несколько лет, но это были очень значимые для него годы. Болотов имел возможность не только близко познакомиться с жизнью европейского города, но и заняться самообразованием. Он совершенствовал свое знание немецкого языка, много читал, посещал библиотеки, слушал лекции по философии в университете Альбертина, интересовался другими науками, наблюдал за устройством садов. Это определило занятия Болотова в дальнейшем: переводы, литературная критика, философские труды, садоводство. В Кёнигсберге Болотов заложил начало своей библиотеки, отослав с оказией к себе в деревню первые купленные им книги на немецком языке. Отсюда же он послал своему управляющему первый план регулярного сада для своего имения. Не менее важна роль Болотова и в местном краеведении: он автор одного из первых подробных описаний Кёнигсберга середины XVIII века на русском языке, а его мемуары полны интересных и уникальных наблюдений за повседневной жизнью города. Решением калининградских властей предполагается увековечить имя А. Т. Болотова в названии сквера, разбивка которого запланирована напротив одного из красивейших из сохранившихся памятников Кёнигсберга — Королевских ворот.

Редакция сочла также уместным в этом выпуске продолжить дискуссию относительно кардинальных проблем российской лингвистики, с этой целью номер открывается статьей профессора А. А. Циммерлинга, посвященной осмыслению наследия скончавшегося в прошлом году выдающегося лингвиста современности академика А. А. Зализняка.

***

По итогам деятельности рабочей группы по оценке качества и отбору журналов в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)*, осуществлявшей мониторинг российских научных журналов за 2019 год, журнал «Слово.ру: балтийский акцент» включен в список журналов *RSCI* – отдельной базы статей, интегрированной в международную базу цитирования *Web of Science (WOS)*, – и в ядро Российского индекса научного цитирования (ядро РИНЦ).

Решение о включении журналов в состав *RSCI* принималось в соответствии с заключениями тематических экспертных советов, полученными на основании анализа и обобщения формальных и библиометрических показателей журналов, а также результатов общественной экспертизы журналов ведущими российскими учеными и экспертами по основным тематическим направлениям. Для изданий, претендовавших на включение в список *RSCI*, был рассчитан и проанализирован набор из более чем 50 библиометрических показателей и статистических отчетов за последние четыре года, представленный на странице анализа публикационной активности журнала в РИНЦ на портале *eLIBRARY.RU*. Было проведено ранжирование журналов на основе библиометрических данных и результатов общественной экспертизы учеными с наивысшим уровнем цитирования и индексом Хирша в каждом тематическом направлении (всего более 20 тысяч участников).

Экспертная оценка журналов тематическими советами проводилась с использованием библиометрических показателей, результатов общественной оценки и информации о недобросовестных практиках в деятельности журналов. Журналы оценивались в соответствии с критериями научного уровня, актуальности, стабильности издания, состава редколлегии, соблюдения издательской и научной этики, корректности оформления, регулярности поставки метаданных журнала в РИНЦ. В перечень *RSCI* в 2020 году вошли 74 научных журнала и 5 тематических серий журнала «Доклады Академии наук». Новый перечень *RSCI*, включающий 792 журнала (по состоянию на 5 апреля 2020 года), размещен на сайтах РАН, НЭБ (*eLIBRARY.RU*), МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ «Высшая школа экономики», Ассоциации государственных научных центров.

Russian Science Citation Index (RSCI) – реализуемый с 2014 года совместный проект компаний *Thomson Reuters (Clarivate Analytics)* и «Научная электронная библиотека» (НЭБ), который предусматривает размещение ядра ведущих российских научных журналов из РИНЦ на платформе *Web of Science* в виде отдельной базы данных. Размещение журналов из ядра РИНЦ на платформе *Web of Science* и идентификация взаимных цитирований между публикациями в *Web of Science* и *RSCI* позволяет значительно улучшить «видимость» российских научных журналов в международном информационном пространстве, что осо-

бенно важно для научных изданий по общественным и гуманитарным наукам. Для российских журналов включение в *RSCI* является своего рода плацдармом для их продвижения в ядро *Web of Science*.

Вхождение журнала «Слово.ру: балтийский акцент» в ядро РИНЦ и в *RSCI* свидетельствует о научном признании журнала российским экспертным сообществом и будет способствовать дальнейшему расширению научно-исследовательских связей издания. Редакционная коллегия журнала «Слово.ру: балтийский акцент» выражает искреннюю признательность рабочей группе по оценке качества и отбору журналов в *RSCI* за высокую научную оценку издания. Это открывает широкие перспективы развития журнала как международной дискуссионной площадки обсуждения результатов междисциплинарных социально-гуманитарных исследований в области русистики по традиционной тематике и по инновационным проблемам.

Сурен Золян,
главный научный редактор

УДК 81'116:81'114.2

АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЗАЛИЗНЯК. АБСТРАГИРОВАТЬСЯ ОТ ЛИШНЕГО

А. В. Циммерлинг^{1, 2, 3}

¹ Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
117485, Россия, Москва, ул. Волгина, 6

² Институт языкознания РАН
125009, Россия, Москва, Б. Кисловский пер., 1

³ Московский педагогический государственный университет
119991, Россия, Москва, ул. М. Пироговская, 1, стр. 1

Поступила в редакцию 17.09.2019 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-1

В перспективе специализации лингвистических и филологических дисциплин обсуждается научное творчество одного из крупнейших лингвистов XX века А. А. Зализняка (1935 – 2017), автора основополагающих работ в области русского и древнерусского языков. В разные годы А. А. Зализняк занимался вопросами морфологии, синтаксиса, акцентологии и исторической грамматики, что создает внешнее ощущение, будто фокус его интересов сместился со структуралистского описания парадигм к историко-филологическому анализу конкретных текстов. В действительности во всех работах А. А. Зализняка пользуется одним и тем же основным методом — извлечением правил из массивов языковых данных и приложением этих правил к конкретному множеству текстов, то есть построением и проверкой предиктивной модели в смысле естественных наук. Эффективность моделей А. А. Зализняка объясняется тем, что он не закладывал в свои гипотезы избыточной информации и умел отделять вопросы грамматического описания, связанные с выделением операциональных правил, от сопутствующих аспектов изучения языка и проблем историко-филологического комментария. Поэтому, хотя сам А. А. Зализняк избегал программных деклараций о системности языка и не формулировал интегральных теорий, его можно охарактеризовать как последовательного структуралиста, придерживавшегося естественнонаучного идеала доказательности.

Ключевые слова: А. А. Зализняк, структурализм, грамматика, предиктивная модель, верификация, доказательность.

Этот короткий текст — не дань памяти и не выражение личного отношения. Это размышления о научном творчестве одного из величайших лингвистов XX века. Обоснованность оценочных суждений о «хороших» и «плохих» лингвистах является одной из тем данной заметки, но мы позволим себе считать, что принадлежность Зализняка к тем

лингвистам XX века, чьи достижения в наибольшей степени заслуживают обсуждения, уже установлена другими людьми. Тем не менее правомерен вопрос, в чем состоит специфика подхода Зализняка и как ее измерить.

Гениальность Зализняка и его превосходство над коллегами, возможно, ярче всего проявились в вещах, которыми он занимался в разные годы своей жизни, — составлении лингвистических задач олимпиадного типа (Зализняк, 1963) и реконструкции текста и смысла берестяных грамот (тоже своего рода лингвистические задачи, по крайней мере, Зализняк публично представлял расшифровку грамот алгоритмически). Но его основной вклад все же не в этом, а в описании грамматики естественного языка.

Лингвистика — это наука о языке, объекте с вполне определенными свойствами, требующими точно определенных методов, а не произвольных деклараций о природе человека, когнитивных способностях, особенностях знаковых систем и т. п. И это наука, которая должна быть доказательной. В плане доказательности наследие Зализняка обсуждается С. А. Крыловым, который делит творчество Зализняка на периоды сообразно характеру доказательств (Крылов, 2019). Возможно, эта рубрикация верна, хотя над некоторыми формулировками стоит подумать. Но я хочу сказать о другом. Все научное наследие Зализняка едино, и он всю жизнь делал одно и то же — извлекал правила из массивов языковых данных (текстов). Это коротко называется одним словом — «грамматика». При этом Зализняк почти не делал экскурсов в другие области лингвистики. Последнее утверждение может показаться чрезмерным, поэтому мы развернем аргументацию более подробно.

1. Зализняк никогда не занимался лексикографическим портретированием, структурой значения слова и (теоретической) семантикой как таковой. Фундаментальный словарь (Зализняк, 1977), сделанный в докомпьютерную эпоху вручную, — это грамматический словарь, списки парадигм. Очерк о древнерусской частице *ти* в (Зализняк, 1993, с. 298—308) — это просто перечень контекстов, где она употребляется, с указанием (без иллюстраций) на то, что похожая частица есть в другом языке (арабском). Семантика вроде бы присутствует в «Русском именном словоизменении» (Зализняк, 1967; Зализняк, 2002) во вступительном очерке и при обсуждении модели падежа (Зализняк, 1974), но это сугубо технический момент. По определению, у разных граммем падежей должны быть нетождественные значения, не важно, в чем они состоят и как измеряются. В спорных случаях, где формальные критерии не дают однозначного ответа, имеем ли мы дело с одним и тем же падежом, или с двумя разными, семантика в модели Зализняка не дает ключа: для предполагаемых разных падежных форм (например, А — формы «солдата» в контексте «сапог солдата» и В — «солдата» в контексте «четыре солдата») можно постулировать разные значения А и В, но вопрос о том, являются ли А и В реализацией одного общего значения С, будет решаться по-разному, в зависимости от того, сочтем ли мы уместным объединить а и b в один общий ряд падежных форм или развести их.

2. Зализняк почти не занимался фонетикой, по крайней мере, синхронной. Его акцентология (Зализняк, 1985) — не фонетика и не фонология, а акцентная грамматика, правила выбора акцента/ударения в словоформе. В «Древненовгородском диалекте» (Зализняк, 1995; Зализняк, 2004) описываются звуковые особенности древнего языка на основе сохранившихся письменных памятников этого языка и иногда привлекаемых для контроля данных современных диалектов. Это историческая фонетика. Но и здесь о собственно фонетических механизмах и причинах звуковых изменений мы не находим практически ничего: редуцированные в середине слова просто были до определенного момента, а потом исчезли, при этом обнаруживается период примерно в сто лет, когда они произносились и фиксировались на письме факультативно. Фонетические сущности — бледные тени в его описании. Он объясняет случай постановки древнерусских энклитик после непервого фонетического слова неким эффектом ритмико-синтаксического барьера, который мешает энклитике примкнуть к первой ударной словоформе, и доказывает, что эффект барьера совместим с главным принципом расстановки сентенциальных энклитик — законом Ва(к)ернагеля (Зализняк, 1993, с. 281—283; Зализняк, 2008, с. 23—27). Это важное и перспективное наблюдение, правда, оно практически в те же годы на материале других языков было сделано и другими учеными. Но Зализняк ничего не говорит о том, как реализуется барьер фонетически. Он уклоняется даже от отождествления барьера с факультативной паузой после ударной словоформы. Позиция, достойная уважения, поскольку он не знает, как проверить наличие паузы в письменных текстах. Но имеющая и свои минусы, так как эффект барьера прослеживается в большом числе живых и мертвых языков, поэтому желательно было бы найти общее объяснение либо в фонетике, либо в чем-то еще, например изучить коммуникативную структуру предложений с барьером и клитиками, что до известного предела можно делать и на основе текстов мертвого языка, если понятен контекст. Кое-какие наброски в этом направлении в работах Зализняка есть, но он их никак не развивает.

3. Зализняк почти не занимался типологией и контрастивной лингвистикой, хотя хорошо знал много языков и даже преподавал некоторые из них: санскрит, арабский, венгерский. Написанная в соавторстве статья об относительном предложении (Зализняк, Падучева, 1975) — знаменательное исключение. Данная статья, конечно, тоже предлагает грамматическое описание, но уже на базе открытого класса языков мира, где прослеживаются выделенные авторами структурные типы относительного предложения. Другая совместная статья с тем же соавтором (Зализняк, Падучева, 2013) посвящена инициальному отрицанию в старославянском и древнерусском языках. В начале авторы бегло упоминают о том, что инициальное общее отрицание есть также в санскрите, но не развертывают эту параллель. А другая напрашивающаяся и известная авторам параллель — с современным болгарским языком — по не эксплицированным в статье причинам не упомянута вообще. Не рассматривается в статье и вопрос о том, возник ли описываемый принцип постановки начального отрицания в древнерусском и старославянском языках независимым образом.

4. Статистика в работах Зализняка не играет существенной роли, он почти всегда опирается на детерминистские модели. Утверждение, будто в поздний период своей научной работы он переориентировался на доказательства, связанные с корпусными методами и историческими корпусами текстов (Крылов, 2019), может быть принято лишь с большой оговоркой. Дело не только в том, что исторические корпусы текстов русского языка в 1990-е и 2000-е годы отсутствовали или были несовершенны. В случае берестяных грамот, да и при проверяемых в (Зализняк, 2007) чертах древнерусской грамматики, отраженной в «Слове о Полку Игореве», выгрузка, то есть сам виртуальный «корпус», зачастую столь мала, что трудно говорить о статистике. В книге о древнерусских энклитиках (Зализняк, 2008) статистика дается в связи с проверкой двух параметров — употреблений полной и краткой (энклитической) форм местоимений и линейной позиции местоименных и связочных энклитик. Но и здесь, что характерно, Зализняка интересуют прежде всего стабильные состояния в начале и конце временного периода, а не варьирование в середине. На основе его моделей вполне можно изучать и варьирование на большем объеме текстов. Но это уже задача, которую он оставил нам.

5. Был ли Зализняк сравнительно-историческим лингвистом? По воспитанию и школе, безусловно, да. Его аспирантская работа, написанная под руководством А.И. Смирницкого, посвящена варьированию основ сильных глаголов в древних германских языках. Но к этому сюжету он быстро утратил интерес (есть биографические свидетельства) и никогда впоследствии не возвращался. Познания в индоевропеистике были для него базой, которая редко актуализировалась в его собственных исследованиях, за вычетом истории акцентных парадигм в славянских языках.

6. Зализняк не занимался филологией и историко-филологическим комментарием. Он был знатоком древнерусских текстов и часто приводил примеры из Киевской и 1-й Новгородской летописей, но в его работах нет рассуждений о том, что такие-то и такие-то разделы этого памятника записаны тогда-то и там-то человеком с такими-то политическими симпатиями и т.п. При интерпретации новгородских берестяных грамот, то есть восстановлении смысла текста на древнем языке, отдельные слова, грамматические конструкции и стилистика которого могут быть нам точно неизвестны, он вынужден восстанавливать и саму экстралингвистическую ситуацию. Но надо понимать, что соображения о том, *Шюйга* ли первым ограбил *Илийцу* или наоборот (грамота Тверь №5), какой орган — мужской или женский — стоит за словом *сткыле* в грамоте №995 и т.п. едва ли были у Зализняка мотивом для реконструкции фонетики, морфологии и синтаксиса грамот. Он не подтаскивает лингвистическую интерпретацию под историко-филологические соображения, например *Литва встала на Корелу* в таком-то году, что-то у них в походе произошло, наверное, это тот самый эпизод, который упоминается в таких-то книгах и т.п. Зализняк вначале предлагает реконструкцию сообщения как текста на древнерусском языке, а затем смотрит, в каком контексте это сообщение могло быть уместным.

Разграничение лингвистики и филологии, впрочем, остается предметом дискуссии, это отдельная тема. Отстаиваемый Зализняком принцип дешифровки, основанный на позиции доверия к писцам бытовых грамот, — «больше одной описки на грамоту обычно не бывает» — кто-то, возможно, сочтет филологическим.

К этому можно добавить, что Зализняк, к счастью, рано получил прижизненный статус великого ученого и академические регалии, что избавило его от протокольного общения с членами лингвистического сообщества и траты времени на обсуждение работ классиков, а также всего, что связано с лингвистической модой, из какой бы страны она ни шла. Он охотно этим пользовался и вел диалог с памятниками, словарями и грамматическими описаниями, а не с рядовыми коллегами. Порой он упоминает плохие или устаревшие работы, например штудии Г. Гуннарссона о древнерусском *-ся*, просто потому, что они сеют предвзвешенные и мешают возобладать правильной точке зрения. Но это, скорее, исключение. Я уверен, что он не стал бы по доброй воле читать большинство обсуждаемых в (Зализняк, 2007) работ о «Слове о Полку Игореве» и останавливаться на ошибках, наивных утверждениях и недоказуемых декларациях авторов многих из них, если бы внезапно не осознал, что может на основе лингвистически строгой процедуры обосновать подлинность «Слова» и его датировку последней четвертью XII века. Вся эта книга обсуждает немало филологических деталей, вроде гиперкорректной замены /ь/ на /ъ/, переписывания «Ипатьевской летописи» на Северо-Западе Руси и т.п. Но это — именно взгляд лингвиста на смежные дисциплины. И более того, — взгляд ученого, стремящегося к естественнонаучному уровню доказательств, на проблему, которая долгое время была предметом обывательских суждений и произвольных оценок гуманитариев. За строгое доказательство — и я боюсь, что именно за доказательство подлинности «Слова», ведь оно приятно национальной гордости, Зализняк получил Солженицынскую премию. Сам он в своей речи при вручении премии говорил, что когда приступал к работе, ему было все равно, подлинный ли это памятник или нет, лишь бы это положение можно было доказать. После вручения премии старые друзья сказали Зализняку, что он «мог бы навязать себя обществу в гораздо большей степени». Это было бы, добавим, хорошо для общества и для лингвистического сообщества в частности. Но сам Зализняк был чужд мессианизму. Вряд ли его особо задевало то, что в некоем городе он не слышит таким же авторитетом, как в Москве, или то, что в целом ряде англоязычных стран отдельные люди, которые пишут про историю редуцированных или о клиниках в древних славянских языках, пребывают в неведении относительно работ Зализняка потому, что эти работы написаны не по-английски и изданы не в Оксфорде, Кембридже или MIT.

Возвратимся «на преднее». Андрей Анатольевич Зализняк всю жизнь занимался извлечением грамматических правил из массивов языковых данных новых и древних языков, а также эволюцией правил выбора акцента в диахронии. Метод не менялся, менялись его прило-

жения. Зализняк жестко отделял синхронное грамматическое описание одного или нескольких языков как задачу, автономную от фонетики, лексикологии, количественной лингвистики и филологического анализа и лишь изредка делал экскурсы в области типологии и компаративистики. Такой подход в его руках оказался эффективен и привел к ряду поразительных достижений — от построения формальной модели падежа до доказательства действия закона Ваккернагеля в древнерусском языке и доказательства подлинности «Слова о Полку Игореве».

Остается пара вопросов. А в чем были идеи Зализняка? Может быть, их и не было? Может быть. Ведь нельзя же всерьез считать «идеями» тезис о том, что в русском языке 11 или 14 падежей или доказательство того, что древнерусская частица *ти* стояла в цепочке энклитик перед *бы*, а омонимичное ему древнерусское местоимение *ти* — после *бы*? Это не идеи, а выводы, основанные на применении эксплицитно указанной процедуры анализа. Общая идея, если она вообще просматривается, состоит в том, что язык устроен как структурный объект, что позволяет извлекать из него грамматические правила так, как это и делал Зализняк.

И последний, неприятный для нас, живущих, вопрос. А являются ли лингвисты, у которых есть идеи, «хорошими»? Каждый может предложить гениальную идею. Или, на худой конец, следовать чужой гениальной идее. Примеров много: «грамматическая способность (не) является врожденной», «значения сложных выражений образуются (не) аддитивно», «существует строго ограниченное число универсальных дифференциальных признаков фонем, которые выделяются во всех языках», «все лексические понятия во всех языках мира сводимы к одному и тому же набору семантических примитивов», «синтаксическая структура разворачивается только в одну сторону, а остальное — обман зрения», «синтаксис естественного языка, геном и музыкальный текст строятся одинаково» и т. д. и т. п.

«Хороший лингвист», конечно, — нестрогая оценка. Но если мы знаем таких хороших лингвистов, как Зализняк, вправе оценивать и остальных.

Список литературы

Зализняк А. А. Лингвистические задачи // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 137–159.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования / ред. А. А. Зализняк. М., 1973, С. 53–87.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк А. А. Лингвистические исследования // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993. С. 191–319.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. С приложением избранных работ по русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.

- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
 Зализняк А. А. «Слово о Полку Игореве». Взгляд лингвиста. М., 2007.
 Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
 Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Вып. 6: Грамматические и семиотические проблемы. 1975. С. 51–101.
 Зализняк А. А., Падучева Е. В. Об инициальном отрицании в древнерусском и старославянском // Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М., 2013. С. 290–303.
 Крылов С. А. Специфика грамматической концепции А. А. Зализняка // Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка : тез. докл. междунар. науч. конф. (27–29 мая 2019 г.). URL: http://www.ruslang.ru/doc/anno_grammar2019.pdf (дата обращения: 15.07.2019).

Об авторе

Антон Владимирович Циммерлинг, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Россия; профессор, Московский педагогический государственный университет, Россия.

E-mail: fagraey64@hotmail.com

Для цитирования:

Циммерлинг А. В. Андрей Анатольевич Зализняк. Абстрагироваться от лишнего // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 9–17. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-1.

ANDREJ ZALIZNJAK CUTTING OFF THE UNNECESSARY

A. V. Zimmerling^{1, 2, 3}

¹ Pushkin State Russian Language Institute
6 Volgina St., 117485, Moscow, Russia

² Institute of Linguistics, Russian Academy of Science
1 Bol'shoj Kislovskij St., 125009 Moscow, Russia

³ Moscow Pedagogical State University
1 Mal'j Pirogovskij St, block 1, 119991, Moscow, Russia

Submitted on August 1, 2019

doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-1

This paper offers a polemic linguistic and philological view on the scientific heritage of one of the most prominent linguists of the 20th century, Andrej A. Zaliznjak (1935 – 2017), who authored fundamental works on the Russian and Old Russian languages. In different years, Zaliznjak addressed issues in morphology, syntax, accentology, and historical grammar. This apparent variety of his research interests gives an impression that Zaliznjak moved from purely structural paradigmatic descriptions to merely historical-philological analysis of specific texts. Zaliznjak basic method, however, remained unchanged throughout his life. His descriptions were always rule-based: he extracted rules from language data and tested them

on a specific collection of texts. Zaliznjak's rules can, therefore, be identified with predictive models in the sense adopted in natural sciences. His models gave accurate results since Zaliznjak had a rare gift of cutting off all kinds of redundant information in his rule-based grammatical descriptions and kept the latter apart from other linguistic issues as well as from historical-philological commentary. Although Zaliznjak himself stayed away from programmatic declarations about the language structure and avoided developing integral theories of language, he can be called a consistent structuralist who successfully applied natural science criteria to linguistic evidence.

Keywords: Andrej A. Zaliznjak, structuralism, grammar, predictive models, verification, natural science explanations.

References

- Zaliznyak, A. A., 1963. Linguistic problems. In: T. N. Moloshnaya, ed. *Issledovaniya po strukturnoi tipologii* [Studies in Structural Typology]. Moscow. pp. 137–159 (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1967. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian Nominal Declension]. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1973. On the Notion of "Case" in Linguistic Descriptions. In: A. A. Zaliznyak, ed. *Problemy grammaticheskogo modelirovaniya* [Problems of Grammatical Modeling]. Moscow. pp. 53–87 (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1977. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka* [Grammatical Dictionary of the Russian Language]. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1985. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From the Common Slavic Accent to Modern Russian Accent]. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1993. Linguistic investigations. In: V. L. Yanin and A. A. Zaliznyak, eds. *Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1984–1989 gg.* [Novgorod Birch Bark Letters from the Excavations of 1984–1989]. Moscow. pp. 191–319 (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1995. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod Dialect]. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 2002. *Russkoe imennoe slovoizmenenie. S prilozheniem izbrannykh rabot po russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu* [Russian Nominal Declension. With an Appendix Containing Selected Papers in Russian and General Linguistics]. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 2004. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod Dialect]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 2007. «Slovo o Polku Igoreve». *Vzglyad lingvиста* [«Slovo o Polku Igoreve». A Linguist's View]. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 2008. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian Enclitics]. Moscow (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A. and Paducheva, E. V., 1975. On the Typology of the Relative Clauses. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics], 6, pp. 51–101 (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A. and Paducheva, E. V., 2013. On initial denial in Old Russian and Old Slavonic. In: E. V. Paducheva, ed. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [Russian negative sentence]. Moscow. pp. 290–303 (in Russ.).
- Krylov, S. A., 2019. The specifics of the grammatical concept of A. A. Zaliznyak. In: Anon, ed. *Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Grammatical processes and systems in synchrony and diachrony. Theses of reports of the international scientific conference]. 27–29 May 2019. Moscow, Vinogradov Institute of the Russian Language, RAS (in Russ.).

The author

Anton V. Zimmerling, Leading Research Fellow, Pushkin State Russian Language Institute; Leading Research Fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Science; Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.

E-mail: fagraey64@hotmail.com

To cite this article:

Zimmerling, A.V. 2020, Andrej Zaliznjak: cutting off the unnecessary, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 9–17. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-1.

СУДЬБЫ ПУШКИНСКОГО СЛОВА (К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА)

УДК 812.112.2

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «МИРОВОЙ ОТЗЫВЧИВОСТИ» ПУШКИНА (на материале «Сцены из Фауста», «Пира во время чумы», «Странника»)

В. Х. Гильманов¹, А. С. Косинская¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 14.09.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-2

Предпринята попытка приблизиться к раскрытию того, что Достоевский характеризует как «некую великую тайну» Пушкина, обладавшего, по его слову в очерке «Пушкин», «способностью мировой отзывчивости». Тайна Пушкина рассматривается в контексте общекультурной проблемы основных онтологических предикатов, определивших культурные коды тех литературных миров, которые нашли свое отражение в его творческой судьбе. Методологический подход основан на концепции В. С. Непомящего о поэтологической динамике творчества Пушкина в поле напряжения между рождественским и пасхальным метакодами, определяющими характер решения важнейшей в христианстве проблемы коррелятов в диастеме «Бог – человек». Делается вывод о том, что в художественной феноменологии трагедии «Фауст» Гёте, поэмы «Город чумы» Джона Вильсона и аллегорического романа Джона Беньяна «Путь паломника» Пушкин в духовно-поэтическом приобщении к их текстам распознает опасности «тайны беззакония», связанные с идеями гностицизма. Подчеркивается, что Пушкину в его «способности мировой отзывчивости» удалось отразить эти опасности, получившие свое противоречивое и драматичное проявление как в судьбе, так и в поэзии Пушкина. Затрагивается проблема герменевтики поэзии и ее взаимодействия с герменевтикой веры в контексте эсхатологических задач Запада и России, определивших специфику их культурных кодов.

Ключевые слова: культурный код, тайна, Пушкин, В. С. Непомящий, И. В. Гёте, Дж. Вильсон, Дж. Беньян.

1. Пушкин и тайна поэтического со-бытия

В конце своей знаменитой речи о Пушкине, произнесенной 8 июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности, Достоевский сказал: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» (Достоевский, 1958, с. 459). Понятие

тайны максимально приближено к фундаментальному статусу категорий, то есть к тем универсальным формам и принципам, которые отражают и воспроизводят динамику взаимодействия между бытием и культурами в их предельном и символическом изоморфизме тайне Света или тайне Тьмы. Тайна в своем духовном символизме всегда превосходит секрет или загадку, так как тайна — всегда духовное со-бытие и событие, сравнимое с рождением или смертью. Тайна всегда происходит, вызывая изменения плана сознания или трансформацию душевных и психических мотиваций. Тайна есть постоянное онтологическое и антропологическое свершение во всей противоречивости, незавершенности, недосказанности.

Достоевский в своей речи о Пушкине, подчеркивая, что, с одной стороны, «в Пушкине же есть именно что-то сроднившееся с народом взаправду» (Достоевский, 1958, с. 453), отмечает, что, с другой стороны, Пушкин обладал почти загадочной «способностью мировой отзывчивости» и «свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность» (Достоевский, 1958, с. 455). В терминосфере современной культурологии это означает не только событийность диалога культур с разными культурными кодами, но и вхождение в тайну этих культурных кодов, когда гений поэта, подобно Протею, реинкарнируется в их поэтические вершины. Но, становясь «плотью и кровью» (Достоевский, 1958, с. 455) духовно-поэтических миров Байрона, Шекспира, Вольтера, Гёте и т. д., Пушкин доводит их до какого-то сокровенного порога вселенской «среды», где открывает «тайну беззакония» (2 Фес. 2: 7–8) в их культурных кодах, но одновременно в своей «всемирной отзывчивости» свою собственную сопричастность этим «кодам беззакония».

2. Пушкин и Фауст

Так — в «зоне Фауста», куда Пушкин попадает в 1825 году под впечатлением трагедии Гёте. «Фауст» волновал Пушкина, который тонко почувствовал особую эпическую знаковость этого творения Гёте. В своей статье о драмах Байрона в контексте его фаустианского «Манфреда» Пушкин пишет: «“Фауст” есть величайшее создание поэтического духа, он служит представителем новейшей поэзии, точно как Илиада служит памятником классической древности» (Пушкин, 1974–1978, т. 6, с. 242). Однако его разрешение фаустовской темы в «эпоху великих соблазнов» (Непомнящий, 1999, с. 248), кристаллизованных в образе Фауста, принципиально отлично от Гёте. В сильной позиции начала «Сцены из Фауста» у моря Фауст произносит: «Мне скучно, бес» (Пушкин, 1974–1978, т. 2, с. 43). В сравнении с началом трагедии у Гёте эта пушкинская экспозиция поражает своим финализмом в отношении того проекта Фауста, который Гёте только начинает осуществлять в начале первой части: его Фаусту только еще предстоит демонизированная погоня за счастьем в сопровождении Мефистофеля в попытке бегства от онтологической скуки в энтелехии новой «горизонтальной» безблагодатной любви. У Пушкина эта эротическая погоня за счастьем уже завершена:

Мефистофель:
Желал ты славы и добился, —
Хотел влюбиться — и влюбился.
Ты с жизни взял возможную дань,
А был ли счастлив? (Пушкин, 1974—1978, т. 2, с. 44).

Возражение Фауста, основанное на его воспоминании о Гретхен, бес­
споощадно разоблачает:

...Ты бредишь, Фауст, наяву!
Ты думал: агнец мой послушный!
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал! (Пушкин, 1974—1978, т. 2, с. 45).

Самое страшное в этой динамике пушкинского Фауста то, что она
разрушает главное условие жизни — любовь. Разоблачая упование Фа­
уста на любовь как на «лекарство от скуки», Мефистофель сравнивает
его страсть к Гретхен с убийством:

Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?..
<...>
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решаешь на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело (Пушкин, 1974—1978, т. 2, с. 45—46).

Гибель Гретхен по вине Фауста означает в онтологическом принци­
пе смерть софийной основы бытия. Но, убив софийную душу Герма­
нии, великий Гёте в каком-то мистико-языческом постклассицизме на­
деется на провидение «вечной женственности» с ее пусть демонизиро­
ванной, но все же спасительной энтелехией любви:

А за кого любви самой
Ходатайство не стынет,
Тот будет ангелов семьей
Радушно в небе принят (Гёте, 1976, с. 434).

Так поет хор ангелов, умыкнув из-под носа Мефистофеля то, что
Гёте не называет даже душой! Он именует это Faustens Unsterbliches,
что Пастернак переводит как «бессмертная сущность Фауста». Даже
этот перевод, который, по нашему мнению, не совсем точен, вновь воз­
вращает нас к проблеме коррелята в германском культурном коде. Этот
код обусловлен абсолютно иной, чем в пасхальной культуре, филосо­
фией человека, отраженной уже в «Прологе» к «Фаусту» Гёте: «Знай:
чистая душа в своем исканьи смутном // Сознанием истины полна»

(пер. Н. Холодковского). Гёте оправдал Фауста, поскольку, находясь под влиянием пантеистических идей Спинозы, просветительской теории органического развития Гердера и др., считал, что в душе человека есть энтелехийная заданность «вечной женственности» природного принципа в отношении истины: именно «вечная женственность тянет нас к ней» (Гёте, 1976, т. 2, с. 440). Фауст Гёте — это вариант архетипа ветхозаветного Иова в условиях гностической парадигмы Нового времени, в которой легко не заметить того, о чем предупреждал Христос: «...если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» (Мф. 16: 25). Но, пожалуй, самое загадочное и пугающее в фаустовском проекте Гёте — это альтернативный христианству «проект бессмертия», мистический отблеск которого отразился в *Faustens Unsterbliches*. Гёте был масоном, а именно в масонско-эзотерическом гнозисе есть таинственные теории и практики достижения бессмертия в асимметрии к христианской эсхатологии и в примечательной симметрии к обетованию змея в раю в Едеме: «Нет не умрете... и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3: 4–6). Эти «проекты бессмертия» в коде змея отразились, например, в идеях школы Гурджиева или в предостережениях антропософа Р. Штейнера об опасности так называемого восьмого пояса, создаваемого иерархиями Люцифера, Аримана и Асура.

Трудно судить о знании Пушкина в отношении этих таинственных глубин масонства, несмотря на его юношеские увлечения масонскими идеями уже в период южной ссылки, но важно учесть то, как его поэтический дар открывает всю губительность фаустовского принципа, поскольку именно он ведет к тому, что «по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь» (Мф. 24: 12–13). Пушкинский Фауст обречен на вечность в аду, а не в мистическом небе финала гётевской трагедии, так как не способен возлюбить прежде всего не наивную и чистую Гретхен, а истину во Христе, которая только и делает человека свободным от «тайны беззакония» (Ин. 8: 32–33). Вечность ада начинается уже на земле, так как «ад есть состояние души, бессильной выйти из себя, предельный эгоцентризм, злое и темное одиночество, то есть окончательная неспособность любить» (Бердяев, 2006, с. 613).

В пушкинском «Фаусте» тема охлаждения любви прослеживается в примечательной близости к архетипу Дон Жуана, который является заложником и жертвой «эротической энтропии» в термодинамике бытия. Его Эрос, замкнутый в самом себе и неспособный к восхождению в Агапе, гаснет по мере достижения телесного обладания. Любовь теряет свою созидательную сущность, выходя из поля небесной гравитации, и обрекает человека на «бытие к смерти». Вот почему пушкинский Фауст становится не только причиной гибели Гретхен, но и «убийцей бытия». Его последние слова в «Сцене у моря»: «Все утопить!» (Пушкин, 1974–1978, т. 2, с. 46).

Тайну термодинамики любви хорошо знает смерть, использующая козырь «черви» в карточной игре с Фаустом в аду:

– Что козырь? – Черви. – Мне ходить.
– Я бью. – Нельзя ли погодить?
– Беру. – Кругом нас обыграла.
– Эй, смерть! Ты право сплутовала.
– Молчи! Ты глуп и молоденец.
Уж не тебе меня ловить.
Ведь мы играем не из денег,
А только б вечность проводить! (Пушкин, 1974–1978, т. 2, с. 405).

В культурном коде Гёте Пушкин открывает тайну козыря смерти, заражающей мир «любовью к смерти». Поэтому, попадая в «зону Фауста», он открывает ее губительную силу, которую предвосхитил и Гёте: великий немец всячески маркировал «полночность» архетипа Фауста, связывая его одновременно с опасностью онтологической слепоты фаустовского человека. Так, в акте 5 части 2 в сцене «Полночь», Нехватка, Вина и Нужда, которые уже не могут проникнуть в Дом-Хронотоп Фауста, произносят хором:

Все трое:
Затянуты тучами звезды и твердь,
А там, на большом расстоянии, а там,
Выходит навстречу сестра наша, Смерть.
Фауст:
Четыре были и остались три.
Я речь их смутно слышал изнутри,
Нужду упоминали, звезды, твердь
И в заключенье, как бы в рифму, – смерть (Гёте, 1976, с. 417).

Независимо от проблемы взаимоотношения «Гёте-ученый – Гёте-поэт», «судьба мира дала о себе знать именно в поэзии» (Хайдеггер, 1991, с. 42–43), поскольку поэтически Гёте предвосхитил «танатологический эротизм» Фауста, его слепую «любовь к смерти» по причине, о которой напоминает Забота:

Забота:
Злой, пришибленный, кургузый,
Он себе и всем в обузу
И живет наполовину,
Полутруп, полуруина.
За ничтожность, за блужданья,
За безволие, за шатанье,
За сомненья, за смешенье
Полусна и полубденья
Он достоин без пощады
Уготованного ада (Гёте, 1976, с. 419).

Парадокс «гуманного Гёте», однако, заключается в том, что он до последнего ищет повод для «пощады», будто давая «фаустовскому типу» шанс преодолеть гравитацию ада, в которую Фауст попадает даже биоэнергетически, причастив ее в свою кровь: «Кровь, надо знать, со-

всем особый сок» (Гёте, 1976, с. 62). Фауст сознательно принимает все известные искушения «запретной зоны», отвергнутые Анти-фаустом — Христом в пустыне, где был искушаем Дьяволом...

Феномен Гёте значим именно как «золотое сечение» этого фаустовского нового принципа реальности, основанного на автономности разума и особой новой специфике чувства, связывая способности разума и автономной без-евхаристичной чувственности с тайной «вечной женственности». Пушкин, даже не зная всего текста Гёте и познакомившись только с его отрывками, судя по всему благодаря книге о Германии мадам де Сталь, менее оптимистичен, обнаруживая в архетипе Фауста «код апокалипсиса», что подтвердила история Германии в XX веке. Т. Манн, потрясенный трагедией своей родины при Гитлере, устроившей ад для миллионов людей, в эссе «Германия и немцы» писал о «таинственной связи немецкого национального характера с демонизмом», о том, что «черт буквально уносит душу» Германии (Манн, 1961, с. 308). Этот культурный код своей родины, выведенный в горьком самопознании Т. Манном, уже открыт в пушкинских поэтических набросках от «Сцены из Фауста» у моря до сцен в аду из неосуществленного «замысла о Фаусте».

Однако все не так просто с Пушкиным и нами в этом германском коде. Тот же Т. Манн пишет в конце своего эссе: «...немецкая беда — это только образ человеческой трагедии вообще...» (Манн, 1961, с. 326). В антиномичности своей души и судьбы Пушкин не мог не переживать противоречивой динамики этой «человеческой трагедии», что проявляется даже в его небрежных замечаниях в письме к декабристу А. А. Бестужеву в начале лета 1825 года из Михайловского, в котором он, критикуя статью Бестужева «Взгляд на русскую словесность», опубликованную в «Полярной звезде», и его роман «Турнир», «напоминающий “Турниры” W. Scotta», добавляет: «Брось этих немцев и обратись к нам, православным» (Пушкин, 1974–1978, т. 9, с. 151). Даже в этой шутиливой небрежности все еще «масонствующего» Пушкина, что проявилось в нарративе его известного послания к осужденным декабристам «Во глубине сибирских руд...», есть, однако, проблеск того пасхального культурного кода, с высоты и глубины которого он прозревает в культурные коды всех «этих немцев», включая и другие европейские литературы, будто его гений был способен думать и по-немецки, и по-английски, и по-испански, и т. д., несмотря на то, что владел Пушкин изрядно только французским. Этот пассаж мы ориентируем на «поток сознания» самого Пушкина в письме к А. А. Дельвигу в июне 1825 года, где он, рассуждая о Державине, пишет, что тот «не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка... Его гений думал по-татарски...» (Пушкин, 1974–1978, т. 9, с. 152).

3. Пушкин и «Город чумы» Дж. Вильсона

Не этот ли «дух русского языка» открывает гению Пушкина то, что культурные коды всех «этих немцев», включая и любимых им Байрона и Шекспира, инфицированы чумой. «После чтения Шекспира, — гово-

рил Пушкин, — я всегда чувствую кружение головы; мне кажется, будто я глядел в ужасную, мрачную пропасть» (Разговоры Пушкина, 1991, с. 87).

В «гимне Чуме» Вальсингама в трагедии Пушкина, написанной по мотивам драматической поэмы Дж. Вильсона «Город чумы», «кружение головы» «у бездны мрачной на краю» достигает предела искушения новым бессмертием в гравитации «неизъяснимого наслаждения» гибелью:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог! (Пушкин, 1974—1978, т. 4, с. 326).

В нашем авторском нарративе велико искушение к обобщению этого «чумного кода» «бессмертья, может быть» с фаустовским «проектом бессмертия» у Гёте! А как же Пушкин с его русским культурным кодом? В. С. Непомнящий указывает на автобиографический пласт «Пира во время чумы» в контексте известной поэтической переписки Пушкина со святителем Филаретом, митрополитом Московским. Для своей «маленькой трагедии» Пушкин использовал 4-ю сцену 1-го акта поэмы Вильсона, в которой Председатель пира, потерявший возлюбленных мать и жену, пирует в окружении хора, отражающего обезбоживание Англии в новой динамике Нового времени. Дж. Вильсон, один из виднейших представителей «озерной школы», реализует в своей поэме в явной преемственности эсхатологических идей «метафизической поэзии» Англии XVII века постапокалиптическую картину «нового неба» будущего мира, отразившегося в чистом поэтическом «озере», «ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Откр. 21: 1). Посреди гибнущего города чумы поэтическая душа, персонифицированная в образе Магдалены, произносит, «умирая в озарении»: «Итак, я видела заветный берег // Родного озера... Христос, прими меня» (в пер. Ю. Верховского и П. Сухотина). В религиозной идейно-смысловой специфике поэмы Вильсона поэзия предстает как символический код света из будущего Небесного Иерусалима, дарующего умиротворение душам, увидевшим этот «нежный свет, на озере сиявший». Но в «городе чумы» заправляет хор, забывший о небе и аде: на предостережение священника о том, что «духи ада // Под хохот дьявольский влекут на гибель // Безбожника отъявленную душу», этот хор во главе с Председателем пира отвечает: «А ловко врет об аде! Дальше, дед!» (Вильсон, 1938).

Эпизод со священником, пытающимся остановить «чудовищную оргию», заканчивается у Вильсона теми же словами священника, обращенными к Вальсингаму, которые воспроизводит и Пушкин в зеркальной смысловой эквивалентности: «Прости, мой сын!» (Пушкин, 1974—1978, т. 4, с. 329). Однако он все же переосмыслен Пушкиным в том примечательном ключе, который побудил В. С. Непомнящего упомянуть о поэтической переписке Пушкина с Филаретом. Это важно, поскольку в динамике поэтического нарратива Пушкина эта переписка

сравнима с его встречей с Серафимом в «Пророке». В своем ответе на стихи Филарета, посвященные пушкинской меланхолии «Дар напрасный, дар случайный», Пушкин, явно потрясенный «стихами христианина», пишет:

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт (Пушкин, 1974–1978, т. 2, с. 218).

«Гимн Чуме» Вальсингама у Пушкина В. С. Непомнящий толкует как «черную литургию» (Непомнящий, 1991–1996, с. 78–79), то есть как литургический акт причащения бездне с ее эротической силой «кружения головы». Но в эту «черную мессу» вмешивается священник, побуждающий Председателя пира к не покаянному, но все же признанию:

Зачем приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не должен
Я за тобой идти: я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
Сознаньем беззаконья моего,
И ужасом той мертвой пустоты,
Которую в моем доме встречаю —
И новостью сих бешеных веселий,
И благодатным ядом этой чаши... (Пушкин, 1974–1978, т. 4, с. 327–328).

Но в отличие от финала эпизода со священником у Вильсона, у которого пир продолжается, хоть и переходит в ссору между Председателем и Молодым человеком, воплощающим тотальный нигилизм, Пушкин завершает трагедию словами Священника «Спаси тебя Господь! // Прости, мой сын» и ремаркой о том, что после его ухода Вальсингам «остаётся, погруженный в глубокую задумчивость» (Пушкин, 1974–1978, т. 4, с. 329).

Здесь все важно, что касается отличий культурных кодов, в которых рождаются поэтические нарративы Вильсона и Пушкина. У Вильсона сам Вальсингам, как, впрочем, и другие мужские персонажи, суть пассивные созерцатели триумфа смерти в лондонском хронотопе чумы бытия. Единственное, что они могут сделать в своей неспособности «удержания среды» (2 Фес. 2: 8), это то, что выражено словами Вильмонта у тела умирающей Магдалены, обращенными к Священнику: «Вручаю умирающую Вам» (Вильсон, 1938). Объективный коррелят онтологической поэтики Вильсона симметричен тому, что соответствует диагнозу Ж. Бодрийера о том, что «поэтический текст — это образец наконец-то реализованного бесследного, безостаточного растворения частицы означаемого (имени Бога), а через нее и самой инстанции языка» (Бодрийер, 2000, с. 345). В последующей истории английской культуры это «растворение» «имени Бога» и языка в его бытийной миссии «удержания среды» интенсифицируется до предела «сжигания языка» и его одновременного возвращения «в состояние наслаждения»

(Бодрийяр, 2000, с. 331) в «символическом обмене» со смертью! Это «сжигание» отражено в новой поэтике Томаса Элиота, например в его поэме «Бесплодная земля», и у многих других вплоть до постмодернистской прозы Питера Акройда.

Но разве не отразил Пушкин эту поэтическую динамику культурного кода Англии в своем обращении к поэме Вильсона и ее преломлении в своем культурном коде? Но это преломление все же диалектично, а не катастрофично, поскольку связано с тем, что Л. В. Гайворонская отмечает в своей работе «Герменевтика поэтического вдохновения в творчестве А. С. Пушкина» (Гайворонская, 2010, с. 376–389). В частности, анализируя на примере «Пророка» «отвержение поэтического слуха» у Пушкина «от прикосновения с иномирным», она пишет: «Симптоматично, что способность вмещать (то есть внимать и понимать) столь грандиозный диапазон звуков появляется от прикосновения серафима-ангела — в противоположность прикосновению музы (в русалочном обличии)» (Гайворонская, 2010, с. 378). В этом замечании Л. В. Гайворонской симптоматична невольна отраженная ею симметрия между английским кодом «озерной школы» Вильсона и его выявлением «русалочной музы» Пушкина, но и одновременно указание на присутствии «серафического кода» в сложной поэтической динамике Пушкина. В «Пире во время чумы» этот код обусловлен, по В. С. Непомнящему, в том числе фактором святителя Филарета, чьим «огнем душа палима»: «И ныне с высоты духовной / Мне руку простираешь ты» (Пушкин, 1974–1978, т. 2, с. 218).

Примечательно и то, что «русалочный код» в противоречивой динамике гения Пушкина отражен в начатой еще в 1829 году драме «Русалка»: в ее идейно-смысловой сути этот код сопряжен с романтическим идеалом красоты, реализованным в «озерной школе» Вильсона как коррелят к небу. По словам главной героини поэмы «Город чумы» Магдалены у могилы ее возлюбленного Франкфурта, «прекрасному не должно быть в могиле». В финальном эпизоде «Русалки» Пушкина Князь, обреченный пасть жертвой мести отвергнутой им дочери мельника, ставшей русалкой, видит на берегу Днепра ее дочь, посланную как прекрасное орудие этой мести матерью-русалкой. Он зачарован: «Что я вижу! Откуда ты, прекрасное дитя?» (Пушкин, 1974–1978, т. 4, с. 350). В этой незаконченной драме Пушкина красота юной русалочки, рожденной от него уже ставшей русалкой дочкой мельника, есть, по сути, коррелят к миру на дне Днепра, куда его заманит месть отвергнутой любви. Романтический коррелят красоты связан с тайной «любоначалия, змеи сокрытой сей», означенной Пушкиным в его «Молитве»:

Владыко дней моих! Дух праздности унылой.
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей... (Пушкин, 1974–1978, т. 2, с. 382).

В этой «Молитве», написанной под впечатлением молитвы св. Ефрема Сирина, читаемой в среду на Страстной неделе перед Пасхой, герменевтика поэтического вдохновения Пушкина находится в явной

богоцентричности его логоса, в котором диастема «Бог — человек» разрешается только в векторе от Бога к человеку. И именно об этом разрешении молит поэт в «духе смирения, терпения, любви». Русский философ И. А. Ильин в книге «Поющее сердце» пишет: «Молитва может внимать дыханию Божию, созерцать мудрость Творца и даровать человеку очевидность; молитва может сомневаться, вопрошать, отчаиваться, скорбеть и призывать... Пушкин молился каждым актом вдохновения» (Ильин, 1994, с. 392).

4. Пушкин и «Путь паломника» Дж. Беньяна

Но до предельной границы коррелята культурного кода России Пушкину предстоит идти еще несколько лет, поэтому его поэтика в «Пире во время чумы» все еще отмечена сердечной аритмологией в дизъюнкции: или разделить «черную литургию» сжигания жизни в поэтическом наслаждении гибелью, или же выбрать то, что отражено в заключительной молитвенной части, являющейся поэтическим переложением молитвы Иоанна Дамаскина, в стихотворном переводе Пушкина «На Испанию родную» из Саути под названием «Родриг»:

Милосердия надеюсь:
Успокой меня, Творец.
Но Твоя да будет воля,
Не моя (Пушкин, 1974 — 1978, т. 2, с. 519).

В этом финале неопубликованного при жизни произведения, датированного рукой Пушкина апрелем 1835 года, важно то, что имеет прямое отношение к сегодняшней России и к феномену Пушкина как поэтической точки сингулярности ее культурного кода: после слов «Но Твоя да будет воля, // Не моя» следует герменевтически важный финал вопроса со все еще затаенной неопределенностью в отношении своего места в Провидении: «Кто там идет?» (Пушкин, 1974 — 1978, т. 2, с. 519). В этом вопросе отражена опасность самоотрицания России по причине, на которую указывает и В. С. Непомнящий: «Ныне мера религиозной необразованности и духовного невежества в обществе поистине не поддается описанию, знаменуя тем самым меру самоотрицания, в которую впала Россия...» (Непомнящий, 1999, с. 247). Эта мера самоотрицания нередко задается вторжением в культурный код России чуждых ей культурных кодов, которых коснулся поэтический гений Пушкина. Говоря о поэтических шедеврах Пушкина, созданных на основе английских предтекстов, Достоевский, упоминая образы «Пира во время чумы», подчеркивает: «Но в этих фантастических образах слышен гений Англии... это тоска британского гения, его плач, его страдальческое предчувствие своего грядущего» (Достоевский, 1958, с. 455). А затем Достоевский напрямую обращается к реакции Пушкина на своеобразную попытку «британского гения» вырваться из ада «города чумы», предпринятую в аллегорическом романе «Путь паломника» Дж. Беньяна, опубликованного в 1678 году. В свое время это произведение Дж. Беньяна, представляющее собой сборник религиозных аллегорий, посредством

которых он создает собственную духовную биографию, было частью семейного чтения наряду с Библией. Это было время обостренного чувства собственной греховности и, как следствие ее, диктатуры смерти в «граде Гибели», из которого пытается вырваться герой романа Беньяна. Беньян, рассуждая о роли искусства в деле спасения, пишет, что долг каждого поэта «кричать о смертельной чуме, трубить, чтобы люди очнулись и бежали от величайшего зла» (Беньян), рабом которого стала его Англия. Несмотря на то, что книга Беньяна стала прецедентным текстом для классического романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» и что Клайв Льюис в культурном коде своей литературы создал на его основе свою духовную биографию «Кружной путь, или Блуждания паломника», она сегодня фактически не востребована широкой публикой.

В проблемном поле нашей работы книга Беньяна представляет собой обширный опыт гностической инициации, основанный на глубинной традиции эзотерического герметизма в Англии. Этот текст реализует утраченные сегодня возможности «риторической эпохи», конец которой А. В. Михайлов связывает с переходными динамиками в начале Нового времени (Михайлов, 1989, с. 112–175). Вряд ли Пушкин, несмотря на его «всемирную отзывчивость», мог учесть все нюансы души «английского ересиарха», все глубины его «безбрежной мистики» (Достоевский, 1958, с. 455), но в его поэтическом переложении первых страниц опуса Беньяна при сохранении некоторого изоморфизма аллегорическому нарративу исходного текста есть нечто, что отличает рождественский код английского мистика от начал пасхального вектора культурного кода России. Гностический код Беньяна в движении-бегстве протагониста из «Града Гибели», преодолевающего в конце пути Реку Смерти, доведен у Пушкина до поэтической предельности отрицания его как кода спасения. Беньян исходит из возможности спасающей инициации при условии переживания обостренного чувства греха. Выступая против «теологии соглашения» Лютера, он настаивает, что избранные спасаются не потому, что веруют, но веруют, потому что спасены. И главный шаг к спасению — признание своих грехов. У Пушкина это признание доведено, однако, до границы, делающей невозможным всякий путь гностической инициации по той причине, которую он означает в сильной позиции начала своего «Странника»:

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен (Пушкин, 1974–1978, т. 2, с. 365).

Душа, уличенная в убийстве в «аде самопознания», может спастись только через новотворение в Божественном свете. «Бог есть свет» (1 Ин. 1: 5), и Его Логос — «свет миру» (Ин. 8: 12), Христос — «Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1: 9). В этой связи Евангелист, указывающий у Беньяна на Тесные врата спасения, примечательным образом отличается от юноши, «читающего Книгу» у Пушкина. Загадочность образа этого юноши сравнима с видением патриарха Никона в Воскресенском монастыре в

1661 году, когда он, по свитку Московской синодальной библиотеки, «зрит в Церкви великий неизреченный свет... По сем зрит... пресветла юношу... и той пресветлый юноша на руках нося царский венец... И той пресветлый юноша царский венец поставляет на престол перед Святым Евангелием» (цит. по: Россия перед Вторым Пришествием, 2002, с. 29).

Почти все пушкиноведа, обращаясь к исследованию поэтических переложений Пушкина, отмечают их наполненность автобиографическим содержанием. В поэтическом логосе своего «Странника» Пушкин видит юношу с Книгой, однако в апокалиптической обостренности своей греховности. Уже это видение юноши с Книгой при всей его таинственности возвращает нас к платоническому правилу «подобное постигается подобным», то есть «видящее имманентно видимому» (Лосев, 1980, с. 443). В христианском понимании разделяется античный принцип видения как функции от света: «Светильник тела есть око... свет, который в тебе» (Лк. 11: 34–36). Этот принцип основан на онтологическом отношении к свету, что важно отметить в методологическом акценте нашей работы. В безбрежном поле теорий, с разных сторон рассматривающих проблему художественного творчества, этот акцент ориентирован не просто на персоналистское обоснование художественного творчества как онтологического атрибута личности творца-поэта (см.: Вдовина, 1975, с. 237–264), а на представленное как в отечественной, так и в зарубежной эстетике положение о том, что в языке поэзии бытие дает о себе знать (Хайдеггер, 1991, с. 42), что это бытие имеет национально-культурную специфику, что эта специфика имеет отношение к проблеме «коммуникации человека с Богом» (Гайденко, 1966, с. 77–107), что проблема этой «коммуникации» и задает соответствующий культурный код национально-языкового сообщества с его онтологическими динамиками.

В этом методологическом акценте онтологичность света, его бытийная роль вплотную подводит нас к тайне Пушкина в его «Страннике», где отражена сокровенная для пасхальной культуры концепция созерцания нетварного света после решающего отверзания чувств:

Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий Свет», – сказал я наконец (Пушкин, 1974–1978, т. 2, с. 367).

Эта концепция света не совпадает с чувственным восприятием некоего света посредством физического зрения: бытийно-онтологически – это иной Свет, Свет спасения, идущий из эсхатологического будущего, это «Свет миру», явленный в таинстве Воскресения. В «Страннике» отражен поэтический опыт основного для культурного кода России «бытия-действия», образующего как особый онтологический горизонт ее уникальной культуры-цивилизации, так и ее жизнеобразующий антропологический сценарий: человек есть только тогда, когда есть в «Свете истинном» (Ин. 1: 9). По слову православного мыслителя Софрония: «Сей Свет... перерождает и даже новотворит нас... От лица его бежит смерть...» (Софроний, 1991, с. 158–160).

В «Страннике» Пушкин преодолевает эзотерический эссенциализм Беньяна, который в целом характерен для гностических проектов рождественской культуры в векторе движения от человека к Богу, вплоть до отчаянного «прыжка к Богу» у Кьеркегора. Пушкин — на границе созерцания того Света, о котором апостол Павел говорит так: «В теле ли видел, не знаю, вне ли тела — не знаю» (2 Кор. 12: 2). Но именно этот новый Свет есть единственный, который Пушкин узнает как «спасенья верный путь и тесные врата» (Пушкин, т. 2, с. 367), буквально цитируя Новый Завет: «...тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят его» (Мф. 7: 14). Именно этот Свет побуждает к духовной остроте переживания своего падения, без осознания которого невозможно спасение. Через год после «Странника» в июле 1836 года поэтическое сердце Пушкина в своем покаянном порыве достигает предела псалмотворца Давида: в явной параллели к 16-му и 41-му псалмам Пушкин пишет:

Напрасно я бегу к Сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий (Пушкин, 1974—1978, т. 2, с. 528).

В «Страннике» Пушкина — это «грех к смерти», до поэтического осознания которого Пушкин доходит, став «плотью и кровью» культурного кода английского мистика XVII века, доказывая свою «всечеловеческую открытость» в культурном коде России, обращенному к «Богу, испытующему сердца наши» (1 Фес. 2: 4).

Послесловие

В художественной феноменологии гениев других культур Пушкин в духовно-поэтическом осязании распознает то, что их культурные коды инфицированы «тайной беззакония», нередко на той мистической глубине, которая никак не вписывается в рациональные схемы толкования. Даже предсказание петербургской гадалки Кирхгоф о гибели поэта от руки Weisskopf = белой головы (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, 1974, с. 5—6) имеет какую-то зловещую связь с этой глубинной мистикой и намекает на то, что феномен и тайна Пушкина имеют отношение к особой холистической онтологии, в которой все зримое всегда находится в связи с незримыми иерархиями света и тьмы. По воспоминаниям С. А. Соболевского, Пушкин, реагируя на вопрос о причине его ухода из масонства, ответил в полусхотливо-ироничном тоне: «Это все-таки вследствие предсказания о белой голове. Разве ты не знаешь, что все филантропические и гуманитарные тайные общества, даже и самое масонство, получили от Адама Вейсгаупта направление, подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним? Weisskopf, Weishaupt — одно и то же» (Разговоры Пушкина, 1991, с. 144). Как это не парадоксально, но даже свою будущую трагическую гибель Пушкин,

пусть в ироническом юродстве, связал с одним из самых зловещих центров «тайны беззакония» — масонским орденом иллюминатов, созданным А. Вейсхауптом в 1776 году в Мюнхене (см.: Risi, 1999, S. 108–117). Нарастающее влияние иллюминатов и связанных с ними других масонских лож, а также их зловещая роль в экономике и политике нашли свое отражение в немецкой литературе XVIII–XIX веков, например в романе Гельдерлина «Гиперион», во многих новеллах Э. Т. А. Гофмана и др. В. С. Непомнящий в послесловии к книге И. Ю. Юрьевой «Пушкин и христианство» утверждает то, с чем трудно не согласиться, учитывая в том числе пушкинский опыт гениев других культур: «Пушкину было дано чувствовать и мыслить по-христиански, было дано благое иго (Мф. 11: 30) по-христиански “мыслить и страдать” в его гении, данного Богом России как раз в эпоху великих соблазнов» (Непомнящий, 1999, с. 248). В сегодняшней России вновь и как никогда остро стоит вопрос о ее призвании в истории, о ее истинном культурном коде, который в драматичном противоречии нашел свое отражение в поэтическом мире Пушкина в его конечном убеждении, выраженном в письме к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 года: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» (Пушкин, т. 10, с. 287–288).

Список литературы

- А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2 т. М., 1974. Т. 2.
 Беньян Дж. Путь паломника / пер. с англ. Т. Поповой. СПб., 2006.
 Беньян Дж. Путешествие пилигрима / пер. с англ. Н. Бобровой. URL: https://booksafe.net/read/benyan_dzhon-puteshestvie_piligrima-256830.html#p10 (дата обращения: 14.08.2019).
 Бердяев Н. А. О назначении человека. О рабстве и свободе человека. М., 2006.
 Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
 Вдовина И. Персоналистское обоснование художественного творчества как онтологического атрибута личности // Проблемы художественного творчества. М., 1975. С. 237–264.
 Вильсон Дж. Город Чумы / пер. Ю. Верховского, П. Сухотина. М., 1938. URL: http://az.lib.ru/w/wilxson_d/text_1816_the_sity_of_the_plague.shtml (дата обращения: 10.07.2019).
 Гайворонская А. В. Герменевтика поэтического вдохновения в творчестве А. С. Пушкина // Универсалии русской литературы. 2. Воронеж, 2010. С. 376–389.
 Гайденок П. П. Проблема интенциональности у Гуссерля и экзистенциалистская категория трансценденции // Современный экзистенциализм. М., 1966. С. 77–107.
 Гёте И. В. Фауст // Собр. соч. : в 10 т. М., 1976. Т. 2.
 Достоевский Ф. М. Пушкин // Собр. соч. : в 10 т. М., 1958. Т. 10. С. 442–459.
 Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Соч. : в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 305–471.
 Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980.
 Манн Т. Германия и немцы // Собр. соч. : в 10 т. М., 1961. Т. 10. С. 303–326.

Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры. М., 1989. С. 112 – 175.

Непомнящий В. С. Пушкин через двести лет // Пушкинская эпоха и христианская культура. Вып. 1 – 9. СПб., 1991 – 1996. Вып. 5. С. 74 – 96.

Непомнящий В. С. Послесловие // Юрьева И. Ю. Пушкин и христианство. М., 1999. С. 247 – 248.

Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1974 – 1978.

Разговоры Пушкина. М., 1991.

Россия перед Вторым Пришествием. Пророчества русских святых. М., 2002.

Софроний (Сахаров) иером. Старец Силуан. М., 1991.

Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии // Логос. 1991. №1. С. 37 – 47.

Risi A. Machtwechsel auf der Erde. Neuhausen, 1999.

Об авторах

Владимир Хамитович Гильманов, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

Александра Сергеевна Косинская, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru

Для цитирования:

Гильманов В. Х., Косинская А. С. Феноменология «мировой отзывчивости» Пушкина (на материале «Сцены из Фауста», «Пира во время чумы», «Странника») // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 18 – 34. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-2.

THE PHENOMENOLOGY OF PUSHKIN'S 'UNIVERSAL SYMPATHY' (BASED ON A SCENE FROM FAUST, A FEAST IN TIME OF PLAGUE, 'THE WANDERER')

V. H. Gilmanov¹, A. S. Kosinskaya¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on September 14, 2019
10.5922/2225-5346-2020-2-2

This article attempts to approach the discovery of what Dostoevsky called Pushkin's 'great secret'. In his essay 'Pushkin', Dostoevsky wrote that the poet had 'a capacity for universal sympathy'. The 'secret' of Pushkin is analysed in this article in the context of the general cultural problem of fundamental ontological predicates, which determined the main cultural codes of the literary worlds reflected in the poet's oeuvre. The methodological approach is based on Valentin Nepomnyashchii's concept of the poetic momentum of Pushkin's literary work, which is always in the stress field between the Christmas and Easter meta-codes. This field dictates the solution to the main Christian problem of correlations in the dialogue between God and the human being. It is concluded that Pushkin was aware of the dangers of 'the mystery of iniquity', which is closely connected with the ideas of Gnosticism when partaking spiritually and poetically of the literary phenomenology of Goethe's tragedy Faust.

John Wilson's poem 'The city of the plague', and John Bunyan's allegorical novel *Pilgrim's Progress*. The article emphasises that Pushkin used his 'capacity for universal sympathy' to incorporate those dangers in both life and poetry. The hermeneutics of poetry is also dealt with in its connection to the hermeneutics of faith within the context of Russia's and Western Europe's eschatological objectives, which shaped the cultural codes of the two territories.

Keywords: cultural code, mystery, Pushkin, Valentin Nepomnyashchii, Johann Wolfgang von Goethe, John Wilson, John Bunyan.

References

Vatsuro, V.E., et al., eds., 1974. *A.S. Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t.* [A.S. Pushkin in the memoirs of contemporaries: in 2 vol.]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Bunyan, J., 2006. *Put' palomnika* [Pilgrim way]. Translated from English by T. Popova. St. Petersburg (in Russ.).

Bunyan, J., n.d. *Puteshestvie pilgrima* [Pilgrim's Journey]. Translated from English by N. Bobrova. Available at: https://bookscafe.net/read/benyan_dzhon-puteshestvie_pilgrima-256830.html#p10 [Accessed 22 May 2019] (in Russ.).

Berdyaev, N.A., 2006. *O naznachanii cheloveka. O rabstve i svobode cheloveka* [About the appointment of a person. About slavery and human freedom]. Moscow (in Russ.).

Baudrillard, J., 2000. *Simvolicheskii obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow (in Russ.).

Vdovina, I., 1975. Personalistic substantiation of artistic creation as an ontological attribute of personality. In: Anon, ed. *Problemy khudozhestvennogo tvorchestva* [Problems of artistic creation]. Moscow. pp. 237–264 (in Russ.).

Wilson, J., 1938. *Gorod Chumy* [The City of the Plague]. Translated by Yu. Verkhovsky and P. Sukhotin. Moscow. Available at: http://az.lib.ru/w/wilxson_d/text_1816_the_sity_of_the_plague.shtml [Accessed 10 July 2019] (in Russ.).

Gaivoronskaya, A.V., 2010. Hermeneutics of poetic inspiration in the work of A.S. Pushkin. In: A.A. Faustov and M. Fraize, eds. *Universalii russkoi literatury* [Universals of Russian literature]. Vol. 2. Voronezh. pp. 376–389 (in Russ.).

Gaidenko, P.P., 1966. Husserl's intentionality problem and the existentialist category of transcendence. In: T.I. Oiserman, ed. *Sovremennyyi ekzistentsializm* [Modern existentialism]. Moscow. pp. 77–107 (in Russ.).

Goethe, I.V., 1976. Faust. In: A. Anikst and B. Wilmont, eds. *I. V. Goethe. Sobranie sochinenii v 10 tomakh* [I.V. Goethe. Collected works in 10 volumes]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Dostoevsky, F.M., 1958. Pushkin. Feature article. In: L.P. Grossman, et al., eds. *F.M. Dostoevsky. Sobranie sochinenii v 10 tomakh* [F.M. Dostoevsky. Collected works in 10 volumes]. Vol. 10. Goslitizdat. pp. 442–459 (in Russ.).

Ilyin, I.A., 1994. *Poyushchee serdtse. Kniga tikhikh sozertsanii. Sochineniya v 2 t.* [Singing heart. The book of silent contemplations. Works in 2 vol.]. Vol. 2. Moscow. pp. 305–471 (in Russ.).

Losev, A.F., 1980. *Istoriya antichnoi estetiki. Pozdnii ellinizm* [The history of ancient aesthetics. Late Hellenism]. Moscow (in Russ.).

Mann, T., 1961. *Germaniya i nemtsy. Sobranie sochinenii v 10 tomakh* [Germany and the Germans. Collected works in 10 volumes]. Vol. 10. pp. 303–326 (in Russ.).

Mikhailov, A.V., 1989. Baroque poetics: the end of the rhetorical era. In: A.V. Mikhailov, ed. *Problemy istoricheskoi poetiki v istorii nemetskoi kul'tury* [Problems of historical poetics in the history of German culture]. Moscow. pp. 112–175 (in Russ.).

Nepomnyashchy, V. S., 1994. Pushkin in two hundred years. *Pushkinskaya epokha i khristianskaya kul'tura* [Pushkin era and Christian culture], 5, pp. 74–96 (in Russ.).

Nepomnyashchy, V. S., 1999. Afterword. In: I. Yu. Yurieva, ed. *Pushkin i khristianstvo* [Pushkin and Christianity]. Moscow. pp. 247–248 (in Russ.).

Pushkin, A. S., 1974–1978. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works: in 10 volumes]. Moscow (in Russ.).

Gessen, S. and Modzalevsky, L., eds., 1991. *Razgovory Pushkina* [Pushkin's conversations]. Moscow (in Russ.).

Fomin, S. V., ed., 2002. *Rossiya pered Vtorym Prishestviem. Prorochestva russkikh svyatykh* [Russia before the Second Coming. Prophecies of Russian Saints]. Moscow (in Russ.).

Sofroniy (Sakharov), hieromonk, 1991. *Starets Siluan* [Elder Silouan]. Moscow (in Russ.).

Heidegger, M., 1991. Gelderlin and the essence of poetry. *Logos*, 1, pp. 37–47 (in Russ.).

Risi, A., 1999. *Machtwechsel auf der Erde*. Neuhausen.

The authors

Prof. Vladimir Kh. Gilmanov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: gilmanov.vladimir@rambler.ru

Alexandra S. Kosinskaya, Postgraduate Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: aleksandra-hromo@mail.ru

To cite this article:

Gilmanov, V. H., Kosinskaya, A. S. 2020, The phenomenology of Pushkin's 'universal sympathy (based on 'A scene from 'Faust', 'The feast in the time of plague', and 'the Wanderer'), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 18–34. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-2.

О СУДЬБЕ И/ИЛИ ПРОМЫСЛЕ
В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «МЕТЕЛЬ»

*Н. П. Видмарович*¹

¹ Загребский университет, Философский факультет
10000, Хорватия, Загреб, ул. Ивана Лучича, 3
Поступила в редакцию 15.08.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-3

Исследователи неоднократно отмечали сходство между повестью Пушкина «Метель», балладой Жуковского «Светлана», откуда Пушкин позаимствовал эпиграф, и «Ленорой» Бюргера, дважды и различно использовавшейся Жуковским. Различия в функционировании традиционного сюжета рассматриваются на фоне взаимосвязи и взаимозависимости судьбы, случая и свободной воли. Отношение главных героев трех произведений к действию промысла Божьего в христианском контексте прочтения позволяет объяснить мотивацию их поступков, дальнейший ход событий и концовку произведений.

Ключевые слова: метель, промысл, Ленора, Светлана, жених, отчаяние, Жуковский, Бюргер, судьба, церковь.

В самом начале коснемся двух поэм, содержательно связанных с повестью А. С. Пушкина «Метель». Своим эпиграфом «Метель» имеет два отрывка из баллады В. А. Жуковского «Светлана»: «Кони мчатся по буграм, / Топчут снег глубокий... / Вот, в сторонке божий храм / Виден одинокий». И второй — через многоточие: «Вдруг метелица кругом; / Снег валит клоками; / Черный вран, свистя крылом, / Вьется над санями; / Вещий стон гласит печаль! / Кони торопливы / Чутко смотрят в темну даль, / Воздымая гривы...» (Пушкин, 1957, с. 102) (пропуск между отрывками делается в том месте, где у Жуковского описывается церковное отпевание).

Баллада Жуковского, в свою очередь, является одной из его стихотворных переработок известного сочинения Готфрида Бюргера «Ленора», причем характерно, что Пушкин для эпиграфа выбрал именно «Светлану», имеющую по сравнению с «Людмилой», первым переложением «Леноры», иной — счастливый — исход (отметим, что при создании и «Людмилы», содержательно более близкой к бюргеровской поэме, и «Светланы» поэт использовал различные английские переводы «Леноры», а в 1831 году он сделал перевод, наиболее близкий оригиналу).

Обратимся к источнику баллады В. А. Жуковского «Светлана» — сочинению Готфрида Бюргера. «Ленора» начинается со слов о страшном сне (содержание его не сообщается), после которого, не найдя возлюбленного среди возвратившихся с войны ратников, девушка

свет божий прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала (Жуковский, 1959).

Будучи не в состоянии смириться со страшным горем, она впервые произносит роковые слова «Сам Бог врагом Леноре...» (Жуковский, 1959), что ее мать объясняет отчаянием, обращаясь к Богу с молитвой о прощении, а к дочери — со словами вразумления:

Прости ее, небесный царь!
Родная, помолися;
Он благ, его руки мы тварь:
Пред ним душой смирися (Жуковский, 1959).

Однако ни слова утешения, ни призыв матери причаститься пречистых тайн, способных исцелить ее душу, не останавливают Ленору, горько упрекающую Бога в немилосердности и глухоте к ее страданиям. Оказавшись во власти страстей, она неминуемо теряет веру во всемогущество Творца:

О друг мой, что во мне кипит,
Того и Бог не усмирит:
Ни тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвый (Жуковский, 1959).

Нарастающее отчаяние Леноры приводит ее не просто к тому, что она проклинает свою безотрадную жизнь, но открыто объявляет Бога своим врагом. Последнее предупреждение матери о необходимости смирения, открывающего двери рая, и муках ада («Ведет ко благу божий путь; / Смирением рай награда. / Страшись мучений ада» (Жуковский, 1959)) встречает уже непреклонное противление Леноры — она умерла для земного и небесного рая:

Так дерзко, полная тоской,
Душа в ней бунтовала...
Творца на суд она с собой
Безумно вызывала (Жуковский, 1959).

Открыто заявленное богоотступничество предопределяет ее дальнейшую судьбу со всеми трагическими последствиями. За Ленорой является жених — посланец ада, увлекающий ее за собой в погибель. Появление всадника строится на контрастах — Ленора слышит «легкий скок коня» (Жуковский, 1959) и одновременно гром копыт, грохот лат взбегающего на крыльцо возлюбленного и вкрадчивый шепот через дверь. Все ощущения Леноры обострены до крайности — она дрожит,

смеется и грустит, и ее смятение чувств отвечает вою ветра в поле, покрытом ночной тьмой. И несмотря на достаточно прозрачный ответ жениха на вопрос о его приюте — «Далёко он... пять-шесть досток... / Прохладный, тихий, темный» (Жуковский, 1959), Ленора сходит по ступеням вниз, и мертвец стремительно уносит свою невесту. Заметим, что ключевыми можно считать слова «Она подумала, сошла» (Жуковский, 1959) — то есть речь идет не только о безумном и дерзком, но одновременно сознательном шаге, который Ленора совершает навстречу своей собственной гибели.

В продолжении скачки дрожащая Ленора трижды со страхом и изумлением спрашивает возлюбленного, для чего твердит он о мертвецах, трижды перед ними проходят мрачные картины — похоронная процессия, висельник и, наконец, кладбище — цель ночного путешествия. И трижды жених высказывает беспокойство лишь тем, чтобы исполнить план до рассвета, до крика первых петухов. Лишь под утро исчезает наваждение, и Ленора вдруг видит, как слетает одежда с ее жениха и она оказывается в руках у скелета. Вершится Божий суд, и богоотступницу настигает рука Провидения. Последняя в ряду картин — ее собственная смерть, однако главная мысль здесь не только о схождении тела в могилу, но и о надежде на помилование души Творцом — Тем, кого Ленора, считая немилосердным, в отчаянии легкомысленно и дерзко отвергала. Сочинение Бюргера, таким образом, откровенно морализаторское и направлено против увлечения плотскими утехами в ущерб спасению души.

Иная картина развертывается в «Светлане» Жуковского, опирающегося на сюжет «Леноры». Если в «Леноре» сном открывается повесть о страшной яви, то в «Светлане», наоборот, пережитые ужасы оказываются сном. События в целом смягчены вписанностью во время и пространство святок, а действие начинается в «крещенский вечерок».

К тому же с самого начала мы видим не бунт против Бога, не мятежное состояние души героини, измученной ожиданием жениха, но грусть, покорность судьбе — провидению и смирение: «Мне судьбина умереть / В грусти одинокой» (Жуковский, 1965, с. 287). Светлана полагается во всем именно на волю Бога: «Я молось и слезы лью! / Утоли печаль мою, / Ангел-утешитель» (Жуковский, 1965, с. 287), хотя без полного предания ей, ибо в христианском смысле это подразумевало бы отсутствие всех сомнений и радостную готовность следовать воле Божьей, что возможно у подвижников. Этим как раз и можно объяснить, почему Светлана невольно, поддавшись уговорам подруг, все же решает принять участие в запретных гаданьях. Она садится перед зеркалом, и далее происходит сцена, во многом напоминающая сцену из «Леноры». Однако в отличие от Леноры Светлана испытывает робость и страх, хотя суженый говорит ей не о будущем мрачном приюте, а о венчании:

«Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами» (Жуковский, 1965, с. 289).

И во время скачки непогоды нет, вьюга поднимается над санями только когда кони вздымают снег копытами, и пейзаж при всей своей унылости все же поначалу не столь мрачен:

Скачут... пусто все вокруг,
    Степь в очах Светланы;
На луне туманный круг;
    Чуть блестят поляны (Жуковский, 1965, с. 289).

Картины, проносящиеся перед взором Светланы, страшат ее, но вместе с тем Божий храм, хотя в нем и идет отпевание, освещен ярким светом паникадил, они тускнеют, но в фимиаме. Неожиданно поднявшаяся метель и карканье ворона, предвестника печали, отступают перед появлением вдали огонька, оказывающегося хижинкой под снегом — «мирным уголком» (Жуковский, 1965, с. 290). И сами кони «чутко смотрят в темну даль» (Жуковский, 1965, с. 290), что говорит не о безысходности, но о напряженном ожидании грядущего. Уныл и бледен жених-призрак, но во время скачки он все время хранит молчание, а потом и вовсе исчезает.

Впрочем, и само пребывание Светланы в одинокой хижине с мертвым телом (как оказалось, ее женихом) проходит под Божьей защитой. Девушка стучится в дверь хижины с молитвой, она падает ниц перед иконой и горячо молится лику Спасителя, а затем с крестом в руке садится под иконами. Белоснежный голубок, символизирующий Духа Святого, защищает ее от наваждения, так что страшные переживания и картины, вызванные минутной слабостью, рассеиваются в самый критический миг — явь оказывается всего лишь сном. А с приездом поутру жениха, живого и невредимого, исчезает и ее грусть. Потому и заключение поэта просто и многозначительно:

Лучший друг нам в жизни сей
    Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
    Счастье — пробужденье (Жуковский, 1965, с. 294).

Повесть Пушкина «Метель» имеет определенные параллели и со «Светланой», и с «Ленорой», хотя пушкинская повесть, несмотря на свою кажущуюся простоту, многозначна, и каждое ее слово, рассматриваемое под различными углами, раскрывает богатые глубины смыслов. Одним из таких интересных пластов является незримый ход событий, развертывающийся параллельно с действиями и усилиями самих героев, их формирующий и назидательный, который можно обозначить как действие судьбы или промысла.

Что же обозначено у поэта провидением и судьбой? Согласно четырехтомному «Словарю языка Пушкина», провиденье «по религиозным представлениям — высшая божественная сила, власть, направляющая судьбы людей и всего мира ко благу» (Словарь языка Пушкина, 2000, т. 3, с. 837). Слово «провиденье» встречается у поэта 12 раз, и во всех

примерах он говорит о тайной воле провиденья, об искушении провидения, называет его святым, поручает себя провидению. Интересно, что в самой «Метели» слово «провидение» вообще не упоминается, включая «Повести Белкина». Отсутствует в них и слово «промысл» — во всех сочинениях поэта это слово, выступающее синонимом к провидению, употребляется всего 6 раз.

Слово же «судьба» употребляется у Пушкина намного чаще. Словарь языка Пушкина отмечает его появление 290 раз, причем в двух основных значениях: «1. По религиозным представлениям — высшая сила или воля божества, предопределяющая все, что происходит в жизни (131). <...> 2. Доля, участь; жизненный путь кого-н. (149)» (Словарь, 2000, т. 4, с. 441). В «Повестях Белкина» слово «судьба» встречается 5 раз, из них 4 раза в «Метели», с определенными смысловыми оттенками: «Там они клялися друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предположения» (Пушкин, 1957, с. 103); «Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся к молодому нашему любовнику» (Пушкин, 1957, с. 106); «Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конем не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное» (Пушкин, 1957, с. 110); «Теперь уже поздно противиться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» (Пушкин, 1957, с.115–116).

Интересно обратить внимание на значение слова «судьба» в церковнославянском языке: «судьба — закон, установление, определение, хрѣца» и примеры: «въ сей день заповеда тебе Господь Бог твой сотворити вся оправдания сия, и судьбы в этот день заповедал тебе Господь Бог твой исполнять все законы эти и установления» (Втор. 26: 16); «яко повеление Израилеви есть, и судьба Богу Иаковлю такова воля для Израиля и устав от Бога Иаковлева» (Пс. 80: 5); «правда и судьба оуготование престола Твоего: милость и истина предидете пред лицемъ Твоимъ справедливость и закон — приуготовление (основание для) престола Твоего, милость и истина предидут пред лицомъ Твоимъ» (Пс. 88: 15); «той Господь Богъ нашъ: по всей земли судьбы Его Он Господь Бог наш, по всей земле — установления Его» (Пс. 104: 7); «и имиже веси судьбами, спаси мя и какими знаешь изволениями, спаси меня (ПсСл Час 3 мльв)» (Седакова, 2008, с. 348).

Итак, судьба первоначально обусловлена установлениями Божиими, с Его законом, хотя позднее значение слова «судьба» оказалось более широким, поскольку связывалось не только с волей Бога, но и языческих божеств, к которым прибегали с намерением узнать будущее. Возможно, именно по этой причине и в святоотеческих сочинениях нередко противопоставляют судьбу Божьему промыслу и Провидению, к примеру: «Не будем приписывать управления миром демонам, не бу-

дем думать, что о настоящих делах никто не промышляет, не будем противопоставлять Промыслу Божию тирании какого-то рока и судьбы» (Иоанн Златоуст).

Обратим внимание на название повести — «Метель». Хотя в издании «Повестей Белкина», напечатанных в Санкт-Петербурге в типографии Х. Гинце в 1834 году и ранее, в отдельном издании «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина», вышедших в Санкт-Петербурге и напечатанных в Типографии Плюшара в 1831 году, стоит название «Метель», Словарь языка Пушкина приводит «мятель» — «метель» дается в скобках, и, кстати, название повести указывается как «Мятель» (Словарь языка Пушкина, 2000, т. 2, с. 686). Касаясь в своей статье смысловой нюансировки «мятели» и «метели», С. А. Васильев пишет об особой значимости внутренней формы слова-заглавия «мятель» и делает вывод, что «существенную роль она играет и в образном строе "Мятели", в частности раскрытии психологического состояния персонажей, мотивации их поступков, создании образа идеи» (Васильев, 2008).

Слово «мятель» и у Владимира Даля, выступая синонимом к «метели», связывается с глаголом «мясти», означающим «приводить в смущенье, мутить, смущать; тревожить, беспокоить, перебивать туда и сюда» (Даль, 2003, т. 2, с. 374) — далее он приводит очень красноречивый пример — «Страсти мятут душу <...> Снежные хлопья мятутся по воздуху, Все въ страхе мятутся» (Даль, 2003, т. 2, с. 374) и «Всеу мятется человекъ» (Даль, 2003, т. 2, с. 374).

Внутреннее смущение Марии Гавриловны, а в конце и Бурмина, мятежное состояние души Владимира, отважившегося на безрассудство, равное по степени сумасбродному поступку Бурмина, поменявшегося ролью с Владимиром в самый важный момент, — все это оказывается созвучным названию повести: именно мятель становится ее центральным образом.

Мария Гавриловна, подобно Светлане и Леноре, влюблена, ее тоже должны увезти совершенно в романтическом духе (так ей представлялось в воображении в результате увлечения французскими романами, от сравнения жизненных ситуаций с которыми она так и не отошла, о чем свидетельствует ее объяснение с Бурминым). Однако в дорогу, в отличие от Леноры и Светланы, Мария Гавриловна отправляется не с женихом, а отдельно от него. Любопытно, что добирается героиня до жадринской церкви, кажется, без особых приключений, несмотря на жесточайшую метель (автор замечает, что она была на попечении судьбы и искусства Терешки-кучера).

Владимир, наоборот, встречается с самым неистовым сопротивлением своему путешествию, поскольку неожиданно разыгрывается неописываемая метель: «Едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землею» (Пушкин, 1957, с. 106–107), так что ехать ему пришлось полем. Опасность такого путешествия была очевидна во времена Пушкина каждому: описывая быт и обычаи русских, Н. И. Костомаров особо отмечает

все тяготы зимнего путешествия, ибо «с начала зимы встречались неудобства, когда пролагались вновь зимние дороги; раз проложенная тропа оставалась в первоначальном виде на всю зиму. Если мужику случалось проехать в начале зимы и он выбирал непрямую дорогу, колея эта не изменялась, потому что искать новых путей по сугробам было опасно» (Костомаров, 1993, с. 163). Мучительность езды Владимира подчеркивает слово «поминутно», которое Пушкин многократно повторяет в пределах короткого отрезка текста: «Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то взъезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались» (Пушкин, 1957, с. 107); «с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу» (Пушкин, 1957, с. 107); «Всё сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их подымал» (Пушкин, 1957, с. 107).

При этом молодой человек не столько заботится о том, доехала ли Марья Гавриловна в такую непогоду (в тексте упоминается, что ее кони летели, в то время как лошадь Владимира шла шагом, а потом и вовсе встала), сколько о том, чтобы самому не сбиться с дороги. Тогда перед читателем впервые проносится целый вихрь его ощущений и мыслей, и герой оказывается в центре повествования. Он стал «думать, припоминать, соображать» (Пушкин, 1957, с. 107), поняв, что сбился с пути, Владимир начинает сильно беспокоиться, надежда выехать на дорогу и кратковременное спокойствие сменяются ужасом и отчаянием и, наконец, слезами. Другими словами, под пером Пушкина Владимир в сцене езды как бы оживает, поскольку до этого читатель видит его не более чем «предметом, избранным ею» (Пушкин, 1957, с. 102), то есть Марией Гавриловной, который, в соответствии с назначенной ему ролью, «разумеется... пылал равною страстию» (Пушкин, 1957, с. 103). Ни о его характере и достоинствах, ни даже о происхождении не говорится ни слова: единственная подробность в начале повести — указание на то, что он армейский прапорщик (то есть представитель самого низкого военного чина по табели о рангах в армии — 14-го класса), притом бедный, приехавший погостить в своей деревне. Неудивительно, что родители Маши принимали его хуже, чем отставного заседателя. Попутно отметим, что Владимир, по-видимому, не меньше увлекался чувствительной литературой своего времени — по крайней мере, после его смерти Маша «берегла все, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для нее» (Пушкин, 1957, с. 112).

Находясь между романтическим представлением о жизни и самой жизнью, Владимир пребывал в заблуждении и относительно самого себя и будущего с Марией Гавриловной. Именно ему пришла в голову мысль о побеге: «Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны» (Пушкин, 1957, с. 103).

Полное смятение чувств и ума им, кажется, совершенно было не осознаваемо, тем более что не только воля «жестоких» родителей противилась его намерениям, но и увещевания священника, навверняка

взвывавшего к недопустимости нарушения заповедей Божьих: Владимир «насилу с ним уговорился» (Пушкин, 1957, с. 106). Убедительнее для Владимира стали восторженные объятия со случайными, по сути, людьми, крайне легкомысленно согласившимися быть ему свидетелями, готовность шестнадцатилетнего мальчика пожертвовать своей жизнью и азарт корнета Дравина, ибо «это приключение... напоминало ему прежнее время и гусарские проказы» (Пушкин, 1957, с. 106). Смятение как отсутствие смирения, которое в святоотеческом понимании является отсутствием правильного представления о самом себе и своем окружении, привело к противлению несправедливой судьбе, которое, однако же, на деле оказалось противлением Божественному установлению, предначертанию Бога. Другими словами, это стало тем же бунтом, мятежом против Бога, но осуществляемым различно Владимиром и Марией Гавриловной.

Мятежное состояние духа Владимира, его душевная «мятель», акцентированная снежной метелью, дублируется его блужданиями («блуждать», «блудить» и «заблуждаться» — выбор неправильного, греховного пути в прямом и переносном смысле) по заснеженной степи. Обратим внимание на изумительно точный выбор слова Пушкиным для описания его состояния: «поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел» (Пушкин, 1957, с. 106–107). У Даля слово «взвидеть» означает не просто «увидеть, завидеть», но снабжено пояснением: употребляется «для выражения внезапности или сильного душевного волнения» (Даль, 2003, т. 1, с. 192). Невозможно не вспомнить стихотворение Пушкина «Бесы»:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна (Пушкин, 1982, с. 155),

в котором, кстати, есть и слова о похоронах домового, о выдаче замуж ведьмы, и о рое кружащихся бесов — совсем как в «Леноре» с кружащимися над висельниками духами, приглашенными мертвым женихом на свадьбу. «Кружит бес по сторонам», — повторяет Пушкин народную поговорку о путниках, сбившихся с пути.

И лишь в незнакомом черном лесу, контрастирующим с белой, бурной степью, Владимир как будто находит дорогу: «Скоро нашел он дорогу и въехал во мрак дерев, обнаженных зимою. Ветер не мог тут свирепствовать; дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владимир успокоился» (Пушкин, 1957, с. 108) (ср. «Ленора»: «Но месяц встал, он светит нам... / Гладка дорога мертвецам; / Мы скачем, не боимся; / До света мы домчимся» (Жуковский, 1959)). Другими словами, Владимир буквально едет навстречу своей гибели, что и подтверждается всеми его дальнейшими мыслями и ходом действия: в полусумасшедшем письме родителям Марии Гавриловны он «просил забыть о несчастном, для которого смерть остается единою надеждою» (Пушкин, 1957, с. 111); впоследствии его ранят под Бородино, после чего он умирает в Москве

накануне вступления в нее французов. Впрочем, о гибели всех своих замыслов, о «превратности судьбы» или о том, что промысл Божий не отвратим, Владимир начинает догадываться уже в доме крестьянина, когда в отчаянии хватается за волосы и остается «недвижим, как человек, приговоренный к смерти» (Пушкин, 1957, с. 108). Мысленная «мятель» сметает его с жизненного пути Марии Гавриловны.

Как в «Леноре» и «Светлане», мертвый жених предвещает смерть и своей возлюбленной — но если в «Леноре» страсть и отчаяние настолько затмевают разум, что девушка как будто не слышит двусмысленных зловещих слов о том, что их будущий приют «пять-шесть досток... / Прохладный, тихий, темный», то с Марией Гавриловной все происходит иначе, несмотря на то, что она тоже оказывается в тени смерти. Приехавшему Бурмину в церкви указывают, приняв его за Владимира, что «чуть было вы барышню не уморили» (Пушкин, 1957, с. 117), а впоследствии, по возвращении в родительский дом, «бедная больная две недели находилась у края гроба», в бреду, однако девушка осталась жива.

Совершенно иные чувства по сравнению с Владимиром испытывает Марья Гавриловна и накануне отъезда. Если Ленора полна дерзостного порыва и безрассудной смелости, если Светлана, ощущая робость, отвечает жениху умильным взором, то Мария Гавриловна накануне побега, который, казалось бы, откроет дорогу к счастью, видит безобразные сны: «Бросилась на постель перед самым рассветом и задремала; но и тут ужасные мечтания поминутно ее пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец ее останавливал ее, с мучительной быстротою тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелие... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца, то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил ее пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться... другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим. Наконец она встала, бледнее обыкновенного и с неприятной головою болью» (Пушкин, 1957, с. 104).

Она втайне прощалась со всеми предметами и людьми, она заливалась слезами, сердце ее сильно билось, голос дрожал, мысль о разлуке с родителями стесняла ее сердце — другими словами, она уже умирала от тоски до побега, была на пороге смерти непосредственно после венчания с другим и окончательно умерла для прошлого, смирившись со случившимся.

Что же означало в повести для всех ее персонажей исполнять волю Божью и не противиться Промыслу? Прежде всего исполнять заповеди Божьи, среди которых и заповедь «Почитай отца твоего и мать твою» (Ис. 20: 12), Зная это и все же поддавшись уговорам Владимира, ободряемая своей служанкой во время подготовки к побегу Марья Гавриловна в письме к родителям признается, что блаженнейшей минутой станет для нее возможность броситься к их ногам и просить их о прощении и благословении. Заметим, что роль голубка из «Светланы», символизир-

ровавшего Духа Святого, в повести Пушкина выполняет именно родительское благословение, которое она получает «по обыкновению» (Пушкин, 1957, с. 105) и которое оказывается поистине спасительным.

Судьба у Пушкина встречается, как мы указывали, и в значении доли, участи или жизненного пути, заранее определенного Богом, так что в любом случае противление судьбе означает у него одновременно и противление ее Установителю. «...Не осуди провидения Божия, не думай, что настоящие дела движутся безрассудно и случайно», — писал Иоанн Златоуст (Иоанн Златоуст). Для христианского сознания такой подход — единственно возможный, хотя воля провидения не всегда принимается со смирением и радостью. Интересно, что в повести Пушкина его принимают в итоге все герои повести. Непреклонные родители Марьи Гавриловны, испытываемые тяжелой болезнью дочери, проявляют редкую любовь, примиряясь с ее возможным выбором и полагая, что этот выбор и есть Божье установление: «Нравственные поговорки, — по меткому замечанию Пушкина, — бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание» (Пушкин, 1957, с. 110–111). Примиряются с судьбой и Мария Гавриловна, и Бурмин. Последний, считая свое наказание несчастьем, покорно его принимает, возможно, воспринимая его и как наказ, то есть поучение Божье, что позволяет ему добровольно нести бремя своей жизненной тайны.

Примирения с судьбой достигает и Владимир, постигший смысл слов о неисповедимости путей Божиих и тщете метаний (Всеу мятется человек!), что, по-видимому, открылось ему в разговоре с жадринским священником после венчания Марии Гавриловны. Впрочем, Пушкин ограничивается лишь восклицанием «Какое известие ожидало его!» (Пушкин, 1957, с. 109).

Во всяком случае при всей кажущейся простоте повести «Метель» и одновременно необычности описанных событий в тексте прочитывается поистине гениальная мысль поэта: «Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия провидения» (Пушкин, 1962, с. 323).

Список литературы

Васильев С. А. «Метель» или «Мятедь»? О заглавии повести А. С. Пушкина // Русская речь. 2008. Ноябрь — декабрь. URL: <http://naukarus.com/metel-ili-myatel-o-zaglavii-rovosti-a-s-pushkina> (дата обращения: 20.05.2019).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2003.

Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. М., 1959. Т. 2 // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/page/zhukovsky.html> (дата обращения: 25.05.2019).

Жуковский В. А. Светлана // Русские поэты. Антология : в 4 т. М., 1965. Т. 1. С. 286–294.

Иоанн Златоуст, святитель. О судьбе и провидении. Слово четвертое. О будущем суде. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_sudbe/ (дата обращения: 20.05.2019).

Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1993.

Пушкин А. С. Метель // Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 1957. Т. 6. С. 102–118.

Пушкин А. С. О втором томе «Истории русского народа» Полевого // Собр. соч. : в 10 т. М., 1962. Т. 6.

Пушкин А. С. Бесы // Собр. соч. : в 10 т. М., 1982. Т. 2.

Седакова О. А. Словарь трудных слов из богослужения. Церковнославяно-русские паронимы. М., 2008.

Словарь языка Пушкина : в 4 т. / отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М., 2000.

Фомина Л. Анна Керн. Муза А. С. Пушкина. М., 2016.

Об авторе

Наталья Петровна Видмарович, доктор филологических наук, профессор Загребского университета, Хорватия.

E-mail: natalija.vidmarovic@fftg.hr

Для цитирования:

Видмарович Н. П. О судьбе и/или промысле в повести А. С. Пушкина «Метель» // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 35–46. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-3.

ON FATE AND/OR PROVIDENCE IN PUSHKIN'S SHORT STORY 'THE BLIZZARD'

N. P. Vidmarović¹

¹ Zagreb University, Faculty of Philosophy, Zagreb, Croatia

Submitted on August 15, 2019

10.5922/2225-5346-2020-2-3

It has been repeatedly noted that there are similarities between Pushkin's short story 'The blizzard', Zhukovsky's ballad 'Svetlana', from which Pushkin borrowed the epigraph, and Burger's 'Lenora', which was twice used by Zhukovsky in different contexts. Differences in the functioning of the traditional plot are considered against the background of the interrelation and interdependence between fate, chance, and free will. In a Christian reading, the attitudes of the main characters of the three works to God's providence explain the motives behind their actions, the further course of events, and the endings of the works.

Keywords: blizzard, providence, Lenora, Svetlana, groom, despair, Zhukovsky, Burger, fate, church.

References

Vasilyev, S. A., 2008. "Metel" or "Myatel"? On the title of the story of A. S. Pushkin. *Nauchnyi zhurnal Russkaya rech'* [Scientific journal Russian Speech]. Available at: <http://naukarus.com/metel-ili-myatel-o-zaglavii-povesti-a-s-pushkina> [Accessed 20 May 2019] (in Russ.).

Dal, V. I., 2003. *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vol.]. Moscow (in Russ.).

Zhukovsky, V. A., 1959. Lenora. In: V. A. Zhukovsky, ed. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected works: in 4 vol.]. Vol. 2. Moscow. Available at: <https://ruslit.traumlibrary.net/page/zhukovsky.html> [Accessed 25 May 2019] (in Russ.).

Zhukovsky, V. A., 1965. Svetlana. In: Anon, ed. *Russkie poety. Antologiya v 4 t.* [Russian poets. Anthology in 4 vol.]. Vol. 1. Moscow. pp. 286–294 (in Russ.).

Zlatoust, Ioann svyatitel', n. d. *O sud'be i providenii. Slovo chetvertoe. O budushchem sude* [About fate and providence. The fourth word. About the future trial]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/o_sudbe/ [Accessed 20 May 2019] (in Russ.).

Kostomarov, N. I., 1993. *Domashnyaya zhizn' i nravy velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh* [Home life and customs of the Great Russian people in the XVI and XVII centuries]. Moscow (in Russ.).

Pushkin, A. S., 1957. Blizzard. In: B. V. Tomashevsky, ed. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vol.]. Vol. 6. Moscow. pp. 102–118 (in Russ.).

Pushkin, A. S., 1962. About the second volume of the "History of the Russian people" Polevoy. In: B. V. Tomashevsky, ed. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vol.]. Vol. 6. Moscow (in Russ.).

Pushkin, A. S., 1982. Demons. In: B. V. Tomashevsky, ed. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vol.]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Sedakova, O. A., 2008. *Slovar' trudnykh slov iz bogoslužheniya. Tserkovnoslavjano-russkie paronimy* [Dictionary of difficult words from worship. Church Slavonic-Russian paronyms]. Moscow (in Russ.).

Vinogradov, V. V., ed., 2000. *Slovar' yazyka Pushkina* [Dictionary of Pushkin's language]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).

Fomina, L., 2016. *Anna Kern. Muza A. S. Pushkina* [Anna Kern Muse A. S. Pushkin]. Moscow (in Russ.).

The author

Prof. Natalija P. Vidmarović, University of Zagreb, Croatia.

E-mail: natalija.vidmarovic@fftg.hr

To cite this article:

Vidmarović, N. P. 2020, On fate and/or providence in Pushkin's short story, The blizzard', *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 35–46. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-3.

**ПУШКИНСКОЕ СЛОВО
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И В. В. НАБОКОВА
КАК СПОСОБ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕРОЯ**

Е. А. Федорова¹

¹ Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
150003, Россия, Ярославль, ул. Советская, 14/2
Поступила в редакцию 29.06.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-4

В романах Ф. М. Достоевского обращение к пушкинскому тексту предлагается как способ характеристики героев. Пушкин для писателя является этическим и эстетическим образом, авторский голос соединяется с голосом лирического героя Пушкина. В некоторых случаях пушкинское слово включено в религиозный дискурс (притча о блудном сыне). Интерпретация пушкинского текста героями Достоевского становится способом их самопрезентации и саморазоблачения. Так, Мечтатель («Белые ночи»), обращаясь к текстам Пушкина, подчеркивает свои ценностные приоритеты. Аглая, по-своему интерпретируя балладу о «рыцаре бедном», трансформирует религиозный дискурс в эстетический и бытовой. Петербургский текст Пушкина, знаком которого становится мокрый снег, характеризует пространство, в котором формируются несущие в себе противоречия Германн («Пиковая дама») и парадоксалисты Достоевского. «Пушкинский код» в произведениях Достоевского является основой построения образа героя, приемом текстообразования, сюжетостроения и элементом художественного дискурса, взаимодействия автора и читателя. Эти приемы использует В. В. Набоков в своих произведениях «Отчаяние» и «Посещение музея».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. С. Пушкин, прецедентные тексты, литературный герой, самопрезентация, саморазоблачение.

Для Достоевского личность Пушкина является символическим воплощением русского национального сознания. По мнению И. Л. Альми, поэтический образ Пушкина привлекает Достоевского не как формула мысли, в нем содержится для читателя намек, за которым смутно помнится целое. Пушкинские цитаты и аллюзии, считает исследователь, возвышаются над уровнем сознания отдельных героев, приоткрывают синтез авторской точки зрения (Альми, 1986, с. 50).

Первый роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1845) можно назвать самым «пушкинским» произведением. В нем повесть «Станционный смотритель» становится ключевой для Макара Девушкина: до этого он читал только бульварные романы, а повесть Пушкина потрясает его своей жизненной правдой. Происходит освобождение героя от литературных штампов и его духовное возрастание. Еще один приме-

няемый Достоевским в «Бедных людях» пушкинский прием, который писатель использовал в «Повестях Белкина» и «Евгении Онегине», — это характеристика героев кругом их чтения.

В романе «Бедные люди» Пушкин — любимый автор студента Покровского, учителя Вареньки. Произведения Пушкина становятся любимым чтением и для Настеньки в повести «Белые ночи»: она выделяет их из всех книг, который присылает ей ее возлюбленный. Наконец, в романе «Идиот» собрания сочинений Пушкина приносит в дар Епанчиным Лебедев, значит, его дочь Вера также читает Пушкина (с ней связаны самые светлые страницы романа).

Д. Д. Благой отмечает, что «полная (по возможности) правда» пушкинского реализма утверждается в «Бедных людях» чисто художественными средствами и приемами. Макар Девушкин в письме к Вареньке подчеркивает, что драматическая судьба Самсона Вырина может постигнуть каждого, в том числе и их самих: «Дело-то оно общее, маточка, и надо всеми и надо мной может случиться. И граф, что на Невском или на набережной живет, и он будет другим, потому что у них все по-своему, по высшему тону, но и он будет то же самое... и со мною то же самое может случиться...» (Благой, 1972, с. 86). И в «Станционном смотрителе», и в «Бедных людях» можно обнаружить обращение к евангельской притче о блудном сыне. Самсон Вырин говорит о своем намерении: «Приведу я домой заблудшую овечку мою» (Пушкин, 1984, с. 64). Макар Девушкин вторит ему: «вспоминает о заблудшей овечке своей» (Достоевский, 1972—1990, т. 1, с. 54).

В повести «Белые ночи» (1848) Мечтатель, по мнению В. Н. Захарова, испытывает те же чувства, что и лирический герой стихотворения Пушкина «Я вас любил»: это проявление христианской любви: «Да будет ясно твое небо, да будет светла и безмятежна милая улыбка твоя, да будешь благословенна за минуту блаженства и счастья, которое дала другому, одинокому, благодарному сердцу» (Достоевский, 1972—1990, т. 2, с. 141).

Можно добавить, что противоположным чувством является страсть, которая раскрывается в пушкинских произведениях «Египетские ночи» и «Домик в Коломне»: их вспоминает Мечтатель в разговоре с Настенькой (Достоевский, 1972—1990, т. 2, с. 116). В повести «Белые ночи» сталкиваются разные системы ценностей, соотносимые с Древним Римом и современностью. Н. Н. Петрунина заметила, что «душевная холодность, неверие в любовь» сближают Клеопатру с Онегиным и раскрывают внутренний мир сложного и противоречивого современного человека (Петрунина, 1978, с. 23). Этому миру противостоит Мечтатель Достоевского.

В романах «Преступление и наказание» (1865), «Идиот» (1868), «Братья Карамазовы» (1881) звучит поэтический пушкинский текст, который создает дополнительную смысловую и эстетическую перспективу для героя. Цитата из стихотворения Пушкина «Подражание Корану» «...и мой Коран дрожащей твари проповедуй» создает контекст, из которого следует, что Раскольников пытается встать на место Бога, ко-

гда делит всех людей на необыкновенных и материал, «дрожащих тварей». Кроме того, перед преступлением, когда он почти освободился от «безобразной» мечты своей, он представляет, что пьет воду из источника, словно с ним происходит чудо, как в стихотворении Пушкина:

И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

«Жил на свете рыцарь бедный...» А.С. Пушкина — один из ведущих мотивов романа «Идиот» (1868), в котором разворачивается тема «рыцарства». Пушкинское стихотворение о «рыцаре бедном» читает вслух в романе «Идиот» Аглая Епанчина. И.Л. Альми отмечает, что в этом романе обнаруживается явное несовпадение объективного смысла пушкинской баллады и некоторых моментов той «лекции», которой предваряет чтение этой баллады Аглая. Понимая высокую духовную красоту образа «рыцаря бедного», героиня все-таки не может устоять перед соблазном бытовых применений и снижает высокое чувство героя, понимая при этом, что идеал князя Мышкина — особого рода (Альми, 1986, с. 24). Кроме того, героиня искажает текст Пушкина, заменяя сакральные слова инициалами Настасьи Филипповны. Достоевский использует прием перекодировки систем: религиозный код Пушкина переходит в эстетический код в дискурсе Аглаи.

Впервые художественный прием введения в роман большого фрагмента «другого» текста был применен Достоевским, как известно, в «Преступлении и наказании»: это был текст Евангелия от Иоанна, глава 11 (Ин. 11: 1, 19–27, 32–45), который Соня читает вслух Раскольникову. В «Идиоте» на смену каноническому христианскому тексту приходит стихотворение Пушкина, на смену проповеднической позиции Сони — театрализованное поведение Аглаи. Действительно, Аглая организует именно «сцену» чтения пушкинского стихотворения; это такой своеобразный театральный экфрасис, который, подобно изображению казни в романе, обладает характеристикой публичности: «Она тотчас же встала, всё по-прежнему серьезно и важно, с таким видом, как будто заранее к тому готовилась и только ждала приглашения, вышла на середину террасы и стала напротив князя, продолжавшего сидеть в своих креслах» (Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 207).

Знаменитый образ «гения чистой красоты» трижды входит в лекцию Аглаи, дважды — специально оформленный кавычками как цитата (видно, что это был какой-то светлый образ, «образ чистой красоты») («Я помню чудное мгновенье...», 1825). А.Е. Кунильский предположил в интерпретации Аглаей стихотворения Пушкина скрытую полемику Достоевского с В.Г. Белинским, который, анализируя перевод Жуковского баллады Шиллера «Рыцарь Тогенбург», отметил двойственный характер рыцарской любви: «...в духе Белинского Аглая хотела похвалить князя за прогрессивность — что не постеснялся полюбить падшую

женщину, не подорожил утраченной ею невинностью, но и заклеить за слишком преданную, аскетическую любовь, как у рыцаря Тогенбурга и Дон-Кихота» (Кунильский, 2006, с. 270–271).

П. Н. Берков обнаружил в «Записках из подполья» Достоевского отраженную сцену Лауры и Дон-Карлоса из «Каменного гостя» Пушкина, когда герой заставляет девушку содрогнуться перед мыслью о смерти (Берков, 1958, с. 394–396). Но и в романе «Братья Карамазовы» (1881) в поэме «Великий Инквизитор» звучит та же цитата из «Каменного гостя» Пушкина: «Проходит день, настает темная, горячая и “бездыханная” севильская ночь. Воздух “лавром и лимоном пахнет”. Среди глубокого мрака вдруг отворяется железная дверь тюрьмы, и сам старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму» (Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 227–228). Во время призыва («*carre diem*») Лауры к Дон Карлосу (после его «помни о старости», то есть «не принимай текущего мгновения за вечность, тщеты за нетленное») и прозвучит строка, процитированная в «Братьях Карамазовых»:

Тогда? Зачем
Об этом думать? что за разговор?
Иль у тебя всегда такие мысли?
Приди – открой балкон.
Как небо тихо;
Недвижим теплый воздух,
ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной,
И сторожа кричат протяжно: «Ясно!»

Этот спор Лауры и Карлоса у Пушкина о сущности жизни (для Лауры жизнь – это настоящее, для Карлоса – будущее) продолжается в поэме Ивана Карамазова. Кроме того, Лаура поет песню, которую сочинил Дон Гуан: пространственно-временной код переключается на эстетический уровень, система двойного кодирования включает читателя в размышления автора о соотношении поэзии и действительности.

Р. Н. Поддубная, не соглашаясь с утверждением А. Л. Бема, что Достоевский пародийно «преодолевал» героев Пушкина, рассматривает героя повести Пушкина «Выстрел» Сильвио как предшественника Парадоксалиста Достоевского («Записки из подполья») и Закладчика («Кроткая»). По мнению исследователя, «потребность подпольного человека в самоэстетизации через литературные отражения исследована Достоевским как один из аспектов «трагической и уродливой» сущности «настоящего человека русского большинства» (Поддубная, 1978, с. 59). В скрытой парафразе содержится этическая проблематика, свидетельствующая о принадлежности Достоевского к «конечным» вопросам человеческого бытия, которые извечно проявляются в историческом развитии личности (Поддубная, 1978, с. 66).

Из всего корпуса произведений Пушкина Достоевский особенно выделял повесть «Пиковая дама». Свое отношение к «Пиковой даме» он открыто проговаривает в нехудожественной ситуации – в письме

Ю. Ф. Абаза (от 15 июня 1880 года): «Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что вы должны почти поверить ему. Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал «Пиковую даму» — верх искусства фантастического. И вы верите, что Германн действительно имел видение, и именно сообразное с его мировоззрением, а между тем в конце повести, то есть прочтя ее, вы не знаете как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов» (Достоевский, 1972—1990, т. 30 (1), с. 192). Видение графини Германну свидетельствует о тех духовных процессах, которые происходят в душе героя. Это соотносится с видениями Бориса Годунова в одноименной драме («жалок тот, в ком совесть нечиста»). Достоевский использует подобный «фантастический» сюжет в романе «Преступление и наказание»: Свидригайлову снится Марфа Петровна после ее внезапной смерти (окружающие воспринимают ее как его жертву), Раскольникову снится старуха-процентщица, которая из жертвы превращается в его палача. Достоевский использует пушкинский текст как инвариантный сюжет для раскрытия духовного состояния своего героя, прямо не говоря о муках совести героев.

К. Кроо, сопоставляя «Пиковую даму» Пушкина и «Игрока» Достоевского, приходит к выводу, что «игра в произведении Достоевского формулируется в том же семантическом контексте, что и в его претексте»: это игра как творчество и как испытание; «главными элементами воспроизведения контекста являются *воображение, фантазия, сон и сумасшествие* с атрибутами *бесчувственности к эмпирической действительности*» (Кроо, 2005, с. 26). Однако исследователь считает, что Полина Достоевского более активна, чем Лиза Пушкина, и в своей игре она становится «не прозревающей героиней» (Кроо, 2005, с. 29).

Пушкинский петербургский код в произведениях Достоевского был прочитан и продолжен В. В. Набоковым. В лекции о Достоевском Набоков включает читателя в пространственно-временной код, который использует Достоевский в повести «Записки из подполья»: «Почему вторая часть называется “По поводу мокрого снега”, можно понять лишь в свете журнальной полемики 1860 года, которую вели писатели, любившие символы, аллюзии и все в таком роде. Быть может, это — символ чистоты, ставшей сырой и тусклой» (Набоков, 1996, с. 198). Это гипотетическое заявление никак не комментируется, зато перед пересказом сцены повести, когда Парадоксалист был «раздавлен и уничтожен» своими школьными друзьями, Набоков снова отмечает пространственно-временной код Достоевского: «В ту ночь человеку из подполья снились безобразные сны о его школьных годах; впрочем, сегодня такого рода сны — общее место любого психоанализа. На следующее утро он тщательно начистил ботинки, предварительно отмытые слугой Аполлоном. Мокрый снег валил хлопьями. Снова символ. Приехав в ресторан, он узнает, что его приятели перенесли обед с пяти на шесть часов, и никто не позаботился известить его. С этого начинается история его унижений» (Набоков, 1996, с. 202). Дважды отмытые ботинки героя становятся символом в тексте Набокова чистых намерений Пара-

доксалиста перед встречей с друзьями-врагами. Предложение «Приехав в ресторан, он узнает, что его приятели перенесли обед с пяти на шесть часов, и никто не позаботился известить его» — призвано показать, какую очередную травму получил герой, и таким образом оправдать его в какой-то степени в истории с Лизой.

Набоков не пишет, что в повести Пушкина «Пиковая дама» главный герой делает свой выбор в такую же погоду, как петербургские герои Достоевского и его самого: «Германн трепетал, как тигр, ожидая назначенного времени. В десять часов вечера он уж стоял перед домом графини. Погода была ужасная: ветер выл, мокрый снег падал хлопьями; фонари светились тускло; улицы были пусты» (Пушкин, 1984, с. 167–168). Но мокрый снег как знак петербургского текста и прецедентное имя «Германн» Набоков использует в своем романе «Отчаяние».

Роман «Отчаяние» (1834) стал, по мнению ряда исследователей, началом в определении писателем своего места в мировой литературе. А. Долинин, изучая английский текст романа, обратил внимание на то, что в переводе Набоков еще более усилил полемику в этом романе с Достоевским (Долинин, 2004, с. 99), то есть самоопределение Набокова как писателя началось со слова, обращенного к Достоевскому. Пространственно-временной и предметный коды обращают читателя романа к повести Достоевского «Двойник», которую так высоко ценил Набоков. Этот код включает в себя систему символов: снег («Ерунда, — откуда в июне снег? Его бы следовало вычеркнуть. Нет, — грешно. Не я пишу, — пишет моя нетерпеливая память» (Набоков, 2019а, с. 41)), зеркала («Когда я наконец вернулся к себе в номер, то там, в ртутных тенях, обрамленный курчавой бронзой, ждал меня Феликс» (Набоков, 2019а, с. 19); «Читатель, ты уже видишь нас. Одно лицо. Посмотрись, читатель, в зеркало, благо зеркала так любишь» (Набоков, 2019а, с. 29)), отражение в воде под мостом. Эти узнаваемые символы Набоков дополняет своими. Герман все время видит «двойников» того, что было в Петербурге: например, бронзового коня, который опирается на свой хвост, как петербургский всадник. «Мы снова прошли мимо двойника Медного всадника», — замечает рассказчик (Набоков, 2019, с. 96). Подобно Свидригайлову, ему снится кошмар, но не с мышью, а с «лжесобачкой», похожей на настоящую, «с мясом белого червя», «с волной и резьбой, как бывает на пасхальном баране из масла» (Набоков, 2019, с. 101). «Петербургский код» включает в себя пространственно-временной, предметный, антропологический, зооморфный, эстетический коды.

Набоков обращает читателя к прецедентному имени: Герман ассоциируется с Германном из «Пиковой дамы». Кроме того, Набоков вспоминает другие произведения Пушкина, когда его герой рассуждает, как лучше назвать свое произведение («Поэт и чернь») или вспоминает, как в школе пересказывал повесть Пушкина: «в моей передаче в “Выстреле” Сильвио наповал без лишних слов убивал любителя черешен и с ним — фавулу» (Набоков, 2019а, с. 50). Все пушкинские аллюзии связаны с «петербургским типом» героя, противоречивой личностью, которая стремится к самоутверждению.

Набоков не скрывает, что ориентируется на Достоевского: «Что-то уж слишком литературен этот наш разговор, смахивает на застеночные беседы в бутафорских кабаках имени Достоевского»; «Несмотря на карикатурное сходство с Раскольниковым...» (Набоков, 2019а, с. 92, 193). Набоков стремится показать тип, близкий парадоксалистам Достоевского, показать, что безверие является причиной преступления: «Бога нет, как нет и бессмертия» (Набоков, 2019а, с. 105). Кроме того, писатель продолжает намеченные Пушкиным и разработанные Достоевским художественные приемы. Повествование от первого лица напоминает исповедь героев Достоевского: «Но честное слово, господа, — не корысть, не только корысть, не только желание дела свои поправить...» (Набоков, 2019а, с. 46); «Маленькое отступление: насчет матери я соврал. По-настоящему она была дочь мелкого мещанина — простая, грубая женщина в грязной кацавейке. Я мог бы, конечно, похерить выдуманную историю с веером, но я нарочно оставляю ее как образец одной из главных моих черт: легкой, вдохновенной лживости» (Набоков, 2019а, с. 8). Кроме того, на лексическом уровне наблюдаются повторения слов, характерных для стиля Достоевского: «похерить», «евоиных» и т. п. Отличие от Достоевского состоит в том, что Набокову его герой не близок, а Достоевский вводит читателя не только в сознание героя, он заставляет сопереживать ему. Кроме кодирования текста, можно еще отметить условность литературности формы как продолжение традиций Пушкина и Достоевского: Герман Набокова пытается писать от лица Феликса, но остается неудовлетворенным получившимся повествованием и возвращается к рассказу от первого лица.

Рассказ Набокова «Посещение музея» (1938) — один из немногих, который принято относить к «петербургскому тексту» наследия русской литературы. По мнению А. А. Долинина, «почти все подтексты и претексты... это составные части пушкинского текста, образующие его основное ядро» (Долинин, 2004, с. 64). Нужно заметить, что в рассказе «Посещение музея» появляются уже знакомые нам пространственно-временной и предметный коды, связанные с Петербургом: «Полупризрак в легком заграничном костюме стоял на равнодушном снегу, октябрьской ночью, где-то на Мойке или на Фонтанке, а может быть и на Обводном канале»; «...Взглянул на свою ладонь, полную мокрого, зернистого холодка...» (Набоков, 2019б, с. 475). Это петербургский код соотносится с «Двойником» Достоевского.

Набоков во многом следует традиции Достоевского в создании образа героя через обращение к прецедентному тексту, каким для обоих авторов становится пушкинское слово, кроме того, использует те же приемы организации текста. Оба автора включают читателя в художественный дискурс, предлагая поразмышлять.

Так, Достоевский с помощью приема текстообразования (использования прецедентных текстов) и их перекодировки дает самопрезентацию героев. У Пушкина в повести «Каменный гость» подобное осуществляет Лаура: философский посыл Дон-Карлоса о смысле жизни она переводит в эстетический, исполняя песню Дон Гуана. Макар Девушкин в романе «Бедные люди» «считывает» религиозный код (прит-

чу о блудном сыне) в повести Пушкина, где евангельский сюжет представлен как эстетический код (история блудного сына в лубочных картинках). Аглая и Аделаида в романе «Идиот» религиозный код (рыцарская духовная лирика) воспринимают как эстетический («Дон Кихот» Сервантеса, стихотворение Пушкина, сюжет для картины).

Мечтатель в повести «Белые ночи», используя прецедентные тексты Пушкина, актуализирует их как нравственный код, подчеркивая свою систему ценностей, его отношение к Настеньке соотносится в сознании читателя с бескорыстным чувством лирического героя Пушкина («Я вас любил...» и др.), поскольку любовь к женщине становится источником духовного восхождения героя (Захаров, 1996, с. 693). Приход жертвы к палачу во сне в повести «Пиковая дама» Пушкина и романе «Преступление и наказание» Достоевского свидетельствует о разрушительных процессах, которые происходят в душе убийцы. Таким образом, «пушкинский код» становится для Достоевского основой построения образа героя, приемом текстообразования, сюжетостроения и элементом художественного дискурса, способом включения читателя в создаваемый писателями метатекст, по которому движутся автор, его герой и читатели в поисках истины.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект №18-012-90036 «Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы».

Список литературы

Альми И.Л. Романы Ф.М. Достоевского и поэзия : учеб. пособие к спецкурсу. Л., 1986.

Баршт К.А. «Бедные люди» Ф.М. Достоевского в литературном и историко-культурном контексте // Достоевский. Материалы и исследования. №19. СПб., 2010. С. 259 – 281.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

Берков П.Н. Об одном отражении «Каменного гостя» Пушкина у Достоевского // Пушкин. Исследования и материалы. М. ; Л., 1958. С. 394 – 398.

Благой Д.Д. Достоевский и Пушкин // Достоевский – художник и мыслитель : сб. эссе и статей. М., 1972. С. 344 – 350.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972 – 1990.

Долинин А.А. Проза Набокова и «Петербургский текст» русской литературы // Истинная жизнь писателя Сирина. СПб., 2004.

Захаров В.Н. Петербургский летописец // Достоевский Ф.М. Полное собр. соч.: Канонические тексты. Петрозаводск, 1996. С. 683 – 698.

Кондратьев Б.С. Пушкинские цитаты в художественном дискурсе произведений Ф.М. Достоевского // Пушкин на пороге XXI века: провинциальный контекст : сб. ст. Вып. 7: Пушкин на пороге XXI века: провинциальный контекст / общ. ред. Е.П. Титков ; науч. ред. С.Н. Пяткин. Арзамас, 2005. С. 133 – 142.

Кроо К. «Пиковая дама» А.С. Пушкина в романе Ф.М. Достоевского «Игрок» // Кроо К. Творческое слово Достоевского – герой, текст, интертекст. СПб., 2005. С. 9 – 29.

Кунильский А.Е. «Лик земной и вечная истина». О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф.М. Достоевского. Петрозаводск, 2006.

Набоков В.В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой / предисл. И. Толстого. М., 1996.

Набоков В. В. Полное собрание рассказов / сост. А. Бабилов. СПб., 2019.

Набоков В. В. Отчаяние / пер. предисл. Г. А. Барабтарло. СПб., 2019.

Петрунина Н. Н. «Египетские ночи» и русская повесть 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. С. 22–50.

Поддубная Р. Н. Герой и его литературное развитие (Отражение «Выстрела» Пушкина в творчестве Достоевского) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978. Вып. 3. С. 54–66.

Об авторе

Елена Алексеевна Федорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики коммуникации Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Россия.

E-mail: sole11@yandex.ru

Для цитирования:

Федорова Е. А. Пушкинское слово в произведениях Ф. М. Достоевского и В. В. Набокова как способ характеристики героя // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 47–57. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-4.

THE PUSHKIN TEXT IN THE DESCRIPTIONS OF CHARACTERS BY DOSTOEVSKY AND NABOKOV

E. A. Fedorova¹

¹ P. G. Demidov Yaroslavl State University
Yaroslavl, Sovetskaya St., 14/2
Submitted on June 29, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-4

*In his novels, Dostoevsky refers to the Pushkin text to describe characters. For Dostoevsky, Pushkin is an ethical and aesthetic touchstone; the writer's voice is consonant with that of the poet's persona. In some cases, the Pushkin text is embedded in religious discourse (the parable of the prodigal son). In interpreting the Pushkin text, Dostoevsky's characters present and disclose themselves. The 'dreamer' from 'White Nights' invokes the Pushkin text to convey the values of his own. In her peculiar account of the 'poor knight' ballad, Aglaya is transforming religious discourse into aesthetic and mundane. Pushkin's St Petersburg text, whose sign is wet snow, creates the space in which contradiction-ridden Hermann (The Queen of Spades) and Dostoevsky's paradoxalists develop. The Pushkin code in Dostoevsky's texts is what the images of characters are built on. It is a text-producing and plot-building technique and an element of literary discourse, of author-reader interactions. These techniques are used by Vladimir Nabokov in *Despair* and "The Visit to the Museum".*

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Alexander Pushkin, precedent texts, literary hero, self-presentation, self-disclosure.

References

Almi, I. L., 1986. Novels F. M. Dostoevsky and poetry. In: I. L. Almi, ed. *Uchebnoe posobie k spetskursu* [Textbook for the special course]. Leningrad (in Russ.).

Barsht, K. A., 2010. «Poor people» by F. M. Dostoevsky in the literary and historical-cultural context. In: K. A. Barsht, ed. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and research]. Vol. 19. St. Petersburg. pp. 259–281 (in Russ.).

Bakhtin, M. M., 1979. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow (in Russ.).

Berkov, P. N., 1958. About one reflection of the «Stone guest» of Pushkin by Dostoevsky. In: P. N. Berkov, ed. *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Research and materials]. Moscow, Leningrad. pp. 394–398 (in Russ.).

Blagoi, D. D., 1972. Dostoevsky and Pushkin. In: K. N. Lomunov, ed. *Dostoevskii – Khudozhnik i myslitel': sbornik esse i statei* [Dostoevsky – Artist and Thinker: a collection of essays and articles]. Moscow. pp. 344–350 (in Russ.).

Dostoevsky, F. M., 1972. Poor people; Tales and stories. 1846–1847. In: V. G. Bazanov, ed. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vol.]. Vol. 1. Leningrad (in Russ.).

Dostoevsky, F. M., 1972. Tales and Stories, 1848–1859. In: V. G. Bazanov, ed. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vol.]. Vol. 2. Leningrad (in Russ.).

Dostoevsky, F. M., 1973. Crime and Punishment: A Novel. In: V. G. Bazanov, ed. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vol.]. Vol. 6. Leningrad (in Russ.).

Dostoevsky, F. M., 1973. Idiot: A Novel. In: V. G. Bazanov, ed. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vol.]. Vol. 8. Leningrad (in Russ.).

Dostoevsky, F. M., 1976. Brothers Karamazov: Roman in 4 parts with an epilogue. In: V. G. Bazanov, ed. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vol.]. Vol. 14. Leningrad (in Russ.).

Dolinin, A. A., 2004. Prose Nabokov and the Petersburg Text of Russian Literature. In: A. A. Dolinin, ed. *Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina* [The True Life of the Writer Sirin]. St. Petersburg (in Russ.).

Dostoevsky, F. M., 1984. Letters, 1878–1881. In: V. G. Bazanov, ed. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vol.]. Vol. 30 (1). Leningrad (in Russ.).

Zakharov, V. N., 1996. Petersburg chronicler. In: V. N. Zakharov, ed. *Polnoe sobr. soch.: Kanonicheskie teksty* [Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk. pp. 683–698 (in Russ.).

Kondratiev, B. S., 2005. Pushkin quotes in the artistic discourse of the works of F. M. Dostoevsky. In: B. S. Kondratyev, ed. *Pushkin na poroge XXI veka: provintsial'nyi kontekst* [Pushkin on the threshold of the 21st century: a provincial context]. Vol. 7. Arzamas. pp. 133–142 (in Russ.).

Kroo, K., 2005. The Queen of Spades A.S. Pushkin in the novel F. M. Dostoevsky «Player». In: K. Kroo, ed. *Tvorcheskoe slovo Dostoevskogo – geroi, tekst, intertekst* [Dostoevsky's creative word – hero, text, intertext]. St. Petersburg. pp. 9–29 (in Russ.).

Kunilsky, A. E., 2006. «Lik zemnoi i vechnaya istina». *O vospriyatii mira i izobrazhenii geroya v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo* [«The face of the earth and the eternal truth». On the perception of the world and the image of the hero in the works of F. M. Dostoevsky]. Petrozavodsk (in Russ.).

Nabokov, V. V., 1996. *Lektsii po russkoi literature: Chekhov, Dostoevskii, Gogol', Gor'kii, Tolstoi* [Lectures on Russian literature: Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorky, Tolstoy]. Moscow (in Russ.).

Nabokov, V. V., n. d. *Poseshchenie muzeya* [The Visit to the Museum]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=64516&p=3> [Accessed 7 May 2019] (in Russ.).

Nabokov, V. V., n. d. *Otchayanie* [Despair]. Available at: <https://e-libra.ru/read/318149-otchayanie.html> [Accessed 7 May 2019] (in Russ.).

Petrunina, N.N., 1978. «Egyptian Nights and the Russian story of the 1830s». In: N.N. Petrunina, ed. *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Research and materials]. Leningrad. pp. 22–50 (in Russ.).

Poddubnaya, R.N., 1978. The hero and his literary development (Reflection of «Shot» by Pushkin in the works of Dostoevsky). In: R.N. Poddubnaya, ed. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and research]. Vol. 3. Leningrad. pp. 54–66 (in Russ.).

The author

Prof. Elena A. Fedorova, Associate Professor; Professor, Department of Communication Theory and Practice, Pavel Demidov State University of Yaroslavl, Russia.

E-mail: sole11@yandex.ru

To cite this article:

Fedorova, E.A. 2020, Pushkin texts in the description of characters by Dostoevsky and Nabokov, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 47–57. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-4.

**ВРЕМЕННОЕ И ВЕЧНОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗЕ
КРЕСТНОГО ХОДА: «БОРИС ГОДУНОВ» А. С. ПУШКИНА
И «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» И. С. ШМЕЛЕВА**

*М. Н. Коннова*¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 29.07.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-5

Исследуются особенности художественного преломления категорий времени и вечности в исторической драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» и романе И. С. Шмелева «Лето Господне» на примере художественного образа крестного хода. Утверждается наличие глубинной содержательной общности художественных образов двух произведений, в основе которой лежит понимание крестного хода как явления вечности в хронотопе земной, физической реальности. Демонстрируется, что несмотря на единство внутренней темпоральной природы, художественные образы «Бориса Годунова» и «Лета Господня» различны как с точки зрения причинной обусловленности крестного хода (церковно-государственного в пушкинской драме и церковно-народного в романе И. С. Шмелева), так и по степени детализации художественного образа: «свернутая», «сценарно» сжатая в «Борисе Годунове» картина крестного хода в «Лете Господнем» разворачивается, открывая индивидуально-личные, семейные, народные грани осмысляемого явления.

Ключевые слова: *время, вечность, А. С. Пушкин, «Борис Годунов», И. С. Шмелев, «Лето Господне», крестный ход.*

Цель настоящей статьи состоит в исследовании особенностей выражения временных и вневременных смыслов в исторической драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» и в романе И. С. Шмелева «Лето Господне».

Для литературного произведения темпоральное начало имеет ключевое значение: время является здесь и объектом, и субъектом, и средством изображения (Лихачев, 1997, с. 5). Становясь «художественно-зримым» (Бахтин, 2000, с. 10), время отражает различные реальности: жизнь отдельного человека, историческое бытие народа, представления о вечности. В многомерном хронотопе литературного текста сливаются индивидуальный и национальный темпоральный опыт, личностное и сверхличностное, новаторское и традиционное.

Сложный и многогранный феномен художественного времени относится к числу хорошо изученных как с литературоведческой, так и с лингвистической точек зрения. Вместе с тем характерный для европейской гуманитарной мысли «разрыв между вечным и временным» (Бер-

дьяв, 1990, с. 58), приведший к абсолютизации временности в качестве важнейшей характеристики бытия, стал причиной того, что в современной филологической темпорологии достаточно редко оказывается в поле зрения вопрос том, как в хронотопе художественного произведения соотносятся темпоральные планы времени и вечности. Не имея возможности в рамках данной статьи детально исследовать указанный вопрос, мы рассмотрим особенности сопряжения временных и вневременных смыслов на примере только одного художественного образа — *крестного хода*.

Неотъемлемая часть русской национальной культуры, крестные ходы в течение столетий сопровождали все значительные для русского человека события. В сознании народа они соотносились с определяющими моментами жизни общества и масштабными государственными событиями, что отразилось в народных исторических песнях и духовных сказаниях, в произведениях русской литературы и в изобразительном искусстве (ср., «Крестный ход в Курской губернии» И. Е. Репина). Феномен крестного хода, подробно описанный этнографами, историками, социологами, с филологической точки зрения еще предстоит изучить. Это и определило проблемное поле настоящей статьи, целью которой является рассмотрение особенностей художественного преломления категорий времени и вечности в образе крестного хода в двух различных по жанру и времени создания произведениях — исторической драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» и романе И. С. Шмелева «Лето Господне».

Трагедия «Борис Годунов», написанная в декабре 1824 — ноябре 1825 года, во время ссылки в Михайловском, создается А. С. Пушкиным в новом для русской литературы жанре исторической драмы. Это произведение, вдохновленное «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина, представляет собой «пушкинскую художественную концепцию истории», конечный смысл которой раскрывается только в перспективе абсолютной картины мира (Непомнящий, 1999, с. 451). В этом понимании истории обнаруживает себя, по словам С. Л. Франка, «русско-христианское религиозное начало» (Франк, 1987, с. 91). Основным содержанием «Бориса Годунова» является жизнь человеческого духа, которая воплощается в диалоге между поступками людей и вечными истинами христианских ценностей (Непомнящий, 1987, с. 305). Обращаясь к событиям рубежа XVI—XVII веков, А. С. Пушкин воплощает в своей исторической драме христианскую систему ценностей допетровской русской культуры, ее религиозную точку зрения на бытие и место в нем человека. Создается художественная картина мира, в которой абсолютным центром жизни была Церковь — не «учреждение» или общественный институт, но совокупное, соборное единство всех православных, от царя до крестьянина (Непомнящий, 2001).

Образ крестного хода возникает в начальной, «прологовой» части трагедии, относящейся ко времени избрания Бориса Годунова на царство в феврале 1598 года. Общепризнанное молебное шествие носит государственно-соборный характер, знаменуя собой момент чрезвычайного общественного напряжения. Оно происходит на рубеже двух истори-

ческих периодов — эпохи Рюриковичей, завершившейся со смертью царя Феодора Иоанновича (1557—1598), и царствования Бориса Годунова, которое обернулось для России началом Смутного времени.

О крестном ходе как части торжественного чина избрания на царство говорит в своей речи к народу думный дьяк Андрей Щелкалов:

Заутра вновь святейший патриарх,
В Кремле отпев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской,
Воздвигется; а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди
И весь народ московский православный
Мы все пойдем молить царицу вновь,
Да сжалится над сирью Москвою
И на венец благословит Бориса (Пушкин, 1986, с. 358).

В изображении крестного хода А. С. Пушкин опирается на «Историю государства российского» Н. М. Карамзина, заимствуя из нее не только информативно-содержательные элементы, но в ряде случаев и словесные формы. Ср.: «Святители в общем совете с боярами уставили *петь*, 21 февраля, во всех церквах праздничный *молебен*, и с обрядами торжественными (ср. *отпев торжественно молебен* — у А. С. Пушкина), с святынею Веры и отечества, в последний раз испытать силу убеждений и плача над сердцем Борисовым... В сию ночь не угасали огни в Москве: все готовилось к великому действию — и на рассвете, при звуке всех колоколов, *подвиглась* столица (ср. *воздвигется* — у А. С. Пушкина). Все храмы и дома отворились: духовенство с пением вышло из Кремля; народ в безмолвии теснился на площадях. Патриарх и владыки несли иконы знаменитые славными воспоминаниями: *Владимирскую и Донскую* (ср. с иконами Владимирской, Донской — у А. С. Пушкина), как святыя знамена отечества; за клиром шли *синклит, двор*, воинство, приказы, выборы городов (ср. *а с ним синклит... да сонм дворян, да выборные люди* — у А. С. Пушкина); за ними устремились и *все жители московские* (ср. *и весь народ московский православный* — у А. С. Пушкина), граждане и чернь, жены и дети, к Новодевичьему монастырю, откуда, также с колокольным звоном, вынесли образ Смоленской Богоматери навстречу патриарху...» (Карамзин, 1997, с. 290; здесь и далее курсив в цитатах наш. — М. К.).

Воспроизводя ключевые вехи повествования Н. М. Карамзина точно, почти буквально, А. С. Пушкин создает в «Борисе Годунове» новый — индивидуально-авторский и при этом типический, общенародный — образ крестного хода. Рассмотрим его основные содержательные особенности.

Обстоятельство *заутра* («Заутра вновь святейший патриарх...») помещает повествование в план будущего. Картина священного молебного шествия, эпическую торжественность которого подчеркивает плавное течение пятистопного ямба, разворачивается в метафизическом пространстве ожидания-предвидения, оставаясь благоговейно скрытой от непосредственного наблюдения.

Во внутренней структуре художественного образа крестного хода выделяются две части, в которых находит свое отражение иерархия «небесное — земное», «священное — мирское», «вечное — временное». Во главе крестного хода — *святейший патриарх*, символически представляющий собой весь освященный церковный собор, и «святые знамена Отечества» — иконы *Владимирская* и *Донская*. Их присутствие в высшей степени знаменательно. Икона Божией Матери *Владимирская* — главная святыня Русского царства, историей своего почитания неразрывно связанная с ключевыми событиями государственной и церковной жизни. Впервые принесенная в Москву из Владимира в 1395 году для защиты от нашествия Темир-Аксака (Тамерлана), она многократно избавляла столицу от внешних врагов и внутреннего неурядства. В образе *Донской* иконы память о победе великого князя Дмитрия Донского в Куликовской битве соединяется с воспоминаниями о знаменательных событиях новейшей истории — о победе царя Ивана Грозного в Казанском походе 1552 года и об избавлении Москвы от крымского хана Казы-Гирея по молитвам царя Федора Иоанновича в 1591 году. Участие в крестном ходе чудотворных икон *Владимирской* и *Донской* помещает историю русского государства во вневременной план Священной истории. В этом стремлении освятить земную царскую власть, сделать законное правление с самого его начала согласным с волей Превечного Бога отражается смиренное осознание древнерусскими людьми конечной несамостоятельности, неавтономности человека.

Двукратный повтор корня *-свят-* («святейший», «Предшествуем хоругвями святыми») подчеркивает священную природу крестного хода, его принадлежность одновременно реальности земной и миру небесному, времени и вечности. Причастность молебного шествия пространству вечности оттеняет и предикат *воздвижется*. Сохраняя корень используемого Н. М. Карамзиным глагола *подвигнуться* («подвиглась столица»), в котором общее значение движения по горизонтальной плоскости совмещено с эмоциональными компонентами смятения, поспешности, А. С. Пушкин заменяет его приставку на *воз-*, сообщая всему слову семантику движения вверх (ср. *воздвигнути* — «поднять, воскресить, возвысить»). Глагол *воздвигаться* лежит в основе отглагольного существительного *Воздвижение* — эллиптического имени двенадцатого праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (14 сентября), и это сообщает ему способность актуализировать ценностную семантику движения-подвига, движения-служения. Отделенное от подлежащего *патриарх* тремя стихами ретардации, намеренно акцентированное в сильной позиции «стыка» двух синтагм, сказуемое *воздвижется* привносит ассоциации с движением высоко поднятых хоругвей — священных знамен Церкви — и самой своей фонетической формой напоминает о торжественной величественности многотысячного народного шествия.

Предикат *воздвижется* отделен от следующей синтагмы цезурой. Пунктуационно маркированная точкой с запятой, цезура намечает границу смысловых частей в картине крестного хода, подчеркивая его внутреннюю упорядоченность. Церковь небесная, зримыми символами

которой являются хоругви, иконы Владимирская и Донская, предваряет Церковь земную — собор мирян, образ которого вводит противительный союз *а* («а с ним синклит...»). Соединительные союзы *да*, *и* выделяют в описании этого многоликого шествия отдельные «сословно-иерархические» группы. Предложная конструкция семантики совместного действия *с ним* («...а с ним синклит, бояре») намечает круг ближайших к патриарху лиц — царский *синклит* и *бояр*. Двукратный повтор союза *да* присоединяет к родовой боярской знати служилое дворянство («да сонм дворян») и представителей Земского собора («да выборные люди»). Союз *и* вводит последнюю, наиболее многочисленную группу участников крестного хода — «И весь народ московский православный». Дифференцированная в «Истории» М. Н. Карамзина («все жители московские, граждане и чернь, жены и дети»), эта часть крестного хода обозначается А. С. Пушкиным собирательным именем *народ*. В следующем стихе — «Мы все пойдем молить царицу вновь, / Да... на венец благословит Бориса» — инклюзивное местоимение *мы* и определительное местоимение *все* призваны подчеркнуть единство русского народа. Высвечивание идеи соборности-единения («Мы все...») свидетельствует об упразднении сословных границ в освященном хронотопе крестного хода.

Таким образом, на небольшом текстовом пространстве А. С. Пушкин воссоздает многомерный образ общенародного крестного хода. В его целостном хронотопе время становится сопричастным вечности; дальнее, Церковь земная, освящается соприсутствием горнего, Церкви небесной.

Если в «Борисе Годунове» образ крестного хода дается в сжатом, «свернутом» виде, то в романе И. С. Шмелева «Лето Господне» его описанию посвящена отдельная глава — «Крестный ход. Донская», представляющая собой вполне самостоятельный, законченный по форме и содержанию художественный текст, эта глава-очерк создает художественный образ молебного шествия, который в течение почти трех столетий ежегодно совершался из Кремля в Донской монастырь 19 августа (по старому стилю) в память о чудесном избавлении Москвы от крымского хана Казы-Гирея в 1591 году.

Имя собственное *Донская*, указывающее на чудотворный образ Божией Матери, молитвами перед которым Москва была спасена тогда от гибели, отсылает к знаменательной победе в Куликовской битве, одержанной русским воинством под предводительством великого князя Дмитрия 8 сентября 1380 года. Победа, совершившаяся в верховьях Дона и Непрядвы, связывается в православном народном сознании с заступничеством Божией Матери по молитвам преподобного Сергия Радонежского. Совершившееся однажды во времени, это прецедентное для исторического бытия русского государства событие выходит за границы линейного времени, ежегодно являя себя в благоговейном праздновании-почитании Пресвятой Богородицы в Ее чтимой иконе.

Описание Крестного хода в романе «Лето Господне» включает три части — преддверие праздника, сам праздник и вечер праздничного дня. Структура повествования соотносится, таким образом, с трехчаст-

ным строением наиболее почитаемых, двенадцатых праздников Церкви, включающих предпразднство, сам день праздника и период попразднства.

Начальное слово главы, хрононим *завтра*, эксплицирует ключевой для первой части главы мотив ожидания-приготовления: «*Завтра у нас Донская*». Событийное наполнение имени «Донская» раскрывает следующее, развернутое сложносочиненное предложение: «*Завтра Спас Нерукотворный пойдет из Кремля в Донской монастырь крестным великим ходом, а Пречистая выйдет Ему навстречу в святых воротах. И поклонятся Ей все Святые и Праздники, со всех хоругвей*» (Шмелев, 2007, с. 208).

Здесь впервые возникает ключевой мотив небесной встречи-сретения («Спас Нерукотворный пойдет... а Пречистая *выйдет* Ему *навстречу*...»). Совершающаяся во вневременном хронотопе горнего мира ангелов и святых, встреча-сретение разворачивается в мире земном в координатах священного пространства Церкви («из *Кремля* в *Донской монастырь*», «в *святых воротах*») и вовлекает множество человеческих личностей как призванных по обетованию Божию к наследию Царствия Небесного: «...*Встретятся* у донских ворот, Пречистая со Спасителем! и *все воспоют*... и певчие чудовские, и монахи донские, и *весь* крестный ход — “Царю Небесный...” а потом — “Богородице Дево, радуйся...”! И *все-то* хоругви, и Святые, и Праздники, в золоте-серебре, в цветочках... *все преклонятся* пред Пречистой... Цветочки-то почему? А как же, самое чистое творение, Архангел Гавриил с белым цветочком пишется» (Шмелев, 2007, с. 209).

Однородные подлежащие, вводимые соединительным союзом «и», собирательно указывают на участвующих в торжестве Церковь земную («и певчие чудовские, и монахи донские, и весь крестный ход») и Церковь небесную («и Святые, и Праздники»). Вводимые здесь начальные слова молитвы Святому Духу («Царю Небесный...») и архангельского благовестия («Богородице Дево, радуйся!») подчеркивают причастность грядущего праздника вневременной реальности богослужения, в котором «стираются грани времени и открывается тайна вечности» (Мечев, 2001, с. 162). В праздничном событии, описываемом формами совершенного вида «пойдет», «выйдет навстречу», «поклонятся», «встретятся», «воспоют», «преклонятся», будущее становится вневременным настоящим. Идея всеобщего единения, актуализируемая в тексте четырехкратным повтором определительных местоимений «весь», «все», связывается с образом благодарного поклонения Той, Чьим заступлением была некогда спасена русская земля от войск Мамаю: «...все преклонятся пред Пречистой». Встреча-сретение, совершающаяся в двуедином, объединяющем земное и небесное, временное и вечное, в хронотопе праздника, соотносится в народном сознании с темпоральным планом истории Отечества.

Начальная временная граница самого дня праздника намечается эмфатической местоименной конструкцией «*вот и*», оттеняющей желанную близость давно ожидаемого события: «*Вот и “Донская” наступила*» (Шмелев, 2007, с. 215).

Величественное шествие Крестного хода, торжественное в своем плавном течении, предстает в непосредственной близости живого созерцания («я знаю их», «Я вижу»). Первые хоругви — из родной для И. С. Шмелева церкви Казанской иконы Божией Матери у Калужских ворот: «Мальчик, в бело-глазетовом стихаре, чинно несет светильник, с крестиком, на высоком древке. *Первые за ним хоругви — наши, казанские, только что в ход вступили.* Сердце мое играет, я знаю их» (Шмелев, 2007, с. 217). Ощущение сопричастности, соучастия в происходящем передается эмфатически обособленным определением «родная» («...смотрит в небо, в золотую хоругвь, *родную*: Светлое Воскресение Христово») и притяжательным местоимением «наш» («хоругви — *наши*, казанские...», «она убрана цветами, *нашими* георгинами и астрами»). Повторяемые наречие «трудно» («*трудно* ему идти», «должно быть, *трудно*»), прилагательное «тяжелый» («несет *тяжелую*, старую хоругвь», «несет другую *тяжелую* хоругвь нашу») эксплицируют значение Крестного хода как служения-подвига, как «святого дела», связываемого с мыслью о предельной, абсолютной ценности: «Слезы мне жгут глаза: радостно мне, что это *наши*, с *нашего* двора, служат святому делу, могут и жизнь свою положить, как извозчик Семен, который упал в Кремле за ночным Крестным ходом, — сердце оборвалось. Для Господа ничего не жалко. Что-то я постигаю в этот чудесный миг... — есть у людей такое... выше всего на свете... — *Святое, Бог!*» (Шмелев, 2007, с. 218).

В значении темпоральной неограниченности, недискретности, свойственном неоднократно повторяемым в тексте предикатам несовершенного вида «благословляют», «плывут», находит свое имплицитное выражение идея вневременности. В пространстве физической реальности Крестный ход становится явлением вечности, откровением Церкви небесной, торжествующей: «*Кольшется-плывет сонм золотых хоругвей, благословляет нас всех, сияет Праздниками, Святыми, Угодниками, Мучениками, Преподобными...*» (Шмелев, 2007, с. 219).

Темпоральная ткань Крестного хода соткана из различных временных пластов. Современная повествователю действительность купеческой Москвы сопрягается с прошлым. В настоящем неотъемлемо присутствует многовековая история. Чин шествия хоругвей — живых, зримых свидетелей старины — становится своеобразным углублением в историческое прошлое Отечества: «А эта *при французах* еще была, горела — не сгорела, Преображения на Болвановке... Пятницы-Параскевы, редкостная хоругвь, с *Бориса Годунова*... а рядышком, черная-то хоругвь... темное серебро в камнях... страшная хоругвь эта, камения с убиенных сняты, дар *Малюты Скуратова*, церкви Николы на Берсеневке, триста годов ей, много показнил народу безвинного... несет ее... ох, гляди, не под силу... смокнул весь... ах, ревнатель, литейный мастер Овчинников» (Шмелев, 2007, с. 219). Прецедентные имена метонимически актуализируют образы драматических периодов в истории России, периодов народных испытаний и сугубой народной молитвы — опричнины 1565–1572 годов («дар *Малюты Скуратова*... *триста годов ей*»), Смутного времени начала XVII в. («редкостная хоругвь, с *Бориса Годунова*...»), Отечественной войны 1812 года («*при французах* еще была»).

Воплощением древней, великокняжеской Руси становятся святыни Кремлевских соборов — живые свидетели далекого прошлого. Шествие кремлевских хоругвей предваряет образ великомученика Георгия — святого покровителя Москвы: «На конике-то белом... смотри-смотри... *Георгий-Победоносец*, что в Яндове... Никола Голутвинский... Косьма-Дамиан... Вознесения на Серпуховке... Воскресение Словущего, в Монетчиках... Гляди, гляди... *кремлевские начинают надвигаться!*...» (Шмелев, 2007, с. 219–220).

Двойной повтор перцептивных глаголов в форме императива-обращения «смотри-смотри...», «гляди-гляди...» создает ощущение замедления времени, подчеркивая величие древних святынь. Составное сказуемое «начинают надвигаться», привносящее ассоциации с образом военных дружин — великокняжеских полков, шествующих под боевыми знаменами, имплицитно мыслит об исконном значении Кремля как первоначала московского государства — «хранителя славы, святынь российских, хранителя былых страданий» (Шмелев, 1998, с. 204): «Тяжелые, трудные хоругви. Их несут по трое, древки в чехлы уперты, тяжелой раскачкой движутся, — темные стрелы-солнца, — лучи из них: *Успение, Благовещение, Архангелы, Спас на Бору, Спас-Золотая Решетка, Темное Око, строгое... Чудовские, Двенадцати Апостолов, Иоанн Предтеча...* — древняя старина» (Шмелев, 2007, с. 220).

Имена хоругвей, вводимые однородными сказуемыми («Успение, Благовещение, Архангелы, Спас на Бору, Спас-Золотая Решетка»), метонимически указывают на древние кремлевские соборы — Успенский (1475–1479), Благовещенский (1489), Архангельский (1508), Спасо-Преображенский (1330), Верхоспасский (1635–1636). Отсутствие глагольных сказуемых оттеняет вневременной характер созерцаемых святынь, в которых разделение разрозненных темпоральных пластов прошлого, настоящего и будущего преодолевается всецелым устремлением к вечной, неизменной Истине. Имя «Темное Око» перекликается с названием пребывающей в Успенском соборе чтимой иконы Спаса Вседержителя «Спас Ярое Око» (XIV век). Обособленное определение «строгий» («Темное Око, строгое»), вынесенное в сильную позицию конца предложения, раскрывает эсхатологический смысл слова-символа «Око» в именовании иконы Спасителя. Синонимичное эпитету «ярый» («пылкий, гневный, суровый»), оно раскрывает представления о правде Божией, отсылая к образу грядущего Страшного Суда, который совершится на грани исторического времени и вечности.

Кульминацией Крестного хода становится явление Нерукотворенного образа Спасителя: «А вот и духовенство, несут Спаса Нерукотворенного, образу сему пять сот лет, а то и боле. Великая Глава Спаса: темная, в серебре, тяжелая икона. На холстине Его несут. Певчие, в кафтанах, — цветных, откидных, подбитых, — и великое духовенство, в серебряных и злаченных ризах: причетники, дьяконы, протопопы в лиловых камилавках, юноши в стихарях, с рипидами: на золоченых древках лики крылатых херувимов, дикирии и трикирии, кадила... — и вот, золотится митра викарного архиерея. Поют “Царю Небесный”» (Шмелев, 2007, с. 221).

Завершает главу видение Крестного хода, являющееся во вневременном пространстве памяти: «...До сего дня живо во мне нетленное: и колыханье, и блеск, и звон, — Праздники и Святые, в воздухе надо мной, — небо, коснувшееся меня. И по сей день, когда слышу светлую песнь — “...иже везде сый и вся исполняй...” — слышу в ней тонкий звон столкнувшихся хоругвей, вижу священный блеск» (Шмелев, 2007, с. 223). Обстоятельство «до сего дня», анафорически повторяемое, оттеняет единство прошлого — трепетное чувство пережитой в детстве радости праздника, и настоящее — благоговейную память о нем. Значение «открытости актуального бытия» (Петрухина, 2013, с. 239), привносимое граммемой настоящего времени перцептивных глаголов «слышу», «вижу», высвечивает мысль о происходящем в пространстве праздника преодолении раздробленности земного, фрагментарного времени (Бердяев, 1990, с. 56). Слова молитвы Святому Духу — «...иже везде сый и вся исполняй...», свидетельствующие о всеприсутствии Того, Кто «не есть Бог мертвых, но живых» (Лк. 20: 38), подчеркивают сопричастность планов прошлого и настоящего подлинной и пребывающей действительности — вечности. Это есть та реальность благобытия, которая, по мысли Н. А. Бердяева, являет собой целостное время, вечный сегоднешний день, в котором всё свершается *ныне* и в котором есть «одно лишь истинное настоящее» (Бердяев, 1990, с. 55).

Проведенное исследование свидетельствует о глубинной содержательной общности художественных образов крестного хода в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» и романе И. С. Шмелева «Лето Господне». Объединяющим выступает сопряжение в них категориальных смыслов временного и вневременного: в хронотопе земной, физической реальности крестный ход предстает как явление вечности, откровение Церкви небесной, торжествующей, помощи которой испрашивает Церковь земная. Мир горний, вечный мир святых, соприкасается в Крестном ходе с миром дольным, человеческим. Единые в раскрываемой ими внутренней темпоральной природе крестного хода, художественные образы «Бориса Годунова» и «Лета Господня» отличаются целым рядом особенностей. В «Борисе Годунове» крестный ход, выступающий важнейшей частью чина избрания на царство, имеет церковно-государственный характер, в «Лете Господнем» — церковно-народный, отражающий народное благоговение перед святыней и историей. Различен временной ракурс изображения крестного хода, которое в «Борисе Годунове» дается в модальности будущего, а в «Лете Господнем» — как реальность непосредственного созерцания. Этим обусловлена и неодинаковая степень детализации художественного образа: «свернутая», «сценарно» сжатая в «Борисе Годунове» картина крестного хода в «Лете Господнем» «развертывается», открывая перед читателем самые разные — индивидуально-личные, семейные, общинные, народные — грани осмысливаемого явления. Обусловленные жанрово-стилистической природой произведений, эти различия не затеяют, но, напротив, высвечивают общее основание художественных образов «Бориса Годунова» и «Лета Господня», ставших отражением живой веры русского человека в то, что «вечное является во времени, вечное может быть во времени воплощено» (Бердяев, 1990, с. 405).

Список литературы

- Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб., 2000.
- Бердяев Н. А. О небесной истории. Время и вечность // Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 49–66.
- Карамзин Н. М. История государства Российского : в 3 кн. СПб., 1997. Кн. 3.
- Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. М., 1997.
- Мечев Сергей, священномученик. Тайны богослужения. Духовные беседы. Письма из ссылки. М., 2001.
- Непомнящий В. С. Да ведают потомки православных // Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М., 2001. URL: www.wco.ru/biblio/books/pushkin2/Main.htm (дата обращения: 03.08.2019).
- Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. М., 1987.
- Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира. М., 1999.
- Петрухина Е. В. Когнитивная значимость категории настоящего времени // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. СПб., 2013. С. 233–241.
- Пушкин А. С. Соч. : в 3 т. М., 1986. Т. 2.
- Франк С. Л. Этюды о Пушкине. Париж, 1987.
- Шмелев И. С. Собр. соч. : в 5 т. М., 1998. Т. 2.
- Шмелев И. С. Лето Господне. М., 2007.

Об авторе

Мария Николаевна Коннова, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: MKonnova@kantiana.ru

Для цитирования:

Коннова М. Н. Временное и вечное в художественном образе крестного хода: «Борис Годунов» А. С. Пушкина и «Лето Господне» И. С. Шмелева // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 58–68. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-5.

TIME AND ETERNITY IN THE LITERARY IMAGE OF THE CHURCH PROCESSION: PUSHKIN'S *BORIS GODUNOV* AND SHMELEFF'S *THE YEAR OF THE LORD*

M. Konnova¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236016 Russia

Submitted on July 29, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-5

This article considers the depiction of the church procession to examine the literary interpretation of time and eternity in Alexander Pushkin's historical drama Boris Godunov and Ivan Shmeleff's novel The Year of the Lord. The two texts share fundamental similarities in literary images. The church procession is portrayed as a manifestation of eternity in the tangible reality of this world. Despite their common temporal nature, images in Boris Godunov

and The Year of the Lord differ in terms of both motivation (state-driven in Pushkin's drama and public-driven in Shmeleff's novel) and the degree of detail. The description is condensed and script-driven in Boris Godunov, whereas the church procession in The Year of the Lord unfolds before the reader to reveal personal, family-related, and public aspects of the phenomenon.

Keywords: time, eternity, Alexander Pushkin, Boris Godunov, Ivan Shmeleff, The Year of the Lord, icon-bearing procession.

References

- Bakhtin, M. M., 2000. *Epos i roman* [Epic and novel]. St. Petersburg (in Russ.).
- Berdyayev, N. A., 1990. On celestial history. Time and eternity. In: N. A. Berdyayev, ed. *Smysl istorii* [The meaning of history]. Moscow. pp. 49–66 (in Russ.).
- Karamzin, N. M., 1997. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: v 3 kn.* [History of the Russian state: in 3 books]. Kaluga (in Russ.).
- Likhachov, D. S., 1997. *Istoricheskaya poetika russkoi literatury* [Historical poetics of Russian literature]. Moscow (in Russ.).
- Mechev, Sergii, hieromartyr, 2001. *Tainy bogoslužheniya. Dukhovnye besedy. Pis'ma iz ssylki* [Mysteries of liturgy. Spiritual sermons. Letters from exile]. Moscow (in Russ.).
- Nepomnyashchy, V. S., 2001. Let the descendants of the Orthodox know. In: V. S. Nepomnyashchy, ed. *Da vedayut potomki pravoslavnykh. Pushkin. Rossiya. My* [Let the descendants of the Orthodox know. Pushkin. Russia. We]. Moscow (in Russ.).
- Nepomnyashchy, V. S., 1987. *Poeziya i sud'ba. Nad stranitsami dukhovnoi biografii Pushkina* [Poetry and destiny. Reading Alexander Pushkin's spiritual biography]. Moscow (in Russ.).
- Nepomnyashchy, V. S., 1999. *Pushkin. Russkaya kartina mira. Seriya «Pushkin v XX veke»* [Pushkin. Russian world view. Series "Pushkin in the XX century"]. Vol. VI. Moscow (in Russ.).
- Petrukhina, E. V., 2013. Cognitive significance of the category of the present tense. In: A. V. Bondarenko, ed. *Glagol'nye i imennye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki* [Verbal and nominal categories in the system of functional grammar]. St. Petersburg. pp. 233–241 (in Russ.).
- Frank, S. L., 1987. *Etyudy o Pushkine* [Essays on Pushkin]. Paris: YMCA Press (in Russ.).
- Shmelyov, I. S., 1998. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Selected writings: in 5 vol.]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Maria N. Konnova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: MKonnova@kantiana.ru

To cite this article:

Konnova, M. N. 2020, Time and eternity in the literary image of the church procession: Pushkin's *Boris Godunov* and Shmeleff's *The Year of the Lord*, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 58–68. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-5.

**«НАМ СТОЯТЬ ПОЧТИ ЧТО РЯДОМ...»:
ПУШКИН КАК ПЕРСОНАЛЬНЫЙ МИФ РУССКОГО АВАНГАРДА**

Т. В. Цвигун¹, А. Н. Черняков¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 20.12.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-6

Анализируются стратегии культурного освоения и присвоения личности и творчества А.С. Пушкина русским авангардом. Отношение авангарда к Пушкину рассматривается как оригинальный вариант культурной апофатики, когда утверждение объекта рефлексии вырастает из его последовательного отрицания. Фактография русского авангарда свидетельствует о том, что уже на этапе возникновения данная художественная система выстраивает собственный «миф о Пушкине», в котором поэту отводится роль одновременно и объекта культурного преодоления, и своеобразной «точки отсчета» для развития нового искусства. Через отрицание авангард стремится «остранить» Пушкина, показать чуждость поэта классическим культурным моделям, а сделав Пушкина «своим», использует его символический капитал для собственного закрепления в литературном поле. Отдельно рассматривается вопрос о месте и роли «пушкинского субстрата» в поэзии и теоретических трактатах А. Крученых. Пушкин, мыслимый как объект поэтического преодоления, как полюс притяжения-отталкивания, становится для Крученых эталоном, относительно которого концептуализируется рождение новой литературы. Развивая теорию сдвига, Крученых рассматривает Пушкина как «звукового поэта»; подобная аналитическая позиция дает возможность перейти от развенчания Пушкина как «глухого певца» к авангардистской апологии Пушкина как гения, работающего со звуковой фактурой стиха на границах заумного творчества. Как показывает Крученых, сдвиг становится у Пушкина мощным семантическим генератором стиха, благодаря которому ошибка оказывается «правилом нарушения правил», семантическая девиация приобретает статус неологизма, а сам сдвиг переходит в область продуктивных поэтических техник.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, русский авангард, стратегии культурного присвоения, культурный миф, литературная преемственность.

Будетлянин — это Пушкин... в плаще нового столетия, учащий... смеяться над Пушкиным 19 века. Бросал Пушкина «с парохода современности» Пушкин же, но за маской нового столетия...
В. Хлебников. Запись в альбоме Л. Жевержеева. 1915 г.

Пушкин и авангард — две вещи несовместны, в отличие большинства поэтов. Поэтому Поэзия Пушкина вечная, как законы природы.
Комментарий в интернете. 2016 г.

«Невозможно не считаться с инерцией, в рамках которой само сопоставление имен Хлебникова и Пушкина способно вызвать у иного читателя если не возмущение как нечто, граничащее с кощунством, то недоумение» (Григорьев, 1983, с. 155). Рецептивная установка, описанная В.П. Григорьевым без малого 40 лет назад, в некотором смысле остается актуальной до сих пор: на фоне того, что исследования последних десятилетий в целом очистили русский авангард от большей части негативных историко-культурных коннотаций и кодифицировали его как важнейшую и неотъемлемую составляющую культурной парадигмы XX века, случаи научного обращения к теме «Пушкин и авангард» до сих пор единичны. В опубликованной в 2000 году книге «Пушкин в 1937 году» Ю. Молок очерчивает это исследовательское поле всего несколькими работами — статьями Х. Барана, В. Григорьева, Э. Слининой, З. Паперного, Т. Никольской и А. Парниса (Молок, 2000); с момента выхода книги Молока и вплоть до настоящего времени ситуация кардинально не изменилась.

Между тем вопрос об освоении и присвоении пушкинского творчества и самой фигуры А.С. Пушкина авангардной литературной парадигмой, если решать его не на уровне отдельных авангардистских поэтик (Маяковского, Хлебникова, Крученых, Хармса и др.), а в системном ключе, представляется более чем интересным и перспективным. Серьезные предпосылки для его постановки создает среди прочего сама фактография деятельности авангардистов: даже если оставить за скобками факты хрестоматийные (вроде «Юбилейного» Маяковского или «Анекдотов из жизни Пушкина» Хармса) или в достаточной мере исследованные (например, рецепцию Пушкина Хлебниковым, подробно проанализированную В.П. Григорьевым), устойчивость интереса авангардистов к Пушкину не может остаться незамеченной.

Вот лишь некоторые из подобных фактов. В 1909 году Хлебников, будучи студентом Санкт-Петербургского университета, занимался изучением Пушкина в рамках Пушкинского семинара С.А. Венгерова (Рылева, 2019). Д. Бурлюк 3 ноября 1913 года выступил в Концертном зале Тенишевского училища с публичной лекцией «Пушкин и Хлебников», имевшей высокий общественный резонанс и вызвавшей, по свидетельствам современников, нешуточный скандал сравнением Пушкина с «мозолью русской жизни» (см.: Молок, 2000; ряд статей, иллюстрирующих реакцию на лекцию Бурлюка, приведены в первом томе издания «Хлебников: pro et contra» (М.: Изд-во РХГА, 2017)). Комментируя историю создания манифеста к «Пощечине общественному вкусу», Б. Лифшиц признавался: «Я спал с Пушкиным под подушкой — да я ли один? Не продолжал ли он и во сне тревожить тех, кто объявлял его непонятнее иероглифов? — и сбрасывать его, вкуче с Достоевским и Толстым, с "парохода современности" мне представлялось лицемерием» (Лифшиц, 1989, с. 403). В воспоминаниях о А. Введенском Л. Липавский пишет: «А. В. нашел в себе сходство с Пушкиным. А. В.: Пушкин тоже не имел чувства собственного достоинства и любил тереться среди людей выше его» (Липавский, 1993, с. 37); там же (с. 60) дается отсылка к словам Введенского: «Я читаю Вересаева о Пушкине». «Пушкиниана»

русского авангарда — это не только «Юбилейное» Маяковского, написанное в 1924 году в связи со 125-летием поэта, не только множество референций к Пушкину у Хлебникова или травестирующие Пушкина «анекдоты» и сценки Хармса («Анекдоты из жизни Пушкина», «Пушкин и Гоголь», «О Пушкине»), но и роман В. Каменского «Пушкин и Дантес» (1928), стилизации под Пушкина («Колокола собора чувств» и «Роса оранжевого часа») и опыты освоения онегинской строфы И. Северянина, перевод стихотворения «Пушкин» грузинского поэта Нико-ло Мицишвили, выполненный Б. Лифшицем, и мн. др.

Отношение авангарда к Пушкину — своеобразная версия культурной апофатики, когда утверждение объекта рефлексии вырастает из его последовательного отрицания. Не может не обратить на себя внимание тот факт, что само появление авангарда, его декларативно заявленные претензии на место в поле литературы не могут быть поняты в своей основе иначе как «преодоление Пушкина». Поскольку же аннигилировать роль Пушкина в культурном сознании невозможно по причинам как социокультурным, так и, очевидно, вполне субъективным (метавысказывания авангардистов вполне наглядно свидетельствуют о том, что поэтика Пушкина вовсе не была им эстетически чужда, скорее напротив), остается одно: осуществить «культурное присвоение» Пушкина, вовлечь его в те сложные семиотические механизмы «нового мифотворчества», существование которых уже настолько вошло в число *loci communi* разговоров об авангарде, что, пожалуй, даже не требует отсылки к отдельным исследованиям. Через отрицание Пушкина авангард стремится «остранить» его, показать чуждость поэта «прошлякам» — а сделав Пушкина «своим», использовать его символический капитал для собственного закрепления в литературном поле.

Знаковую роль в этом сыграл известнейший зачин коллективного манифеста к «Пощечине общественному вкусу» (1912): «Читающим наше Новое Первое Неожиданное. Только мы — лицо нашего времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно, Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. с Парохода современности» (Русский футуризм, 1999, с. 41). Алексей Крученых вспоминал: «Я предложил: "Выбросить Толстого, Достоевского, Пушкина". Маяковский добавил: "С парохода современности". Кто-то: "сбросить с Парохода". Маяковский: "Сбросить — это как будто они там были, нет, надо *бросить* с парохода..."» (Крученых, 2006, с. 70–71). Комментируя семантическую разницу между *сбросить* (заметим, именно такой вариант по-прежнему тотально тиражируется массовым читательским — а нередко и исследовательским — сознанием) и *бросить*, А. К. Жолковский отмечает:

Разница, казалось бы, невелика, но она есть. В *сбросить* важен элемент удаления, наводящий на мысль не столько о реальном сбрасывании ненужного балласта — за борт, сколько о переносном — со счетов, то есть о банальном устранении конкурентов с литературного рынка. *Бросить* — грубее, потому что сосредоточивается не на удалении откуда-то, а на кидании куда-то, в данном случае в морскую пучину... Вслушаемся в аргументацию Маяковского. *Сбросить/выбросить* значило бы признать, что «они там бы-

ли», поэтому надо *бросить*. Но если их там не было, чего о них тревожиться? Достаточно их на свой «литерный» пароход не пускать. Для того же, чтобы их оттуда, где их не было, *бросить*, их надо сначала туда доставить. И тогда акция приобретает отчетливый смысл. Речь идет не просто о свержении классиков с литературного Олимпа, а об убийстве... точнее — о казни (Жолковский, 2009).

Развивая наблюдения Жолковского в контексте нашей темы, дополнительно отметим, что, во-первых, для авторов манифеста к «Пощечине...» Пушкин становится *sui generis* контекстуальным синонимом «Академии», а во-вторых, вполне симптоматично его инициальное положение в ряду тех, кому суждено быть брошенными «с Парохода современности» («Пушкина, Достоевского, Толстого и проч.» вместо предложенного Крученых «Выбросить Толстого, Достоевского, Пушкина»). Немаловажными оказываются и различия в пространственных коннотациях, имплицированных в семантику двух глаголов: *сбросить* — обязательно *вниз* (что сохраняется и в отмеченном Жолковским переносном контекстуальном значении глагола), тогда как *бросить* в большей степени актуализирует «горизонтальные» семы 'вдаль', 'от себя' и т.п. Литературная метапозиция, декларируемая в «Пощечине...», вполне успешно коррелирует с мифологемой «Нового Первого Неожиданного», каковым хочет видеть себя авангард: это искусство «нового летоисчисления», отмеченное особым чувством нулевой темпоральности (ср. «Мирсконца» Хлебникова), инфантильного письма (одно из характерных его проявлений — совместный сборник Крученых и Зины В. «Поросята»), «нулевого высказывания» (ср. 15-ю «Поэму Конца» из цикла «Смерть искусству» В. Гнедова, семиотизирующую амбивалентность чистого листа как одновременно конца и начала речи), «перво-звука», «перво-слова», «перво-фразы». Этим объясняется исключительная важность Пушкина как индексального знака русской литературы: в оптике футуристов Пушкин предстает как абсолютное начало, рождение русской литературы (словно бы до Пушкина не существовало ничего!); следовательно, если русская литература рождается из Пушкина, то его «о-своение» и «при-своение» будет означать ее второе рождение. Авангард как будто смещает акцент в знаменитой формуле Ап. Григорьева «Пушкин — наше всё» на слово «наше», заявляя при этом: «Кто не забудет своей *первой* любви, не узнает последнюю» (Русский футуризм, 1999, с. 41).

Примечательно, что подобная установка авангардистов на привлечение Пушкина в поэтические соратники неожиданно для них самих обнаружила весьма высокий символический потенциал. В вышеупомянутой книге, посвященной иконографии Пушкина в юбилейный 1937-й год, Ю. Молок обращает внимание на культурные механизмы, с опорой на которые была предпринята попытка (оставшаяся, впрочем, малозамеченной) посмертной канонизации Хлебникова через референции... к памятнику Пушкину. «Попытка эта, — отмечает исследователь, — была закреплена рисунком Владимира Татлина на фронтиспise к "Неизданным произведениям" В. Хлебникова (1940)... Татлин нарисовал роман-

тического, несколько идеализированного молодого поэта, сидящего на скамейке Тверского бульвара возле памятника Пушкину. По словам Н. Берковского, "на портрете... за Велимиром Хлебниковым видна легковейная тень Пушкина, и Хлебников имел право быть напутственным этой тенью"» (Молок, 2000). Немаловажным, по мысли Ю. Молока, оказывается и тот факт, что идея подобного изображения не была просто «художественной догадкой» Татлина, а принадлежала Н. Харджиеву, непосредственной целью которого было «как-то легализовать имя поэта, который не получил истинного признания и которого еще долго будут именовать "поэтом для эстетов"» (Молок, 2000).

Из многочисленных примеров, которыми можно было бы иллюстрировать стратегии мифологизации и культурного присвоения Пушкина русским авангардом, остановимся подробнее на месте и роли «пушкинского субстрата» в поэзии и метапоэтических теориях А. Крученых. О том, что Пушкин с самого начала входил в число важнейших эстетических ориентиров Крученых (возвращаясь к комментариям Б. Лифшица, логично предположить, что отношение «дичайшего» к своему великому предшественнику вполне могло быть мотивировано «страхом влияния» в духе теории Х. Блума), свидетельствует сам акт вхождения Крученых в поле литературы — знаменитое стихотворение «Дыр бул щыл...» (1913, сб. «Помада»), сопровождаемое предисловием: «3 стихотворения / написанные на / собственном языке / от др. отличается: / слова его не имеют / определенного значения» (Крученых, 2001, с. 55. Орфография и пунктуация автора. — Т.Ц., А.Ч.). Комментируя это стихотворение в «Слове как таковом», Крученых делает важное заявление: «Кстати, в этом пятистишии более русского национального, чем во всей поэзии Пушкина» (Русский футуризм, 1999, с. 47). Несложно заметить, что диахронический литературный контекст представлен в «Слове как таковом» крайне лаконично: это неназванный Лермонтов (он присутствует в виде цитаты из «По небу полуночи...»), поставленные в один ряд «трудолюбивый медведь Брюсов, пять раз переписывавший и полировавший свои романы Толстой, Гоголь, Тургенев» — и наконец, Пушкин; причем если других «писателей до нас» Крученых упоминает лишь в качестве общего фона, традиции, преодолеть которую призван футуризм, то Пушкину он отводит роль прямого объекта сравнения именно для *своей* поэзии.

В.Е. Татлин. В. Хлебников у памятника Пушкину (1939)

Какие метапоэтические концепты важны для Крученых в этой творческой переключке? Во-первых, это идея языка, не существовавшего ранее, языка некоей «нулевой точки», который создает поэт-футурист (подобно тому, как Пушкин создал канон русского литературного языка). Во-вторых, это представление о поэзии прежде всего в акустическом, звуковом ее измерении, для которого «определенное значение» выступает скорее как препятствие. И наконец, в-третьих, это обращение к Пушкину как отрефлексированной точке отсчета, «мере поэтичности», в данном случае — мере *национальной* поэтичности. Пушкин, мыслимый как объект поэтического преодоления, как полюс притяжения-отталкивания, становится для Крученых тем эталоном, относительно которого проще и очевиднее всего концептуализировать рождение нового поэтического слова, более национального, чем «вся поэзия Пушкина».

Заочный диалог с Пушкиным реактуализировался для Крученых в 1920-е годы, когда он активно проявил себя не только как поэт, но и как теоретик стиха. Присутствием Пушкина отмечен один из важнейших трактатов Крученых «Сдвигология русского стиха» (1922); далее, развивая и уточняя положения «Сдвигологии...», Крученых посвящает Пушкину отдельную книгу «500 новых острот и каламбуров Пушкина» (1924). Сами по себе эти трактаты любопытны последовательно квазинаучным подходом на границах поэтической игры и серьезной аналитики, при котором Крученых надевает маску поэта-исследователя: в многочисленных отсылках к трудам Б. Томашевского, Б. Эйхенбаума, Р. Якобсона, О. Брика, Ю. Тынянова, Б. Кушнера и др., содержащихся в этих трактатах, наглядно проявляется игра в «академичность», в научную верифицируемость авангардной позиции. Крученых в определенном смысле помещает себя в поле научных рефлексий «пушкинистов и пушкиноведов», внешне травестируя его, а по сути выстраивая авангардный исследовательский миф о Пушкине, в распоряжение которого поэт-классик предоставляет удивительно емкий и богатый материал.

Рассуждения Крученых о сдвиге, а через него — о природе поэтического слова вообще отмечены сложным и порой трудноуловимым риторическим «скольжением смыслов», в котором особая роль отводится именно Пушкину. Крученых смотрит на Пушкина прежде всего как на «звукового поэта», и подобная аналитическая позиция дает ему возможность незаметно для читателя подменить развенчание Пушкина как средоточие звуковых ошибок, «глухого певца» новой — авангардистской — апологией Пушкина как гения, работающего со звуковой фактурой стиха на границах заумного творчества, способного сделать «сдвиг» поэтическим приемом.

Есть основания предположить, однако, что открытие Пушкина как «звукового поэта» принадлежит все же не Крученых, а его соратнику по поэтическому объединению «41°» Игорю Терентьеву, который в трактате «17 ерундовых орудий» (1919) щедро иллюстрирует примерами из «Евгения Онегина» главный теоретический тезис, в своей формулиров-

ке явно превосходящий позднейшие идеи паронимической аттракции: «Закон поэтической речи. Слова похожие по звуку имеют в поэзии похожий смысл» (Терентьев, 1919, с. 4). Терентьев пишет:

Если вслушаться в слова: гений, снег, нега, странность, постоянство, приволье, лень, вдохновение... слова, которыми восклицаются, желая характеризовать «настроение» «Евгенина», станет несомненно, что они вызваны звуковым гипнозом: Евгений Онегин, Татьяна, Ольга, Ленский! <...> «все те же-ль вы, иные девы, сменив, не заменили вас»... А дальше поэт, слуховое воображение которого поражено словом «львы», рыкает и ворчит: «узрюли русской Терпсихоры»... «устремив разочарованный лорнет»... «безмолвно буду я зевать»... <...> Я не буду настаивать на том, что «узрюли» означает — «ноздри льва» — может быть это «глазища»..., но произносительный пафос этого слов, одинаковый почти у всех чтецов, доказывает основную правильность догадки: торжественный зверь смотрит, раздувая ноздри... (Терентьев, 1919, с. 5–6. Орфография, пунктуация и шрифтовые выделения автора. — Т. Ц., А. Ч.).

Наблюдения над звукописью «Евгения Онегина» позволили Терентьеву сформулировать очень важный — и для «Орудий...», и для авангардной поэтики, и для поэтики вообще — постулат: «Поэтический словарь (внешний вид которого может быть тот же, что у практического словаря, изданного академией наук) есть работа творческая, то есть *малоубедительная для глухих*. Это не ключ к пониманию поэзии: *это отмычка, потому что всякая красота есть красота со взломом*» (Терентьев, 1919, с. 6. Курсив наш. — Т. Ц., А. Ч.). Таким образом, Пушкин оказывается для поэта-заумника вовсе не предметом осмеяния — напротив, как показывает Терентьев, именно из пушкинской звуковой чуткости прорастает новая поэзия, выводящая семантику из самой звуковой фактуры.

Крученых, использующий терентьевские примеры («Узрюли русской Терпсихоры (Узрюли — глазища?!») — Крученых, 1922, с. 5) и развивающий его основные поэтологические посылки в проекции на звуковую организацию стиховой строки, обосновывает представление о Пушкине как о «глухом поэте», находя у него «семь тысяч сдвигов»-ошибок (Крученых, 1924, с. 9). Основу подобного взгляда составляет аудиальный подход к тексту: Пушкин «Сдвигологии...» и «500 новых острот...» — это Пушкин, прочитанный не глазами, а вслух, ср.: «Читаем Пушкина, благоговейно прислушиваясь к мудрым "умолкнувшим звукам божественной речи" и слышим: **Со сна** садится в ванну **со льдом** ("Евгений Онегин"). **Сосна** садится **сольдом**. (Сольдо(и) — итальянская монета). **Как увижу** очи томны (Из Гонзаго). — что вижу я?! Страдальца глас; **она не** улыбнется ("Элегия"). **Она не** суетной работой ("Дружба"). При чтении появляются Анании» и т.д. (Крученых, 1924, с. 6–7). Терентьеву Пушкин дал богатый материал для штудий в области поэтической фонетики и семантики — Крученых он оказывается важен для обоснования понятия «сдвиг», который определяется в «Сдвигологии...» как «слияние двух звуков (фонем), или двух слов как звуковых единиц, в одно звуковое пятно» (Крученых, 1922, с. 5) и получает важную дополнительную мотивировку в «500 новых остротах...»: «Несовпадение метра с лексикой слова — имманентная причина сдвига в сти-

хе. Разобраться в этом явлении — значит вскрыть главную ошибку, допущенную Пушкиным в поэтической технике» и далее: «Из природы сдвига ясно, что "междусловесные перерывы" или "словоразделы" — сплошная фикция: их просто не существует. Этот миф лишний раз доказывает, что реальный смысл стиха образует не смысловое содержание, а форма» (Крученых, 1924, с. 10, 18).

Сдвиг — это преодоление графического в пользу аудиального, конфликт (в том числе осознаваемый как прием) между графикой стиха, орфографическими границами слова, с одной стороны, и скандовкой — с другой, между словоразделом и стопоразделом. Любопытно обратить внимание на то, что Крученых фактически прочитывает Пушкина на голом стопоразличении, сознательно нивелируя различимость орфографических слов, что в проекции на стиховедческие практики само по себе есть ошибка, поскольку жесткое стопоразличение не характерно для русского стиха. Такое чтение Пушкина дает множество самых экзотических результатов: *желиру, пострунам, икнул, напирах*, «Ион кустам моим приник», «Незримый хранитель могу чемудан» и т. п. От описания сдвигов окказиональных Крученых пытается перейти к классификации пушкинской «сдвиговой топики», анализируя в главе «Сдвиги Пушкина в систематизированном виде» «иканье и за-ик-анье Евгения Онегина», «ичанье Онегина», «ужи и львы из Евгения Онегина», «итаканье» и мн. др. (Крученых, 1924, с. 29—48).

Между тем именно сдвиг, как показывает Крученых, неожиданно оказывается у Пушкина мощным семантическим генератором стиха: благодаря ему в пушкинских строках появляются «слова, измененные сдвигом», «сдвинувшиеся фразы», «незаконорожденные в тексте», наконец, неологизмы: *имало, читолух, жар, златагоры, дамухи, покаище, вчераище* и т. п. (Крученых, 1924, с. 45). Происходит значимое риторическое смещение: то, что сначала предстало как ошибки «глухого певца», становится правилом, сама ошибка оказывается «правилом нарушения правил» (об этой риторической технике у Крученых см. подробнее: Цвигун, 2011), семантическая девиация приобретает статус неологизма, а сдвиг переходит в область конструктивных поэтических приемов. В поэтических практиках Пушкина Крученых находит многочисленные подтверждения тезисам из «Сдвигологии...»: «Заумный язык всегда — сдвиговой язык! <...> Сдвиг насквозь пронизывает стих... он — одна из важнейших частей стиха. Он меняет слова, строки, звучание» (Крученых, 1922, с. 35—36).

«7 тысяч сдвигов Пушкина! Это еще раз доказывает, — подводит итоги Крученых, — что так называемый "ясный, чистый, честный реализм" в искусстве (в частности, у Пушкина) — одна фикция и 2 ½ недоразумения!» (Крученых, 1924, с. 61). Обличение Пушкина как поэта «классической ясности» оборачивается его утверждением как подлинного авангардиста своего времени, неправильно прочитанного и понятого на протяжении многих десятилетий: «...Вряд ли кто из поклонников Пушкина станет защищать его звуковые недосмотры... Гораздо лучше внимательно изучить и прислушаться к **новому Пушкину**, который открывается теперь (впервые!) перед нами! А мы услышим и увидим много нового и занимательного! <...> Может быть все эти сдви-

ги — лучшее, что есть у Пушкина, и из всего, им написанного, поэты будут ценить только эти словечки, а любимые строчки и стихи будут те, где сдвиги нарушают течение обычных фраз и звуковых рядов, дают странно звучащую речь... Так заумь победила еще раз и в самом неожиданном месте! Но тогда забудем о "мудрости Пушкина"!» (Крученых, 1924, с. 25–29).

Список литературы

- Григорьев В. П. Грамматика идиостиля. В. Хлебников. М., 1983.
- Жолковский А. К. *Сбросить или бросить?* // Новое лит. обозрение. 2009. №2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/2/sbrosit-ili-brosit.html> (дата обращения: 15.01.2020).
- Крученых А. К истории русского футуризма: Воспоминания и документы. М., 2006.
- Крученых А. Сдвигология русского стиха. Трахтат обижальный (трахтат обижальный и поучальный). М., 1922.
- Крученых А. Стихотворения, поэмы, романы, опера. СПб., 2001.
- Крученых А. 500 новых острот и каламбуров Пушкина. М., 1924.
- Липавский Л. Разговоры // Логос. 1993. №4. С. 7–75.
- Лифшиц Б. Полутораглазый стрелец // Лифшиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения. Переводы. Воспоминания. М., 1989. С. 309–546.
- Молок Ю. А. Пушкин в 1937 году. Материалы и исследования по иконографии. М., 2000. URL: <https://document.wikireading.ru/34033> (дата обращения: 15.01.2020).
- Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания. М., 1999.
- Рылева А. Игра в аду. О сравнительном изучении рисунков А. Пушкина к его незавершенному замыслу «Влюбленный бес» и К. Малевича ко второму изданию поэмы А. Крученых и В. Хлебникова «Игра в аду» (некоторые соображения к постановке проблемы) // Клаузура: Литературно-публицистический просветительский журнал. URL: <https://klauzura.ru/2019/01/igra-v-adu/> (дата обращения: 15.01.2020).
- Терентьев И. 17 ерундовых орудий. Тифлис, 1919.
- Хлебников : pro et contra : в 2 т. М., 2017. Т. 1.
- Цвигун Т. В. «Искусство ошибки» в русском авангардизме // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2011. №8. С. 155–158.

Об авторах

Татьяна Валентиновна Цвигун, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

Алексей Николаевич Черняков, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: achernyakov@kantiana.ru

Для цитирования:

Цвигун Т. В., Черняков А. Н. «Нам стоять почти что рядом...»: Пушкин как персональный миф русского авангарда // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 69–79. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-6.

PUSHKIN AS A PERSONAL MYTH OF THE RUSSIAN AVANT-GARDE

T. V. Tsvigun¹, A. N. Chernyakov¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on December 20, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-6

This article analyses strategies for cultural appropriation and the appropriation of Pushkin's personality and oeuvre by the Russian avant-garde. The treatment of Pushkin by the avant-garde is considered as a peculiar variant of cultural apophaticism when the object of reflection is asserted through its consistent negation. The factography of the Russian avant-garde proves that, from its earliest stages the creative system has been constructing its own Pushkin myth, within which the poet has the role of both an object of cultural overcoming and the reference point for the development of a new art. Through negation, the avant-garde strives to 'discharge' Pushkin and to show his strangeness to classical cultural models. By making the poet its own, the avant-garde uses him to secure its position in the literary field. Another focus of the article is the place and role of the Pushkin substrate in the poetry and theoretical treatises of Aleksei Kruchyonykh. In his works Pushkin is an object of poetical overcoming and a pole of attraction-repulsion. He is a touchstone, a reference point for the conceptualisation of a new literature. In developing his theory of the shift, Kruchyonykh views Pushkin as a 'sound-poet'. That analytical position made it possible to move from dismissing him as 'a deaf singer' to the avant-gardist glorification of Pushkin as a genius who worked with the sound texture of the poem. Kruchyonykh demonstrates that for Pushkin the shift is a powerful semantic generator of poetry, a tool that makes an error 'the rule of breaking rules': semantic deviations turn into neologisms, whereas the shift itself enters the realm of productive poetic techniques.

Keywords: Alexander Pushkin, Russian avant-garde, cultural appropriation, cultural myth, literary succession.

References

- Grigoryev, V.P., 1983. *Grammatika idiostilya. V. Khlebnikov* [The grammar of idio-style. V. Khlebnikov]. Moscow (in Russ.).
- Zholkovsky, A.K., 2009. Discard or quit? *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/2/sbrosit-ilibrosit.html> [Accessed 15 January 2020] (in Russ.).
- Kruchenykh, A., 2006. *K istorii russkogo futurizma: Vospominaniya i dokumenty* [Towards the History of Russian Futurism: Memoirs and Documents]. Moscow (in Russ.).
- Kruchenykh, A., 1922. *Sdvigologiya russkogo stikha. Traktat obizhal'nyi (traktat obizhal'nyi i pouchal'nyi)* [The shift of the Russian verse. The treatise is insulting (the treatise is insulting and instructive)]. Moscow (in Russ.).
- Kruchenykh, A., 2001. *Stikhotvoreniya, poemy, romany, opera* [Poetry, poems, novels, opera]. St. Petersburg (in Russ.).
- Kruchenykh, A., 1924. *500 novykh ostrot i kalamburov Pushkina* [500 new witticisms and puns of Pushkin]. Moscow (in Russ.).
- Lipavsky, L., 1993. Conversations. *Logos*, 4, pp. 7–75 (in Russ.).
- Lifshits, B., 1989. Half-eyed Sagittarius. In: B. Lifshits, ed. *Polutoraglazyyi strelets: Stikhotvoreniya. Perevody. Vospominaniya* [Half-eyed Sagittarius: Poems. Translations. Memories]. Moscow. pp. 309–546 (in Russ.).

Molok, Y. A., 2000. *Pushkin v 1937 godu. Materialy i issledovaniya po ikonografii* [Pushkin in 1937. Materials and research on iconography]. Moscow. Available at: <https://document.wikireading.ru/34033> [Accessed 15 January 2020] (in Russ.).

Terekhina, V. N. and Zimenkov, A. P., eds., 1999. *Russkii futurizm: Teoriya. Praktika. Kritika. Vospominaniya* [Russian Futurism: Theory. Practice. Criticism. Memories]. Moscow (in Russ.).

Ryleva, A., 2019. Game in hell. On a comparative study of the drawings by A. Pushkin to his unfinished plan "The Devil in Love" and K. Malevich to the second edition of the poem by A. Kruchenykh and V. Khlebnikov "The Game in Hell" (some considerations on the problem statement). *Kluzura: Literaturno-publitsisticheskii prosvetitel'skii zhurnal* [Clausura: Literary Journalism Enlightenment Magazine]. Available at: <https://kluzura.ru/2019/01/igra-v-adu/> [Accessed 15 January 2020] (in Russ.).

Terentyev, I., 1919. *17 nonsense guns* [17 erundovykh orudii]. Tiflis (in Russ.).

Tsvigun, T. V., 2011. "The Art of Mistake" in Russian Avant-Garde. *IKBFU's Vestnik. Ser. Philology, pedagogy, and psychology*, 8, pp. 155–158 (in Russ.).

The authors

Dr Tatyana V. Tsvigun, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

Dr Aleksey N. Chernyakov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: achernyakov@kantiana.ru

To cite this article:

Tsvigun, T. V., Chernyakov, A. N. 2020, Pushkin as a personal myth of the Russian avant-garde, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 69–79. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-6.

**«АЙ ДА ПУШКИН? ПУШКИН — ЭТО АЙДА!»:
О ПУШКИНСКОМ СЛОВЕ В ПОЭЗИИ ПЕРЕСТРОЙКИ**

О. И. Северская¹

¹ Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2
Поступила в редакцию 12.11.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-7

Статья посвящена обращениям поэтов эпохи перестройки к пушкинскому наследию как камертону в перенастройке поэтики. Цель исследования — показать, что интертекстуальные связи в этом случае формируют особый текст в тексте. Применяя корпусный, интертекстуальный и композиционно-речевой методы анализа к содержащим отсылки к Пушкину текстам Ю. Арабова, В. Друка, Т. Кибирова и некоторых других поэтов, автор приходит к выводу о том, что пушкинская поэзия воспринимается ими как некий лексикон, из единиц которого можно строить все новые и новые циклы стихотворных размышлений о мире, поэзии и роли поэта; текст-донор представляет собой «подстрочник» текста-реципиента; имплицитное «чужое» и эксплицитное «свое» слова сливаются в единый текст. Поэты перестройки наследуют у Пушкина полистилистику, пародийность в осмыслении культурных кодов и прецедентных текстов, принципиальную диалогичность. Особое внимание уделяется вариациям на тему пушкинского «Памятника» и символизму имени, переходящему в разряд нарицательных обозначений звания поэта вообще. Преобладание в отсылках к Пушкину аллюзий над цитатами, по мнению автора, говорит о желании поэтов перестройки вести с национальным гением диалог на равных. Пушкинский текст при этом становится для них точкой преломления смысловой перспективы как конкретного поэтического высказывания, так и всей поэзии в целом.

Ключевые слова: Пушкин, интертекстуальность, аллюзия, цитата, поэзия конца XX века, анализ поэтического текста.

Пушкин и его творчество — это и столп русской поэзии, и точка отсчета в поэтическом самоопределении¹. Как история современного русского литературного языка начинается с предложенной нашим национальным гением стилистической модернизации, так и претендующие на авангардность течения в поэзии так или иначе ориентируются на пушкинский слог. И либо яростно его отвергают, как В. Маяковский с поэтами «Гилеи»², либо творчески осмысливают, как А. Ахматов-

---

© Северская О. И., 2020

¹ «Пушкин — наше всё», — сказал еще в 1859 г. А. А. Григорьев: «Пушкин представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что останется нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужими, с другими мирами» (Григорьев, 1859).

² «Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина... и проч. и проч. с Парохода Современности» (Пощечина общественному вкусу, 1912, с. 3).

ва³ и М. Цветаева⁴. Поэзия 1980-х годов, сложившаяся и ставшая выражением «нового» в эпоху перестройки, не исключение. С одной стороны, в это время пушкинская поэтика ассоциируется с «тоталитарными ценностями», а «Пушкин превращается в совокупность принципиально “чужих” текстов, назначение которых — быть “объектами” для мастеров “дискурса”» (Непомнящий, 1998, с. 214). С другой — творчество Пушкина оказывается, по наблюдениям В. И. Новикова, созвучным поэтике постмодернизма — своими «взаимоперетеканиями автора и героя», «пародийной ревизией культурного наследия» и «полистилистикой, многоязычием в самом широком смысле слова» (Новиков, 1997, с. 31—32). И в текстах поэтов перестройки содержится немало подтверждений второй точки зрения: цитаты из Пушкина и аллюзии к его произведениям вписываются в тяготеющие к центону тексты отнюдь не «красным словцом».

Например, у Т. Кибирова в «Игорю Померанцеву. Летние размышления о судьбах изящной словесности» рядом стоят «пост-шик-модерн российский» и «французский зек, / воспетый Пушкиным». Тем самым в текст вводится отсылка к пушкинскому «Андрею Шенье», а через это — и к сформулированному Пушкиным вечному вопросу русской истории: *Где вольность и закон? и мечте о светлом будущем: И казней нет, и всем свобода, / И жив великий гражданин / Среди великого народа*, и к его размышлениям о поэтической судьбе: *Куда, куда завлек меня враждебный гений? <...> Ты, слово, звук пустой... / О, нет! / Умолкни, ропот малодушный! / Гордись и радуйся, поэт: / Ты не поник главой послушной / Перед позором наших лет...* (здесь и далее в цитатах курсив мой. — О. С.). И пушкинские слова Кибиров как бы «присваивает». Либо перефразирует, лексико-семантическим параллелизмом конструкций подчеркивая повторяемость ситуаций, связанных с поэтами и поэзией, ср.:

*Любезный друг, картина не нова:
дубравы мирный шум, дубровы шум широкий...
<...>
Но мысль ужасная здесь душу посещает!
Далекий друг, пойми, мой робкий дух смущает
инфляция! Товар, производимый
в восторгах сладостных, в тоске неизъяснимой,
рифмованных словес заветные столбцы
все падают в цене, и книгопродавцы
с поэтом разговор уже не затевают.
<...>*

³ А. А. Ахматова указывала на очевидность диалога Пушкина и с самим собой, и с чужим словом (Ахматова, 1990).

⁴ М. И. Цветаева, изложив свой опыт освоения и усвоения пушкинской поэзии в эссе «Мой Пушкин», оправдывала отказ от «пушкинского» как эталона: «Самоохрана творчества. Чтобы не умереть — иногда — нужно убить (прежде всего — в себе). <...> Крик не против Пушкина, а против его памятника» (Цветаева, 1981, с. 197—198).

*в наш железный
век
не платят СКВ за мирную цевницу.*
Т. Кибиров. «Летние размышления...»

*Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
<...>
Везде невежества убийственный позор...*
Пушкин. «Деревня»

Книгопродавец:
Стишки для вас одна забава...
<...>
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветренную моду,
Что ж изберете вы? —
Поэт:
Свободу.
Книгопродавец:
Прекрасно. Вот же вам совет.
Внемлите истине полезной:
Наш век — *торгаш*; в сей век *железный*
Без денег и свободы нет.

Пушкин. «Разговор книгопродавца с поэтом»

— и в подтексте остается речь пушкинского «книгопродавца», которую хотел бы слышать любой профессиональный литератор: *Стишки любимца муз и граций / Мы вмиг рублями заменим / И в пук наличных ассигнаций / Листочки ваши обратим.* И вместе с тем акцентируется тема инфляции творчества.

Соотносимые с помощью аллюзий выражения, на первый взгляд, обозначают один и тот же объект/свойство объекта и в тексте-доноре, и в тексте-реципиенте. В фокусе внимания оказываются не только *стихи* и *рифмы*, *поэт*, *книгопродавец*, *железный век*, но и *пустынный уголок* 'место уединения', *дубровы шум широкий* 'голос природы', а возможно, также и 'голос поэтического поколения', ср. у Пушкина:

*Теперь младая роца разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их, как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
По-прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда...*

<...>

Пройдет он мимо вас во мраке ночи

И обо мне вспомнит

Пушкин. «Вновь я посетил...»

Однако общему денотативному представлению об объекте/его свойствах в каждом из соотносимых фрагментов текстов соответствуют различные референтные характеристики: если у Пушкина уединение от суеты есть путь к ощущению в себе голоса мироздания, «божественного глагола», то у Кибирова уединение в «пустынном уголке» связывается с отсутствием вдохновения, которое еще более заметно «вдали от шума городского», в сравнении с гармонией природы; пушкинский «железный век» предполагает все же востребованность поэта читателем, в кибировском «железном веке» поэт сам становится «книгопродавцем», но рукопись не продается, а вдохновение нельзя купить. При этом некогда «младое, незнакомое» поэтическое племя современников Кибирова, вступив в «могучий поздний возраст», в тексте-реципиенте недвусмысленно представлено наследниками пушкинской поэзии и понимания роли поэта Пушкиным.

Можно процитировать и И. Жданова, который вступает в диалог с Пушкиным, к примеру, в стихотворении «Бар»: *Отечество – ночь и застолье, а все остальное – чужбина, «отзеркаливая» пушкинские строки:*

*Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.*

<...>

*Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село*

Пушкин. «19 октября. Роняет лес багряный свой убор...»

и «протягивая руку» великому предшественнику с помощью цитаты, как бы давая ему почувствовать себя в кругу друзей.

В. Салимон иронизирует по поводу обывательского подхода к пушкинскому наследию: – *Стой, кто идет? – Стою, приятель! – И вижу: верно – обыватель. Какой-то Пушкин, коль не врет.* И, вслед за Пушкиным, позволяет себе разрушающую автоматизм восприятия «пародийную ревизию» пушкинского стиха через ритмическую и смысловую аллюзию: *На островке вечнозеленом, / срамное место кое-как / прикрыв ладошкой, муж ученый / лежит под солнцем / сир и наг...* Здесь намек и на «место под солнцем» и «горе от ума», и – через отсылку к пушкинскому ученому коту у Лукоморья – на то, что ученый муж – гуляка, а

жизнь его похожа на замкнутый круг. Такое же травестирирование пушкинских строк можно найти и у Ю. Арабова в «Школе»: *На холмах Грузии – грузины в неглиже. Я б там гулял, да нет меня уже* (ср. у Пушкина: *На холмах Грузии лежит ночная мгла... <...> И сердце вновь горит и любит...*). Переосмысление пушкинской цитаты позволяет Арабову сделать двусмысленным выражение «Я б там гулял»: *гулять* употребляется и в значении ‘совершать прогулку’, и в значении ‘кутить, веселиться, быть с кем-либо в близких любовных отношениях’, а предцирование высказыванию «Я б там гулял, да нет меня уже» пушкинских смыслов заставляет приписать компоненту *нет меня* значения ‘утрата себя вследствие поглощенности другим человеком (любимой или Пушкиным)’ и ‘утрата способности чувствовать’. Арабов в предложенных Пушкиным обстоятельствах ведет себя не по-пушкински, а как наследник Маяковского – для него буквальное следование пушкинским поэтическим принципам ведет к утрате творческого «я». В «Школе» Арабов «присваивает» себе и другую пушкинскую строчку, которую тут же продолжает в ином стилистическом ключе: *Друзья мои, прекрасен наш союз! Описывать его я не берусь, коль уж давно не ботаю по фене...* (ср. у Пушкина: *Друзья мои, прекрасен наш союз! Он, как душа, неразделим и вечен...*). А в стихотворении «Автостоп» травестирует образ пушкинской Татьяны, отправляя ее «голосовать» на обочину дороги: *Кто там в малиновом берете / да с яблоневым черенком?* – и «присваивает» себе вопрос Онегина, а вместе с ним – представление о себе как о «лишнем» человеке, находящемся на обочине жизни, и устанавливает с Пушкиным связь, перефразируя в стихах поговорку «Яблоко от яблони недалеко падает».

Приведенные примеры взаимодействия с пушкинским наследием подтверждают верность наблюдений В. Непомнящего: с одной стороны, Пушкин «предлагает» литературе множество «готовых» фрагментов, с другой – такая фрагментарность делает возможной подмену точки зрения точкой обзора, поскольку фрагмент (а вместе с ним и описываемый им предмет) оказывается помещенным в контекст и перспективу идеологии исследователя (Непомнящий, 1998, с. 200). При этом каждый фрагмент содержит «логос целостной пушкинской картины мира» и одновременно является элементом некоего «алфавита», куда запустив руку, «можно порой зачерпнуть новый, не ведомый никому еще “цикл”, который заключает в себе новое, неожиданное, может быть, парадоксальное, но непременно содержащее пушкинский логос единство» (Там же, с. 204–205). Способствует обмену смыслами и принципиальная диалогичность пушкинского контекста, где диалог ведется между «Александром Сергеевичем» и данным ему гением, между «я» натуральным и «я» идеальным, а «конечный “адрес” есть идеальное “я” каждого» (Там же, с. 207)⁵.

---

⁵ Ср. ответ одного из главных пушкинистов эпохи перестройки А. Битова на вопрос журналиста «Если сейчас... вышел бы сам поэт, что бы Вы ему сказали?»: «Мы обнялись» (цит. по: Гуга, 2018).

«Заигрывание» поэтов перестройки с Пушкиным становится и их ответной репликой в этом воображаемом диалоге, и способом указать на солидарность с Абрамом Терцем, который в своих «Прогулках с Пушкиным» писал: «Читателю предоставлено право думать что угодно, заполняя догадками образовавшиеся пустоты, блуждая в несообразностях», совершая «прогулки» с Пушкиным по тем «дорогам» и «тропинкам», которые ему близки, осваивая пустоту-содержание и усваивая болтовню как осознанный стиль поэта (Терц (Синявский), 2005). Если Н. Искренко в «Мы пели танцевали...» просто пишет: *Мы к Пушкину пошли... и легкие на зависть / взлетели до небес / по миру разошлись / рассыпались / распались*, то В. Друк использует аллюзию к философии Абрама Терца, создавая стереопоэму «Прогулки с Хаосом», где замечает: *Ткань стиха, ткань текста – метки, значки / ориентиры, опоры – тропинки в долине...*

А. Битов, пожалуй, выражает общее мнение литераторов конца XX века, когда говорит об ощущении Пушкина современником и восприятии Пушкина как единого текста: «...в случае гения идея единого текста срабатывает» (цит. по: Шевелев, 2005). При этом он выделяет и то, что оказывается в пушкинском тексте привлекательным для постмодернистов: «Грань гармонии. Игра. Риск» (Там же)⁶, подчеркивая: «Надо опираться на то, что он написал, а не на то, что из него сделали» (Там же).

А восприятие самого Пушкина сквозь призму битовского прочтения удачно формулирует поэт М. Поздняев: «повертели ручку Пушкина-шарманки» и приходит к выводу, что Пушкин — это джаз (Поздняев, 1998, с. 10). По его словам, когда, работая с пушкинским текстом, поэт «шаманит, прилаживает слово к слову — так, что ли? а может, вот так?», он «возвращает холодноватым хрестоматийным текстам обаяние новорожденности» (Там же): «Убеждает нас в том, что, какие бы мы ни сооружали мыслимые и немыслимые памятники Пушкину — собственный нерукотворный его памятник нам не переплюнуть. Потому что этот его памятник — не окончательный, беловой, проясненный текст, но черновой, петляющий и запинаящийся путь к нему. То есть жизнь. То есть джаз. То есть непостижимое детское творчество, которое для детей, при всем эффекте результата, — всего лишь игра» (Там же). Сам Поздняев пишет свой «Ехеги monumentum», в котором ключевой становится будто подслушанная у Пушкина строка: «Вы поверьте мне, если кто из вас меня помнит», которую поэт адресует читателю от первого лица.

Обращения к пушкинскому «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...» соотносят между собой многие тексты конца XX века. В частности, вариации на тему «памятника» и «памяти» Ю. Арабова, В. Друка и Т. Кибирова.

⁶ А. Битов оправдывает этими принципами пушкинской поэтики и пародийность ее осмысления: «Настоящее послесловие ко всему Пушкину написал не кто иной, как Козьма Прутков. Стоило Пушкину помереть, как Алексей Константинович Толстой тут же выдал эпиграмму на него. <...> Чувство юмора — это возможность свободы, которая была объявлена Пушкиным» (цит. по: Шевелев, 2018).

Кибиров, на первый взгляд, просто иронизирует над пушкинским пафосом, ссылаясь в «Двадцати сонетах к Саше Заповоевой» не только на «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» Пушкина, но и на «Элегию» Некрасова, который в свою очередь вступал с гением в диалог: *Я лиру посвятил сюсюканью. Оно / мне кажется единственно возможной / и адекватной (хоть безумно сложной) / методой творческой.* <...> А концептуалист, / чьи тексты читит всяк суущий здесь славист, плечами сокрушенно пожимает. Смысл травестирования некрасовских строк (ср.: *Я лиру посвятил народу своему. Быть может, я умру неведомый ему, Но я ему служил — и сердцем я спокоен...*) проясняется словарным значением глагола *сюсюкать* 'подделываться под уровень развития, образ мышления, язык и т.п. ребенка / обращаться с кем-л., как с маленьким ребенком, не способным отвечать за свои действия, мелочно опекать, потворствовать'. Здесь и представление о поэте, потворствующем «впавшему в детство» народу, и намек на философствования о русском народе как о «народе-ребенке», и даже аллюзия к Писанию, где сказано: «Если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 1–4). Пушкинская же «известность» всем языкам и народам представлена как «концепт», границы ее сужаются — от мировых до узких кругов академической славистики.

У Арабова в «Зачем костяшки ты пустил на клавишн...» находим:

*Мы монумент такой нерукотворный
могли б воздвигнуть, что, умри, Денис!
Поднялся б выше он главою, чем абрис
Ивана... Пусть не монумент, — коровник,
а то пойдет расталкивать локтями
тунгуса — фини, а финна — латинянин.
<...>*

*И на фонтан поставим не Тритона,
а сына его — быстрого Невтона.*

<...>

*И тут смолкают русские глаголы,
и только лик угодника Николы
из разночинцев.*

На первом плане, безусловно, для Арабова — «памятник» Пушкина: цитаты из него почти буквальны.

В паре «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» и «Мы монумент такой нерукотворный могли б воздвигнуть...» факт свершившийся, безусловный противопоставляется возможному при определенных условиях, актуальное положение дел — виртуальному.

Сопоставлением строк «Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа» и «Поднялся б выше он главою, чем абрис Ивана...» делается намек на противостояние петербургской и московской школ поэзии, противопоставление высокого поэтического стиля — нейтральному⁷.

⁷ Ср. у А. Еременко в «Штурме Зимнего»: *Горит восток зарею новой. У Александрийского столпа осталовилася толпа. Я встал и закурил по новой.*

Однако в тексте присутствуют и аллюзии к Горацию (появляются *монумент* вместо *памятника*, *латинянин* в пушкинской «семье народов») и к Ломоносову, переложением Горация открывшему в русской поэзии традицию «памятников» в стихах⁸ (струи реки, текущей с родины Горация, бьют из фонтана, который Арабов венчает ломоносовским «быстрым Невтоном»), а через Пушкина — и к Державину⁹.

Обращает на себя внимание отождествление *монумента* с *коровником*. Если вспомнить, что *корова* — это *жвачное парнокопытное*, то придется со «жвачкой» отождествить слово: *Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, / И назовет меня всяк сущий в ней язык, —* пишет Пушкин. Арабов же видит потерю смысла в бесконечных «пережевываниях» пушкинского слова языком, превращения его в «жвачку» — аморфную словесную массу, в которой *смолкают русские глаголы*. Так Арабов трактует тему поэта и толпы, пастыря и паствы, с помощью аллюзии указывая на пушкинское «Свободы сеятель пустынный...» (*Паситесь, мирные народы! / Вас не разбудит чести клич. / К чему стадам дары свободы? / Их должно резать или стричь. / Наследство их из рода в роды / Ярмо с гремушками да бич*) и его рефлекс в «памятнике» (*И долго тем любезен буду я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в мой жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал*). Если *народ* — *стадо*, то *поэт* — не *пастырь*, а *пастух*, а слово его — не более, чем «гремушка». Объединяясь, «свое» и «чужое» слово образуют «текст в тексте»: *Пусть не монумент, — коровник / (К чему стадам дары свободы?), / К нему не зарастет народная тропа*. А от пушкинского «сеятеля» в тексте Арабова ведет аллюзивная тропка к «угоднику Николе из разночинцев» — Некрасову: *Сеятель знания на ниву народную! / Почву ты, что ли, находишь бесплодную, / Худы ль твои семена? <...> Сейте разумное, доброе, вечное, / Сейте! Спасибо вам скажет сердечное / Русский народ... —* и к его «памятнику».

Тему «монумента-коровника» неожиданно продолжает стихотворение Арабова «Свинарник»: *Я допущен к кормушке, / несмотря на стихи. / Из нее пил Державин и Пушкин / и хлебали другие*. Обращаясь уже к стилистике Маяковского, Арабов завершает свой «разговор с читателем о поэзии» довольно горьким замечанием: *Корыто — беспроволочный телеграф, / но телеграф деревянный. / Когда в правом крыле начинают хлебать, / то в левом строчат эпиграммы. / В нем можно плавать, как в плоскодонке. / Грызутся кормчие у руля. / В отсутствие верлибра / и винтовки, / я обращаюсь к вам, товарищи подонки¹⁰, / как живой с живыми говоря*.

⁸ У Ломоносова: *Я знак бессмертия себе воздвигнул / Превыше пирамид и крепче меди... <...> Я буду возрастать повсюду славой, / Пока великий Рим владеет светом, / Где быстрыми шумит струями Авфид...*

⁹ Здесь явных отсылок к Державину нет, но в «Заклинании комара» Арабова, например, присутствуют рассуждения о значимости державинской традиции в «переливании» поэтической крови.

¹⁰ Здесь слово употребляется, по-видимому, в значении, зафиксированном Далем, — *подонки* 'осадок, гуща, то, что осело на дно, выделившись из мутной жидкости'. И явно прослеживается параллель с «Во весь голос» Маяковского с его рассуждениями о словесности и построенном в боях «общем памятнике».

«Памятник Пушкина есть памятник черной крови, влившейся в белую, памятник слияния кровей... смешения народных душ — самых далеких и как будто бы — самых неслиянных», — писала М. И. Цветаева (Цветаева, 1981, с. 23). Тема высшей народности в «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» Пушкина, как и в «памятниках» поэтов перестройки — одна из главных.

У Арабова в «пушкинской семье народов» оказываются *латинянин, тунгус, финн, гордый внук славян*, — по всей вероятности, последний и является автором текста, обращенного к оставшемуся за пределами пушкинской языковой семьи *немчуре* (вспомним в этой связи, что *немец* этимологически — это человек *немой*, не умеющий говорить, не владеющий языком).

У Друка в стихотворении «Памятники» — иные «национальные герои»: *калмык забыл, что он калмык, / еврей забыл, что он еврей. <...> пускай им / обищим / памятником / будет / построенный в боях... / О! / Этот ТЕАТР ДРУЖБЫ НАРОДОВ! / Где все мы — актеры... Калмык, как и еврей, у Друка — «советский человек», родства не помнящий. «Всяк сущий язык» заменяется одним — советским. Отсюда помноженная на *развитой социализм* (клише эпохи застоя) апелляция к «сбросившему Пушкина с корабля современности» Маяковскому (ср.: *нам обищим памятником будет построенный в боях социализм*) и отсылка к реально существующему в Москве объекту — *Театру дружбы народов*, который, благодаря актуализации значения слова *театр* 'неестественные, неискренние, показные чувства', становится символом притворства, театральности, в противовес *чувствам добрым*, пробуждаемым в народе пушкинской лирой¹¹.*

Реалии советского времени, сопряженные со словом *памятник*, вводятся в текст через пушкинские цитаты:

здесь *сталин* очень честно правил
пока не в шутку занемог
он уважать себя заставил
и лучше выдумать не мог
и *брежнев* очень честно правил
пока не в шутку занемог
он уважать себя не мог
и лучше выдумать заставил
и я не знаю про *хрущева*
и я не знаю про *других*
кто памятник себе хотел бы...
а ведь могли чего еще бы...¹²

¹¹ Подразумевается и *театр* 'территория, на которой ведутся военные действия': строчки здесь *Карабах! здесь леший бродит! / и на ветвях сидит шиит*, отсылающие к пушкинскому сказочному Лукоморью, содержат в подтексте звуковую рифму *Карабах — Карабас-Барабас* 'директор кукольного театра, жестокий руководитель труппы', заставляющего думать о незримом кукловоде в театре межнациональных конфликтов.

¹² Ср. у В. Друка в «Дневниках прошлого года»: *Твой дядя с. ч. п. А мой — не в шутку. Твой — ув. А твой? ТЕКСТ может быть прочитан только ТЕКСТОМ.*

Друк здесь использует омонимию форм (*честно правил* – *честных правил*), чтобы соотнести свой текст с началом «Евгения Онегина» Пушкина и акцентировать внимание на «положительном примере» *честного* старичка (ср. у Пушкина: *Его пример другим наука*). Пушкинские строки распадаются на блоки, из которых Друк строит и «памятник вождю», и «бюст на родине героя» и одновременно составляет новую «энциклопедию русской жизни».

Продолжение пушкинской темы мы находим в стихотворении Друка «Иосиф Виссарионович Пушкин»¹³. Заглавие поражает своей «окусоморонностью»: Пушкин, автор оды «Вольность», стихов в поддержку декабристов, признанный «певец свободы», получает имя и отчество тирана из тиранов, автора ГУЛАГа, считавшегося, впрочем, «отцом народов». Возникает и другая ассоциация: Пушкин – *Виссарионович* по Белинскому. Не исключена и отсылка к мифу об *Иосифе* и его братьях¹⁴.

Прежде всего Пушкин у Друка един по многим лицам. Это и сам Александр Сергеевич (в этом случае сохраняется написание фамилии с заглавной буквы – *айда, Пушкин!*), и Пушкин как поэт (здесь фамилия пишется уже со строчной буквы, но сохраняются указания на факты биографии Пушкина – *ай-да пушкин! ай-да сукин сын!*) и как мерило поэзии, и поэтическое «звание» (*а ты пушкин? нет, я не пушкин <...> я сукин сын / и пушкин сукин сын нет, пушкин это / ай-да сукин сын*).

Значимой признается оппозиция «пушкин – не пушкин – лжепушкин». В одном ряду с Пушкиным стоят «настоящие поэты»: *лермонтов* – *это пушкин вчера / державин* – *это пушкин позавчера <...> и маяковский* – *пушкин / и ходасевич* – *пушкин*; в этом ряду оказываются поэт-Друк¹⁵ и его друзья-поэты: *я* – *это пушкин завтра / ты* – *это пушкин послезавтра / мы* – *это пушкин послепослезавтра*. По отношению к Кушнеру, «продолжателю пушкинских традиций в наши дни», впрочем, звучит легкая ирония (*а пушкин* – *это кушнер*), подчеркнутая паронимической аттракцией (*пушк-ин/куш-нер*, в данном случае ‘продолжать традиции Пушкина’ значит ‘сорвать куш’). Упоминаются и «лжепушкины»: *егор исаев* – *это пушкин сегодня <...> даже куняев* – *и то пушкин...* Противопоставление «лжепоэтов» поэтам «настоящим» также подчеркивается паронимической аттракцией (*куняев/кушнер*, у послед-

¹³ С отсылкой к «Реплике в дискуссии о Сталине» Ю. Арапова (*мне Сталин надоел, как ямб картавый...*) и некоторым другим его стихотворениям.

¹⁴ Иосиф – старший сын патриарха Иакова, особо отличаемый отцом: «Пася стада своего отца вместе со своими братьями и видя иногда легкомысленное их поведение, Иосиф непременно доводил это до сведения отца. За это и за предпочтение, оказываемое отцом Иосифу перед прочими детьми, братья возненавидели его» (Библейская энциклопедия, 1990, с. 363). Ср. также значимую для Ю. Арапова цитату из кн. А. В. Трубецкого: «Надо признаться, при всем уважении к высокому таланту Пушкина, это был характер невыносимый. Он как будто боялся, что его мало уважают, недостаточно почета оказывают; мы, конечно, боготворили его музу, а он считал, что мы мало перед ним преклоняемся» (Арабов, 1997, с. 52).

¹⁵ Ср. также у Друка в «Ваньке-встаньке»: *я не пушкин по пиит*.

него «пушкинского звучания» все-таки больше). Сравнение же *егор исаев* – это пушкин сегодня явно соотносится с клише советского «новояза»: *Сталин – это Ленин сегодня*¹⁶. В этом контексте *егор исаев* и есть *иосиф виссарионович пушкин*, «самозванец», претендующий на пушкинский поэтический «трон». Эта семантическая параллель и слова «ай-да пушкин! ай-да сукин сын!» служат аллюзией, активизирующей в читательской памяти текст пушкинского «Бориса Годунова».

Пушкину-персонажу в этой трагедии принадлежит реплика:

Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на колу кровавом, всенародно,
Мы не поем канонов Иисусу,
Что нас не жгут на площади, а царь
Своим жезлом не подгребает углей?
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там – в глуши голодна смерть иль петля.
Знатнейшие меж нами роды – где?
Где... отечества надежда?
Заточены, замучены в изгнание.
Дай срок: тебе такая ж будет участь.

В аллюзии¹⁷ «прочитывается» намек на судьбу поэта при Ленине и Сталине, к примеру на расстрел Гумилева, на конец дней Мандельштама. Смысл пушкинской реплики предидируется фрагменту текста, напоминающему допрос: *а ты пушкин? нет, я не пушкин <...> а кто ты? я сукин сын...* Но Друк обращается не только к каноническому тексту трагедии, аллюзия отсылает нас и к черновикам, где мы находим диалог Пушкина и Хрущева у трона Самозванца: *Самозванец. <...> И я люблю парнасские цветы (читает про себя). Хрущов (тихо Пушкину). Кто сей? Пушкин. Пишет. Хрущов. Какое ж это званье? Пушкин. Как бы сказать? По-русски – *виришенисец*, / *Иль скоморох*. Самозванец. Прекрасные стихи. За счет предикации пушкинских смыслов в текст вводится мысль: «пушкинское» в поэзии определяется «лжепушкинскими».*

Другое произведение Пушкина, определяющее подтекст стихотворения Друка, – это трагедия «Моцарт и Сальери»: *может, я все-таки пушкин, хотя не гений*¹⁸ / *не гений – не гений – не гений – я / да, ты*

¹⁶ Можно вспомнить и отрывок из «пьесы» того же Друка: *Сталин (громко). Я Ленин! / Ленин (твердо). Ты не Ленин, ты – Сталин! / Сталин (упрямо). Нет, я Ленин.*

¹⁷ Ср. почти точные цитаты в «В масштабе женщин и мужчин» Друка: *Что пользы в том... Что на колу кровавом, всенародно, / Мы не поем канонов Иисусу... <...> Заточены, замучены в изгнание. <...> Все языки, готовые продать и Мысль изреченная есть кровь / запекаясь в штамп гослита.*

¹⁸ Ю. Арабов в «Механике судеб», где он отсылает нас к прошлому веку, пишет: «О гениальности Пушкина в те годы не догадывался никто, включая Вяземского и Баратынского» (1997, с. 56), но «гений от негения отличается как раз тем, что первый может в иные минуты чувствовать свою судьбу, прозревать далекие последствия, таящиеся в будущем, от действий, произведенных в полузабытом прошлом» (Там же, с. 30).

злодейство <...> может, я все-таки пушкин хотя *злодейство*? С одной стороны, субъект речи отождествляет себя с пушкинским героем в поле пушкинской поэзии (семантический параллелизм обусловлен сходством звучаний: *не гений — Евгений* из «Медного всадника» и *Евгений Онегин*). С другой — незримый цензор видит в нем не Моцарта, а Сальери (он *не гений*, а *гений и злодейство — две вещи несовместные*, если верить Пушкину). Аллюзия к гению Моцарта и злодейству Сальери активизирует в памяти читателя еще два фрагмента пушкинской трагедии. В первом речь идет о Моцарте: *Что пользы, если Моцарт будет жив / И новой высоты еще достигнет? / Подымет ли он тем искусство? Нет; / Оно падет опять, как он исчезнет: / Наследника нам не оставит он*. Во втором — о «гении», моцартовском начале поэзии, в противопоставлении «злодейству», ремесленничеству: *Ремесло / Поставил я подножием искусству; / Я сделался ремесленник: перстам / Придал послушную, сухую беглость / И верность уху. Звуки умертвив, / Музыку я разъял, как труп. Поверил / Я алгеброй гармонию*. Если принять во внимание тот факт, что «наследников» Пушкина и Моцарта, новое поколение поэтов России критики обвиняли именно в излишнем пристрастии к «кунштюкам», в паразитировании на «чужом» слове, то становится понятным обращение Друка к Грибоедову (*может, я грибоедов?*): во-первых, как и Пушкин, Грибоедов — *Александр Сергеевич*, во-вторых, именно он первым обратил внимание на феномен «горя от ума» — кажущейся «зауми», искажающей первоначальный смысл.

Теме «двух гениев» Друк сопоставляет тему «двух злодейств»: *...я сукин сын / и пушкин сукин сын нет, пушкин это / ай-да сукин сын*. Пушкин выводится за рамки «злодейств»: злодейство цензуры вершится не им, а от его имени. В тексте рядом с именем Пушкина появляются клише советского времени: *пушкин — тот кто не с нами тот против нас* (высказывание содержит несколько пропозиций: «Пушкин — не с нами», «Пушкин — против нас», «Пушкин говорит: тот, кто не с нами, тот против нас», так с образом «Пушкина» ассоциируются образы и «врага народа», и «отца народов», Сальери, решающего, жить ли Моцарту, *пушкин там где нас нет* (здесь «упакованы» две пропозиции: «Пушкин — хорошо», «Хорошо там, где нас нет, так подчеркивается поляризация «пушкинской» и «непушкинской» традиции и соответствующего «качества» поэзии). Здесь (имея в виду посвящение Друком этого текста Арабову) уместно будет перефразировать цитату из «Реплики в дискуссии о Сталине» Арабова: *Мне Сталин надоел, как ямб картавый*, что в данном контексте могло бы прозвучать как *Мне Пушкин надоел, как ямб картавый* (продолжим словами Пушкина: *им пишет всякий...*), напомним также вывод «Реплики...»: *Бесполезно мыкаться или биться. / Поскольку Сталин — это ты сам. / И выход единственный — самоубийство*, и опять же заменить *Сталина* на *Пушкина*. «Пушкинское» как основание «все сравнивающего» сравнения отвергается, отношение к пушкинской традиции определяется внутри самой поэзии, внутренней цензурой: каждый поэт — сам себе «Иосиф Виссарионович Пушкин».

Цензорам, берущим на себя роль следователей и судей и использующим пушкинский «глагол, жгущий сердца», «угль пылающий» для

разжигания костров из книг неугодных авторов¹⁹, адресованы следующие строки Друка: *а пушкин не отвечает / а пушкин за вас отвечать не будет / пушкин за отца не отвечает!* <...> *пушкин, сукин сын / за отца-суку / не отвечает!* (здесь присутствуют вариации на темы: *Кто отвечать будет? Пушкин?* и *Сын за отца не ответчик*, ср. также в «Борисе Годунове» Пушкина: *(Один из народа): Отец был злодей, а детки невинны...*). Не исключено, что предикативные отношения связывают текст Друка и один из текстов Пушкина, содержащий строки: *За меня не будете в ответе, / Можете пока спокойно спать. / Сила – право, только ваши дети / За меня вас будут проклинять*²⁰.

Итак, Пушкин – не ответчик за дела тех, кто вершит судьбы поэтов «от его имени», *пушкин это айда!* Употребляя междометие *айда* со значением ‘пойдем вместе, в одном направлении’, Друк завершает разговор о Поэте и поэтах, о направлениях развития русской поэзии.

Таким образом, пушкинские аллюзии и цитаты в поэзии перестройки используются как средство создания подтекста преимущественно (если не исключительно) в тех случаях, когда речь идет о поэте и его судьбе, о поэте и поэзии, о поэтической традиции²¹. Слово Пушкина становится знаком сходства описываемых текстом-источником и текстом-реципиентом «положений дел». Аллюзия используется чаще, чем цитата, что объясняется желанием поддерживать с Пушкиным диалог «на равных», при этом заложенные Пушкиным смыслы, предсказуемые заимствующему их тексту, создают «текст о тексте». Но и сами пушкинские строки приобретают в контексте цитирования новое звучание, соотносясь с реалиями текущего дня.

Список литературы

Арабов Ю. Н. Механика судеб. М., 1997.

Ахматова А. А. О Пушкине // Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2 : Проза. С. 109–126.

Библейская энциклопедия. Репринтное издание. М., 1990.

Григорьев А. А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая. Пушкин. – Грибоедов. – Гоголь. – Лермонтов. 1859. URL: https://licey.net/free/16-kritika_proizvedenii_literatury_obschie_voprosy_otnosheniya_k_literature/59-russkaya_literaturnaya_kritika_xix_veka_hrestomatiya_literaturno_kriticheskikh_materialov/stages/2319-vzglyad_na_russkuyu_literaturu_so_smerti_pushkina_statya_pervaya_pushkin_griboedov_gogol_lermontov.html (дата обращения: 15.12.2019).

¹⁹ Этот смысловой оттенок присутствует в вызванной аллюзией к пушкинскому «Борису Годунову» реплике Пушкина-персонажа: *Что пользы в том... что нас не жгут на площади, а царь / Своим жезлом не подгребают углей?*

²⁰ Пушкинское слово как ответ критикам использует и Арабов в «Заклинании комара» – с одной стороны, пародии на «На смерть поэта» Лермонтова, с другой – диалоге с Пушкиным, который в «Совете» сравнивал с комарами назойливых критиков: *Никак нельзя смирить их род упрямый. / Сердиться грех – но заманись и вдруг / Прихлопни их проворной эпиграммой* и представлял читателям свое «Собрание насекомых»: *Опрятно, за стеклом и в рамах, / Они, пронзенные насквозь, / Рядком торчат на эпиграммах.*

²¹ Об этом говорят и наблюдения Л. П. Егоровой над пушкинскими реминисценциями в поэзии Д. А. Пригова (Егорова, 1999) и исследование трансформаций пушкинского мифа М. А. Черняк (Черняк, 1999).

Гуга В. Андрей Битов написал новую книгу о Пушкине // Труд, 2018. 9 февр. URL: http://www.trud.ru/article/10-02-2018/1359157_andrej_bitov_napisal_novuju_knigu_o_pushkine.html (дата обращения: 15.12.2019).

Егорова Л. П. Пушкиниана Д. А. Пригова // А. С. Пушкин и мировая культура : матер. Междунар. науч. конф. М., 1999.

Непомнящий В. Феномен Пушкина в свете очевидностей // Новый мир. 1998. №6. С. 190 – 215.

Поздняев М. «Пушкин-джаз» // Огонек. 1998. №47. С. 10.

Пощечина общественному вкусу. М., 1912.

Терц А. (Синяевский А.). Прогулки с Пушкиным. М., 2005. URL: https://imwer.den.de/pdf/abram_terz_progulki_s_pushkinym_2005_text (дата обращения: 15.12.2019).

Цветаева М. И. Мой Пушкин. М., 1981.

Черняк М. А. «К Пушкину, господя! – К Пушкину снова!..» (Трансформация пушкинского мифа в прозе конца XX века) // А. С. Пушкин и мировая культура : матер. Междунар. науч. конф. М., 1999. С. 88 – 90.

Шевелев И. Трагедия о рыбаке и рыбке. Андрей Битов о кризисах Пушкина, теории относительности и всесоюзной переписи царей // Российская газета. 5 апр. 2005. URL: <https://rg.ru/2005/04/05/a59424.html> (дата обращения: 15.12.2019).

Список источников

Арабов Ю. Простая жизнь. М. : Мос. рабочий, 1991.

Друк В. Коммутатор. М. : ИМА-Пресс, 1991.

Еременко А. Горизонтальная страна. СПб. : Пушкинский фонд, 1999.

Жданов И. Место земли. М. : Мол. гвардия, 1991.

Искренко Н. Интерпретация момента. М. : Арго-Риск, 1996.

Кибиров Т. Парафразис. СПб. : Пушкинский фонд, 1997.

Об авторе

Ольга Игоревна Северская, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия.

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Для цитирования:

Северская О. И. «Ай да Пушкин? Пушкин – это айда!»: о пушкинском слове в поэзии перестройки // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 80 – 95. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-7.

ON THE PUSHKIN TEXT IN THE POETRY OF PERESTROIKA

O. I. Severskaya¹

¹ Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences, Russia
Submitted on November 12, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-7

This article is devoted to Perestroika poets referring to the Pushkin text as a 'tuning fork' in reconfiguring poetics. The study aims to show that, in this case, intertextual connection create a special text-within-a-text. The corpus, intertextual, and compositional methods are

used to analyse Pushkin-invoking texts by Yuri Arabov, Vladimir Druk, Timur Kibirov, and other poets. It is concluded that these authors perceive Pushkin's poetry as a lexicon whose units can be used for building countless cycles of poetic reflections on the world as well as on poetry and the role of the poet. The donor text is an interlinear gloss for the recipient text. The implicit 'alien' and the explicit 'own' words merge into a single text. Perestroika poets inherit from Pushkin polystylism, a propensity to parody when analysing cultural codes and precedent texts, and fundamental dialogicity. Particular attention is paid to variations on the theme of Pushkin's 'Monument' as well as the symbolism of his name, which turned into somewhat of a common noun used to refer to any poet. The predominance of allusions to quotes in references to Pushkin points to the desire of perestroika poets engage in an equal dialogue with the national genius. At the same time, the Pushkin text becomes for them the point at which the semantic perspective of both a concrete poetic utterance and poetry as a whole is refracted.

Keywords: Pushkin, intertextuality, allusion, quote, 20th-century poetry, poetic text analysis.

References

- Arabov, Y. N., 1997. *Mekhanika sudeb* [The mechanics of Fate]. Moscow (in Russ.).
- Akhmatova, A. A., 1990. About Pushkin. In: A. A. Akhmatova, ed. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Vol. 2. Moscow. pp. 109 – 126 (in Russ.).
- Guga, V., 2018. Andrey Bitov wrote a new book about Pushkin. *Trud* [Work]. Available at: http://www.trud.ru/article/10-02-2018/1359157_andrej_bitov_napisal_novuju_knigu_o_pushkine.html [Accessed 15 December 2019] (in Russ.).
- Egorova, L. P., 1999. D. A. Prigov's Pushkiniana. In: Y. A. Muravyov, ed. *A. S. Pushkin i mirovaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [A. S. Pushkin and world culture. Materials of the international conference]. Moscow (in Russ.).
- Nepomnyashchiy, V., 1998. The phenomenon of Pushkin in the light of evidence. *Novy mir* [New World], 6, pp. 190 – 215 (in Russ.).
- Pozdnyayev, M., 1998. «Pushkin Jazz». *Ogonek* [Twinkle], 47, p. 10 (in Russ.).
- Kuzmin, L. G., ed., 1912. *Poshchechina obshchestvennomu vkusu* [A slap in the face of public taste]. Moscow (in Russ.).
- Terts, A., 2005. *Progulki s Pushkinym* [Walking with Pushkin]. Moscow. Available at: <https://e-libra.ru/read/398684-progulki-s-pushkinym.html> [Accessed 15 December 2019] (in Russ.).
- Tsvetayeva, M. I., 1981. *Moi Pushkin* [My Pushkin]. Moscow (in Russ.).
- Chernyak, M. A., 1999. «To Pushkin, gentlemen! To Pushkin again!...» (Transformation of the Pushkin myth in prose of the late 20th century). In: Y. A. Muravyov, ed. *A. S. Pushkin i mirovaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [A. S. Pushkin and world culture. Materials of the international conference]. Moscow. pp. 88 – 90 (in Russ.).
- Shevelev, I., 2005. Tragedy about the fisherman and the fish. Andrei Bitov on the crises of Pushkin, the theory of relativity and the All-Union Census of Tsars. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. Available at: <https://rg.ru/2005/04/05/a59424.html> [Accessed 15 December 2019] (in Russ.).

Sources

- Arabov, Y., 1991. *Prostaya zhizn'* [Simple life]. Moscow (in Russ.).
- Druk, V., 1991. *Kommutator* [Switch]. Moscow (in Russ.).
- Eremenko, A., 1999. *Gorizontal'naya strana* [Horizontal country]. St. Petersburg (in Russ.).
- Zhdanov, I., 1991. *Mesto zemli* [Place of the Earth]. Moscow (in Russ.).

Iskrenko, N., 1996. *Interpretatsiya momenta. Sobranie sochinenii* [Interpretation of the moment. Collected works]. Vol. 20. Moscow (in Russ.).

Kibirov, T., 1997. *Parafrazis* [Paraphrasis]. St. Petersburg (in Russ.).

The author

Dr Olga I. Severskaya, Leading Research Fellow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

To cite this article:

Severskaya, O.I. 2020, On the Pushkin text in the poetry of Perestroika, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 80–95. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-7.

БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ: ПРОБЛЕМЫ БИОГРАФИИ И МЕМУАРНОГО НАСЛЕДИЯ А. Т. БОЛОТОВА

УДК 929

К ВОПРОСУ О СЛУЖЕБНОМ ПОЛОЖЕНИИ А. Т. БОЛОТОВА В КЁНИГСБЕРГЕ

*М. П. Милютин*¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
Поступила в редакцию 15.12.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-8

Статья посвящена вопросу о служебном положении А. Т. Болотова в кёнигсбергский период его жизни (апрель 1758 года – март 1762 года). Рассматривается историографическая традиция, восходящая к мемуарам Болотова, соответствующая часть которых была создана через 30 с лишним лет после описанных событий. На основе сопоставления мемуаров с перепиской Болотова кёнигсбергского времени и архивными материалами о деятельности российской администрации Восточной Пруссии в годы Семилетней войны делается вывод о двойственном характере статуса Болотова, который, несмотря на службу переводчиком при губернаторской канцелярии, никогда не был официально причислен к ее штату. Это позволяет уточнить роль, которую Болотов играл в деятельности местной российской администрации, и прояснить его отношение к службе в переломный в этом отношении для российского дворянства период.

Ключевые слова: А. Т. Болотов, Н. А. Корф, В. И. Суворов, мемуары, Семилетняя война, Восточная Пруссия, Кёнигсберг, российское дворянство.

Исследователи жизни и творчества Болотова, описывая его пребывание в Кёнигсберге, чаще всего буквально следуют за воспоминаниями, в которых делается акцент на службе переводчиком губернаторской канцелярии. В мемуарах этот автобиографический факт играет важную морально-дидактическую роль и интерпретируется как пример действия «Провидения», «пекущегося» о судьбе автора (см., например, Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 693). Уже в рассказе о первом привлечении к переводам официальных бумаг, которое состоялось в конце весны 1758 года, Болотов подчеркивает значимость этого события: «Таким образом сделался я вдруг из военного человека приказным или, по крайней мере, должен был иметь дело уже не с ружьем, а с пером и чернилами... От прежних же своих товарищей сделался я так удален, что и сведения не имел, что у них между собою происходило, да и узнать то всего меньше старался» (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 695, 700).

В дальнейшем Болотов неоднократно возвращается к теме своего служебного положения, упоминая, что из Архангелогородского полка он во все время своего пребывания в Кёнигсберге так и не был исключен и числился в его 3-м (резервном) батальоне, а в распоряжение губернатора был взят «только приватно и на время» (Болотов, 1870—1873, т. 1, стб. 799). Принадлежность к штату полка несколько раз грозила ему направлением к действующей армии, чего он смог избежать. Все эти ситуации подробно описаны в мемуарах, и все же идентификация себя как переводчика губернаторской канцелярии превалирует. Так, повествуя о начале своей службы при Корфе, Болотов отмечает: «...сделался я к штату его власно приобщенным» (Болотов, 1870—1873, т. 1, стб. 738). Эта тенденция нашла наиболее яркое выражение в составленной в 1821 году «Автобиографии», в которой Болотов пишет о себе в 3-м лице следующее: «...взят он был в его канцелярию для переводов нужнейших вступающих в канцелярию сию немецких бумаг, которую должность как при помянутом генерал-губернаторе Корфе, так и при преемниках его, генералах В. И. Суворове и П. И. Панине, и исправлял он во все достальное время прусской войны, исправляя иногда при генералах сих и адъютантскую должность и другие разные препоручаемые ему комиссии» (НИОР РГБ. Ф. 475. Карт. 1.1. Л. 2).

Именованье Болотова канцелярским переводчиком стало общепринятым уже в его ранних биографиях (Андрей Тимофеевич Болотов, 1838, с. 185; Из записок Андрея Тимофеевича Болотова, 1858, с. 4). Главным критиком такого понимания служебного положения Болотова стал Д. Ф. Масловский, который трактовал поведение Болотова, «временно прикомандированного к управлению начальника тыла», как сознательное уклонение от полковой службы с помощью разного рода уловок, на которые почему-то благосклонно смотрели кёнигсбергские губернаторы (Масловский, 1886, с. 43, прим. 38). Оценки Масловского, основанные на внимательном прочтении воспоминаний, не нашли поддержки среди исследователей. В частности, Е. Н. Щепкина в работах о жизни Болотова воспроизвела формулировку «прикомандированный к канцелярии переводчик» и попросту умолчала о его сложном отношении к армейской службе (Щепкина, 1890, с. 162; Венгеров, Щепкина, 1897, с. 93). Авторитет работ Щепкиной, стремление поддержать интерес к запискам Болотова как историческому источнику, симпатии к личности их автора обусловили следование такому подходу и в более поздних очерках жизни Болотова (см., например, Ронский, 1931, с. XLIV; Бердышев, 1988, с. 77; Лазарчук, 1988, с. 115; Rexheuser, 1995, S. 90). О принадлежности Болотова к Архангелогородскому полку в Кёнигсберге пишет Г. В. Кретицин, но в данном случае он не идет далее краткой констатации фактов, почерпнутых из мемуаров (Костяшов, Кретицин, 2001, с. 34). В последней по времени значительной работе о жизни Болотова его кёнигсбергские служебные коллизии совсем не упоминаются (Щеблыгина, 2003, с. 60—61).

Сам факт активной деятельности Болотова при кёнигсбергских губернаторах не вызывает сомнений. Но следы этой деятельности в документах российской администрации Восточной Пруссии (РГАДА. Ф. 25. «Кёнигсбергская канцелярия». Оп. 1) обнаруживаются с трудом.

В частности, это касается разных «препоручаемых» Болотову «комиссий». Например, при обновлении полковых знамен, которое производилось в Кёнигсберге под руководством капитана 3-го батальона Архангелогородского полка Кемецкого, Болотов, по его словам, осуществлял надзор над немецкими живописцами, рисовавшими полковые гербы (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 975–976). Но в деле о «строении знамен» из фонда Кёнигсбергской канцелярии (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 257) нет упоминаний о Болотове. То же самое можно сказать о поручении Болотову Корфом в 1759 году сделать рисунки для штемпелей российских монет, к выпуску которых приступал кёнигсбергский монетный двор (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 899–900). В соответствующей документации (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 148, 163) сведения об этой «комиссии» Болотова также не обнаруживаются. Еще более показательно, что в обширном деле «О чиновниках при Кёнигсбергской губернаторской канцелярии» (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3) имя Болотова ни разу не встречается. На наш взгляд, это связано с сознательным стремлением властей свести упоминания о Болотове в документации к минимуму, что было обусловлено двойственностью его положения: будучи активным сотрудником и немаловажным лицом в ближайшем окружении губернаторов, Болотов не состоял в штате канцелярии. Этим он был и удобен, и неудобен для администрации.

Самая очевидная выгода была финансовой: Болотов не получал за свою работу казенных денежных средств от губернаторов. Жалование Болотову продолжало выплачиваться по штату Архангелогородского полка. Стремление к экономии содержания канцелярских служащих, вероятно, было косвенной причиной попадания Болотова в переводчики. Сам он объясняет отсутствие переводчика среди прибывших с Корфом летом 1758 года канцеляристов случайной забывчивостью (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 739–740). Действительно, в обширной переписке, посвященной набору младших сотрудников канцелярии, которую Корф перед отъездом в Пруссию вел со службами Сената, а те, в свою очередь, с главами учреждений, откуда Корф хотел получить себе канцеляристов (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–87), не упоминается о переводчике. Связано это, по-видимому, было с тем, что вместо штатного переводчика планировалось получить сотрудника, способного работать с документами на немецком языке. Таковым, вероятно, был затребованный из Рижской губернаторской канцелярии подканцелярист Ф. Воинов (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3. Л. 8). Однако не все требования Корфа были выполнены, и Воинов среди канцелярских служащих, прибывших в Кёнигсберг, не значится (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3. Л. 87–94, 117–119), что и обусловило острую необходимость в переводчике.

Просьбы о присылке переводчика стали направляться в Петербург сразу после прибытия Корфа в Кёнигсберг. Лишь осенью 1759 года к нему были присланы студенты и гимназисты Московского университета, но они были признаны неспособными к переводам в канцелярии и отправлены для продолжения обучения в Кёнигсбергский университет (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 937–939; см. также: Костяшов, Кретинин, 1999, с. 70–72), а переводчиком остался Болотов. Сам он связывал бла-

гополучное для него развитие этой истории с симпатией, которую испытывали члены администрации к нему лично, и с их желанием удерживать его при канцелярии. По тем же причинам, с его точки зрения, с требованием переводчиков из России вообще «не слишком поспешаемо было» (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 857). Документальные материалы позволяют уточнить это мнение.

Корф, будучи человеком весьма влиятельным, любил выступать в роли благодетеля своих сотрудников и способствовал их карьере. В Кёнигсберге ближайшими его сотрудниками были два советника. Один из них — П. Вестфален (ум. после 1768 года), состоявший в гольштейнской службе, был личным секретарем Корфа и по его ходатайству в сентябре 1759 года был принят в русскую службу с сохранением чина надворного советника. Второй, И. фон Бауман (ум. после 1779 года), в сентябре 1760 года был произведен в коллежские советники. В соответствующих прошениях в Конференцию Корф утверждал, что переводчика при его канцелярии нет и советники сами вынуждены «с наибольшим прилежанием упражняться в переводе», что преподносилось как одна из их важнейших заслуг (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3. Л. 97, 98 об. — 99). Представляется, что наряду с несомненной личной симпатией Корфа к Болотову (в начале 1762 года Корф добился его перевода в свой штат в Петербург), столь длительное и эффективное спекулирование на теме отсутствия переводчика может объяснить и удержание Болотова в Кёнигсберге, и умалчивание о нем в документации.

Губернатору периодически досаждали из главной квартиры армии требованиями отправить Болотова в полк (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 854–857, 936, 990–995). Корф, судя по всему, игнорировал эти послания, инициатором которых был командир Архангелогородского полка кн. П. С. Долгоруков (1726–1769). Соответствующая переписка между губернаторской администрацией и канцелярией главнокомандующих не отложилась в делах о чиновниках кёнигсбергской канцелярии, но можно предположить, что вопрос об оставлении Болотова в Кёнигсберге при резервном батальоне (фактически же при канцелярии) решался в основном благодаря личному влиянию Корфа, который, по воспоминаниям Болотова, в 1760 году так выразил свою позицию: «Требовать вас хотя и требуют, однако мы и в сей раз вас никак не отпустим, вы и здесь не баклуш бьете, а столько ж государыне своей или еще более служите, нежели другие многие; а сверх того похвальным образом делаетесь еще и с другой стороны отечеству полезными» (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 993–994). Однако положение Болотова при канцелярии оставалось шатким и неформализованным, что объясняет отсутствие его имени в документах. Хотя переводов, написанных рукой Болотова, в делах Кёнигсбергской канцелярии обнаруживается немало (образцы его почерка кёнигсбергского времени хорошо известны), бумаги за его подписью встречаются крайне редко (например, на переводе прошения кёнигсбергского купца Ф. Сатургуса на имя Елизаветы в апреле 1759 года стоит подпись: «Переводил подпоручик Андрей Болотов» (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 182. Л. 28)).

В начале 1761 года Корф был заменен на посту губернатора В. И. Суворовым. Вступление в должность нового губернатора было

торжественным, а передача дел тщательной. В этих условиях скрывать деятельность Болотова было невозможно и для Корфа не имело смысла. Он, напротив, представил Болотова Суворову и охарактеризовал его с самой лучшей стороны (Болотов, 1870—1873, т. 2, стб. 34). При этом в «Реестре обретающимся при канцелярии советникам, ассессору, канцелярским служителям», приложенном к протоколу о передаче дел от Корфа Суворову от 05.01.1761 года, появился поручик Андрей Болотов, обозначенный как переводчик в составе «немецкой экспедиции» при советниках Баумане и Вестфалене (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 316. Л. 21). Чем это обернулось для Болотова, хорошо известно по его мемуарам и по дружеской переписке с Н.Е. Тулубьевым (1735—1761), которую они вели с ноября 1760 по март 1761 года. Суворов приказал отправить представление главнокомандующему Бутурлину с просьбой оставить Болотова при канцелярии, причем текст было поручено написать самому поручику (Письма А.Т. Болотова к Н.Е. Тулубьеву, 2013, с. 383). Пришедшее в конце января из канцелярии Бутурлина распоряжение не оправдало надежд Болотова: «В нем... сказано только, что буде я в армии быть неспособен, то оставить меня дозволяется, а буде человек молодой и в армии быть могу, то отправить бы меня с батальоном» (Болотов, 1870—1873, т. 2, стб. 40). Затянувшееся затем на несколько недель дело об отправлении Болотова к полку (3-й батальон за это время успел выступить из Кёнигсберга и соединиться с армией) излагается в письме Тулубьеву от 17.02.1761 года, написанном сразу после решительного разговора с Суворовым. Оно начинается фразой: «Ну, голубушка братец, теперь дело мое получило уже окончание, я спущен, и мне велено собираться» (Письма А.Т. Болотова к Н.Е. Тулубьеву, 2013, с. 378). Однако после долгих колебаний Суворов устно разрешил Болотову остаться в Кёнигсберге как минимум до нового распоряжения о нем от главнокомандующего, обещав при необходимости написать «может быть, тогда что-нибудь, могущее служить к... извинению и оправданию в том» (Болотов, 1870—1873, т. 2, стб. 53). А поскольку вторичного приказа от Бутурлина так и не последовало, то Болотов жил на протяжении всего 1761 года в Кёнигсберге на совсем уж полулегальных основаниях.

Пользу от пребывания при канцелярии опытного и бесплатного переводчика наверняка продолжали учитывать, но с января 1761 года в канцелярии переводчиком работал один из прибывших полтора года назад студентов И. Садовский (1736—1762), так что необходимость в переводах Болотова существенно уменьшилась. В мемуарах Болотов отмечает, что, несмотря на помощь, которую он оказывал Садовскому, интенсивность его собственной работы стала гораздо ниже. Он получил больше свободного времени, которое тратил на самообразование, посещая занятия по философии в университете и занимаясь чтением и писанием у себя на квартире. Но если заинтересованность в Болотове-переводчике при Суворове была уже не так велика, то личные симпатии к нему у нового губернатора были, скорее всего, даже выше, чем у Корфа. Как и отец Болотова, Суворов принадлежал к той части отечественного благородного сословия, которая в переломную для дворян-

ства первую половину XVIII века не только сумела прочно вписаться в офицерский корпус новой российской армии, но и достигла высоких чинов. По воспоминаниям Болотова, Суворов при первой же встрече сказал, что «родителя» его «знал довольно» (Болотов, 1870—1873, т. 2, стб. 34). Молодой Болотов, рано лишившийся отца, вполне подходил Суворову в сыновья по возрасту, происхождению и образованию (в Кёнигсберге Суворов жил с двумя дочерьми 17 и 16 лет, и размышления об их будущем замужестве вполне могли подпитывать его интерес). В мемуарах Болотов неоднократно упоминает о частных беседах с губернатором. Показательно, что вопреки отзывам многих современников, рисующих Суворова деспотичным, скупым и суровым человеком, личное впечатление Болотова осталось весьма позитивным: «...я во все время пребывания моего у него под командою не мог на него ни в чем маленьком пожаловаться и кроме ласки и благоприятства ничего от него не видал» (Болотов, 1870—1873, т. 2, стб. 54).

И все же неопределенный служебный статус Болотова должен был беспокоить губернатора. Сторонник строгой дисциплины, Суворов не без труда согласился на его проживание в Кёнигсберге вопреки указанию из армии. В сравнении с Корфом положение Суворова в губернаторском кресле было несколько иным. Если баловень судьбы Корф, имевший колоссальные связи при дворе, вел себя на губернаторском посту по вице-королевски и ничуть не уступал в статусе главнокомандующим Фермору и Салтыкову, что сказывалось и на их деловом общении, то Суворов очевидно имел меньший вес, чем фельдмаршал Бутурлин. В письмах из канцелярии Бутурлина Суворову проскальзывают повелительные нотки, фельдмаршал отдает поручения, делает замечания и дает инструкции губернатору. До своего назначения на губернаторский пост Суворов был генерал-провиантмейстером заграничной армии, а значит, недавно находился в прямом подчинении у главнокомандующего. В этой ситуации конфликт с армейским начальством для Суворова был не только нежелательным, но и невозможным. Поэтому Суворов советовал Болотову руководствоваться в отношении отъезда к армии известной поговоркой «дело не малина, летом не опадет» (Болотов, 1870—1873, т. 2, стб. 53), привлекая к себе поменьше внимания. Неудивительно, что в официальных документах этого времени имя Болотова вновь почти не встречается, и никаких ответственных поручений Суворов ему не дает.

Единственное исключение составляет «комиссия», описанная в 87-м письме воспоминаний: рассказ об аресте Болотовым прусского «графа Гревена», на которого слуга заявил российским властям «слово и дело». Эта история находит полное соответствие с делом барона Й. цу Эйленбурга (1722—1787), которое отложилось в фондах Тайной канцелярии (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2015) и Кёнигсбергской канцелярии (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 371). В последнем содержится «Инструкция Архангелогородского 3-го батальона поручику Болотову», данная в Кёнигсберге 21.05.1761 года (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 371. Л. 4—5 об.), согласно которой он осуществил арест. В двух объемных делах это единственное упоминание о Болотове. Отсутствует его рапорт о выполнении задания,

в доношении Суворова в Тайную канцелярию (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2015. Л. 1—1 об.) не называется имя командира осуществлявшей арест команды. Все это, на наш взгляд, опять свидетельствует о нежелании афишировать факт пребывания Болотова в Кёнигсберге. Но «дело Гревена» как нельзя лучше подходило в качестве «извинения и объяснения», почему губернатор оставил Болотова в своем распоряжении. Необходимости в таком объяснении, однако, так и не возникло (подробнее о «деле Гревена» см.: Веселова, Милютин, 2019).

Таким образом, вплоть до отъезда Болотова в Петербург его служебное положение при кёнигсбергской губернаторской канцелярии оставалось не только ничем официально не подкрепленным, но и, по сути, полулегальным. Что, впрочем, не мешало ему впоследствии именовать себя «переводчиком при канцелярии», выдвигая на первый план фактическое положение дел. Отметим, что двусмысленное и шаткое служебное положение не могло не тяготить самого Болотова. И это можно считать одной из причин появления у него уже в Кёнигсберге желания уйти со службы ради деревенской жизни, которое отразилось в письмах к Тулубьеву (Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву, 2013, с. 303, 353). К счастью, этому желанию суждено было вскоре реализоваться.

Список литературы

- Андрей Тимофеевич Болотов // Земледельческий журнал. 1838. №5. С. 183—197.
Бердышев А. П. Андрей Тимофеевич Болотов. М., 1988.
Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков : в 4 т. СПб., 1870—1873.
Венгеров С. А., Щепкина Е. Н. Болотов Андрей Тимофеевич // Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых : в 6 т. СПб., 1897. Т. 5. С. 90—122.
Веселова А. Ю., Милютин М. П. «История графа Гревена» в мемуарах А. Т. Болотова: исторический контекст и литературная обработка // Литературная культура XVIII века. Вып. 8. СПб., 2019. С. 387—413.
Из записок Андрея Тимофеевича Болотова // Библиотека для чтения. 1858. Т. 148, №3. С. 1—70.
Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В. Петровское начало: Кёнигсбергский университет и российское просвещение в XVIII в. Калининград, 1999.
Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В. Россияне в Восточной Пруссии : в 2 ч. Калининград, 2001. Ч. 1.
Лазарчук Р. М. Болотов Андрей Тимофеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 114—117.
Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886. Вып. 1.
Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву (1760—1761). Публикация А. Ю. Веселовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2012 год. СПб., 2013. С. 293—396.
Ронский С. М. Болотов и его время // Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков : в 4 т. М. ; Л., 1931. Т. 1. С. 16—52.
Щеблыгина И. В. Андрей Тимофеевич Болотов: Гармония мира и души. М., 2003.
Щепкина Е. Н. Старинные помещики на службе и дома. СПб., 1890.
Rexheuser A. Andrej Bolotov. Königsberg als Bildungserlebnis eines russischen Aufklärers // Königsberg und Riga. Tübingen, 1995. S. 87—121.

Список сокращений

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Об авторе

Михаил Павлович Милютин, преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: miljutin777@yandex.ru

Для цитирования:

Милютин М.П. К вопросу о служебном положении А.Т. Болотова в Кёнигсберге // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 96–104. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-8.

ON THE EMPLOYMENT STATUS OF ANDREI BOLOTOV IN KÖNIGSBERG

M. P. Miliutin¹

¹ St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia
Submitted on December 15, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-8

This article deals with Andrey Bolotov's official employment status during his time in Königsberg (April 1758 – March 1762). The work considers the historiographic tradition originating from Bolotov's memoirs, the Königsberg pages of which were written more than 30 years after the events described. Bolotov's memoirs are compared with his correspondence of the time and the archival materials of the Russian administration of East Prussia during the Seven Years' War. It is concluded that Bolotov's status was ambivalent. Although serving as a translator at the governor's office, he never had an official rank. The study makes it possible to clarify the role that Bolotov had in the local Russian administration as well as to understand his attitude to service in that difficult period for the Russian nobility.

Keywords: Andrey Bolotov, Nikolay Korf, Vasily Suvorov, memoirs, Seven Years' War, East Prussia, Königsberg, Russian nobility.

References

Maslov, A.S., 1838. Biography of Andrei Timofeevich Bolotov. *Zemledel' cheskii zhurnal* [Agricultural Journal], 5, pp. 183–197 (in Russ.).

Berdyshev, A.P., 1988. *Andrei Timofeevich Bolotov* [Andrei Timofeevich Bolotov]. Moscow (in Russ.).

Bolotov, A.T., 1870–1873. *Zhizn' i priklyucheniya Andreyya Bolotova, opisannye samim im dlya svoikh potomkov* [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by him for his descendants]. Vol. 1–4. St. Petersburg (in Russ.).

Vengerov, S. A. and Shchepkina, E. N., 1897. Bolotov Andrei Timofeevich. In: S. A. Vengerov, ed. *Kritiko-bibliograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh* [Critical and bibliographic dictionary of Russian writers and scientists]. Vol. 5. St. Petersburg. pp. 90–122 (in Russ.).

Veselova, A. Yu. and Miliutin, M. P., 2019. «History of Count Greven» in the A. T. Bolotov's memoirs: historical context and literary processing. In: P. E. Bukharkin and E. M. Matveev, eds. *Literaturnaya kul'tura XVIII veka* [Literary Culture of the 18th Century]. Vol. 8. St. Petersburg. pp. 387–413 (in Russ.).

Pisarev, D. I., 1858. From notes by Andrei Timofeevich Bolotov. *Biblioteka dlya chteniya* [Reading library], 148 (3), pp. 1–70 (in Russ.).

Kostyashov, Yu. V. and Kretinin, G. V., 1999. *Petrovskoe nachalo: Kenigsbergskii universitet i rossiiskoe prosveshchenie v XVIII v.* [Petrovsky beginning: Königsberg University and Russian education in the XVIII century]. Kaliningrad (in Russ.).

Kostyashov, Yu. V. and Kretinin, G. V., 2001. *Rossiyanе v Vostochnoi Prussii* [Russians in East Prussia]. Vol. 1. Kaliningrad (in Russ.).

Lazarchuk, R. M., 1988. Bolotov Andrei Timofeevich. In: A. M. Panchenko, ed. *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* [Dictionary of Russian writers of the 18th century]. Vol. 1. Leningrad. pp. 114–117 (in Russ.).

Maslovsky, D. F., 1886. *Russkaya armiya v Semiletnyuyu voinu* [The Russian army in the Seven Years War]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).

Veselova, A. Yu., 2013. Letters of A. T. Bolotov to N. E. Tulubeyev (1760–1761). Publication by A. Yu. Veselova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House], 2012, pp. 293–396 (in Russ.).

Ronsky, S. M., 1931. Bolotov and his time. In: S. M. Bolotov, ed. *Zhizn' i priklyucheniya Andreyа Bolotova, opisannyye samim im dlya svoikh potomkov* [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by him for his descendants]. Vol. 1. Moscow. pp. 16–52 (in Russ.).

Shchablygina, I. V., 2003. *Andrei Timofeevich Bolotov: Garmoniya mira i dushi* [Andrei Timofeevich Bolotov: Harmony of the world and soul]. Moscow (in Russ.).

Shchepkina, E. N., 1890. *Starinnye pomeschiki na sluzhbe i doma* [Ancient landowners in the service and at home]. St. Petersburg (in Russ.).

Rexheuser, A., 1995. Andrej Bolotov. Königsberg als Bildungserlebnis eines russischen Aufklärers. In: H. Ischreyt, ed. *Königsberg und Riga*. Tübingen: Niemeyer. pp. 87–121.

The author

Mikhail P. Miliutin, Lecturer, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: m.milutin@spbu.ru

To cite this article:

Miliutin, M. P. 2020, On the military service position of Andrei Bolotov in Königsberg, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 96–104. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-8.

ЖАНРОВЫЙ СИНТЕЗ В МЕМУАРАХ А. Т. БОЛОТОВА

*А. Ю. Веселова*¹

¹ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Поступила в редакцию 07.06.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-9

Вопрос о жанровом статусе мемуаров русского писателя Андрея Тимофеевича Болотова не раз ставился в научной литературе, но так и не стал предметом специального исследования. В данной статье анализируется художественная структура мемуаров Болотова с точки зрения их жанрового своеобразия. Рассмотрение текста показало, что Болотов при создании своих мемуаров использовал приемы, заимствованные из разных жанров, с которыми был хорошо знаком. Это прежде всего роман, а также эпистолярный, травелог, историческое сочинение и т.д. В широком контексте творчества самого Болотова в статье показано, что все эти элементы не были совмещены механически. Как начитанный и стилистически чуткий автор, он руководствовался интуитивным ощущением уместности каждого приема в зависимости от объекта описания, достигая подлинного жанрового синтеза. В заключение в статье делается вывод о том, что именно эта интуиция и ясное понимание своей задачи – как можно полнее описать свою жизнь в наизидание потомкам – определили художественный уровень болотовского текста и его привлекательность для читателей.

Ключевые слова: *русские мемуары XVIII века, А.Т. Болотов, жанр, роман, эпистолярный, травелог, автобиография.*

При обращении к вопросу о жанровой природе мемуаров Болотова ряд исследователей прямо или косвенно указывали на их беллетристическую природу. Так, еще Д.И. Писарев, один из первых откликнувшийся на публикацию фрагментов из записок Болотова, отмечал «громадный повествовательный талант» их автора (Писарев, 1909, с. 557). В.В. Сиповский в своей монографии по истории русского романа назвал болотовские мемуары «сбивающимися на роман» (Сиповский, 1909–1910, с. 638). Наконец, в недавней диссертации А.Е. Кузнецова подробно рассмотрена их очерковая природа (Кузнецов, 2013). Тем не менее, несмотря на отдельные и даже весьма существенные по аргументированности выдвинутых концепций подступы к заявленной теме, комплексного изучения жанровой природы мемуаров Болотова до сих пор не существует, хотя большинство исследователей сходятся в их оценке как исключительного явления в контексте русской мемуаристики того времени.

Прежде всего записки Болотова выделяются объемом и охватом описываемого исторического периода. В то же время они представляют собой цельное повествование, очевидно подчиненное основной задаче создания собственного образа у потомков и имеющее назидательную

функцию. Несколько раз начиная писать мемуары, Болотов вплотную приступил к исполнению своего замысла только в 1801 году, и до 1826 года им было создано 39 частей и начата 40-я. Из них с некоторыми лакунами до нас дошли 33 (самая полная публикация включает первые 29 частей: Болотов, 1871–1873). На тот момент ему было 63 года, он окончательно вышел в отставку и был весьма известным «экономическим писателем», имеющим также опыт создания и публикации других произведений разных жанров: философских сочинений, пьес, переводов исторических книг и романов. Широта кругозора и начитанность Болотова позволяют говорить о том, что при создании мемуаров он мог ориентироваться на разные по своей жанровой природе тексты, что подтверждается анализом художественной ткани записок, выявляющим ее неоднородность.

В первую очередь в мемуарах Болотова обращает на себя внимание их эпистолярная природа. Ряд исследователей (Лазарчук, 1972; Кузнецов, 2013) уже отмечали связь эпистолярной манеры вести записки с сохранившейся перепиской Болотова с его другом, лейтенантом флота Н. Е. Тулубьевым (Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву, 2013). Сравнение текстов писем и намного позднее созданных мемуаров показывает, что Болотов пользовался этой перепиской при составлении своих воспоминаний, а обращение «любезный приятель» и форма заочного письменного взаимодействия в переписке и мемуарах во многом схожи и обнаруживают хорошее знакомство Болотова с эпистолярным этикетом, а возможно, и со специальными руководствами. С другой стороны, его собственные рассуждения и несколько сохранившихся писем неустановленным адресатам свидетельствуют, что он сознательно искал товарища по переписке, в том числе для оттачивания навыков письма, и сделал несколько неудачных попыток, прежде чем наладил переписку с Тулубьевым (Болотов, 1760б). Ряд архивных материалов также показывает, что Болотов использовал эпистолярную форму в своих ранних переводах из немецкой нравоучительной периодики (Болотов, 1760а). В дальнейшем эта форма стала для Болотова основной: обращение «любезный приятель» он применил в составленной им «Истории Польского королевства» (Болотов, 1768), форму писем имеют большинство его экономических журнальных статей, натурологическая и философская проза, эссе на самые разные злободневные темы, значительная часть которых была написана и даже отчасти опубликована до мемуаров. И только уже вполне оценив потенциал эпистолярия, он воспользовался этим приемом в своих записках. Показательно, что в период создания мемуаров произошло обратное смещение: Болотов стал писать реальные письма с прицелом на мемуары, и целый ряд писем семье из дальних поездок, а также переписка с сыном Павлом во время службы последнего в Петербурге были целиком или фрагментарно помещены в мемуары (см., напр.: Болотов, 1871–1873, т. 4, с. 587–725).

Имеющиеся у нас сведения о библиотеке Болотова, подробно освещенные, в частности, в исследованиях О. Е. Глаголевой, показывают, что его читательские интересы были очень многообразны (Глаголева, 1988). Важно также учитывать и богатый опыт Болотова в переводах

с немецкого и французского языков, позволявший пробовать разные жанры и стили. Первые его переводческие опыты относятся к концу 1750-х – 1760-м годам, это были статьи из немецких журналов и романы: большая их часть не была напечатана (см. перечень, приведенный в первой опубликованной краткой болотовской биографии: (Биография А. Т. Болотова, 1997)). Но в 1770–1780-х годах он издал несколько переводов, среди которых были труды философско-нравоучительного характера, исторические сочинения, биография и роман. Все они в той или иной степени могли послужить для него и точкой отсчета, и школой писательского мастерства.

В первую очередь несомненным источником повествовательных приемов и способов самоописания для Болотова были романы, один из его любимых видов чтения, достоинства которого он неизменно отстаивал в эпоху, когда репутация романа была еще очень неоднозначна. Можно назвать целый ряд романских приемов, постоянно используемых Болотовым. Это прерывание повествования в кульминационный момент, иногда даже на полуфразе, с сообщением, что письмо стало слишком длинным; хронологические смещения и намеки на раскрытие в дальнейшем какого-то загадочного обстоятельства или неочевидной связи событий; введение прямой речи и диалогов упоминаемых лиц, с ярко выраженными речевыми характеристиками, в том числе отражающими их социальный статус или национальность (например, имитация акцента знакомых немцев); использование внутреннего монолога в особо напряженных случаях (учитывая, что все его мемуары являются прямой авторской речью, этот прием обладает особой выразительностью); вставные новеллы, либо представляющие собой отдельный рассказ о каком-то персонаже (например, история одного из предков, бежавшего из татарского плена, которая имеет все черты законченного приключенческого рассказа), или рассказанные от лица какого-то персонажа (как история лечения у известного целителя Ерофеича, переданная от лица одного из соседей); сознательное чередование комических эпизодов с серьезными и печальными. Очевидно романские черты просматриваются в приемах создания собственного образа: с одной стороны, это герой, постоянно подвергающийся опасностям и гонениям судьбы (ранее сиротство, различные несчастные случаи на охоте, при купании и проч., участие в войне в довольно молодом возрасте, позднее интриги на службе и т. д.), с другой – он защищен божественным покровительством и его вера в божий промысел оберегает его от худших несчастий. Все перечисленные выше черты не только являются типичными для жанра романа и многократно были описаны исследователями, но и упоминаются самим Болотовым в его сборнике критических статей «Мысли о романах», включающем разбор 50 прочитанных им романов (Болотов, 1791; подробнее см.: Веселова, 2015).

Более того, некоторые очень явные переключки с конкретными романами, которые Болотов прочитал и даже перевел в молодости, заставляют предположить, что молодой человек, рано оставшийся сиротой и лишенный полноценного наставничества, по которому очень тосковал, пытался заимствовать из романов образцы поведения. Так,

в романе Прево д'Экзиля «Английский философ, или История Кливленда, побочного сына Кромвеля, описанная им самим» (стоит обратить внимание, что роман написан от первого лица, и на это, как и у Болотова, указано в заглавии), который Болотов начал переводить в 1760 году, мать героя, занимающаяся его воспитанием, заводит специальные тетрадки и выписывает в них здравые мысли и мудрые изречения, которые могут иметь практическое применение. Одновременно с переводом этого романа Болотов заводит подобную «Памятную книжку» (Болотов, 1761). В романе Ш. Ла Морьера «Милорд Стэнли, добродетельный преступник» герой много рассуждает о пагубности любовной страсти и благотворности уединенной жизни. Очень близкие и не только по содержанию, но и по форме рассуждения можно найти в записках Болотова, посвященных истории его влюбленности в дальнюю родственницу Татьяну Бакееву (Болотов, 1871—1873, т. 2, с. 385—386).

Стоит добавить, что сам Болотов решительно критиковал смешение художественных и документальных жанров, что видно на примере его отрицательных рецензий на псевдодокументальные романы Ф. Эмина и П. Хомякова (эти статьи из сборника «Мысли о романах» приведены в выборочной публикации (Из неизданного литературного наследия Болотова, 1933, с. 196—202)). Принципиальным для него оставалась документальная основа мемуарного повествования, которая не должна смешиваться с художественным вымыслом, но может быть изложена с применением средств беллетристики.

К романам, в основе которых лежит биография героя, примыкает близкий по форме жанр собственно жизнеописания, или биографии, великих людей. Согласно мемуарам, именно «Жизнь Александра Македонского» Курция Руфа и «Жизнь Савойского принца Евгения» были в числе первых, самостоятельно прочитанных Болотовым книг (Болотов, 1871—1873, т. 1, с. 114), а среди его изданных переводов есть «Жизнь и приключения Эдуарда, претендента английского» (1794) — здесь опять стоит обратить внимание на совпадение заглавия. Конечно, речь не идет о том, что Болотов ставил себя наравне с Александром Македонским и ему подобными. Но сам принцип жизнеописания, которое обычно начинается с родословной героя, рассказа о его воспитании с акцентом на очевидном с детства предназначении, а также подробное изложение исторических событий, в которых участвовал герой, явно был хорошо усвоен Болотовым. В первых нескольких письмах он уделяет внимание истории своих предков, причем используя в этом случае несколько возвышенный стиль с характерным преобладанием инверсий. Многие факты своей биографии он интерпретирует как свидетельства его расположенности к наукам и негодности к военной службе, хотя его происхождение, казалось бы, не оставляло ему возможностей иной карьеры. Наконец, в записках Болотова отчетливо выделяются фрагменты, излагающие современные ему и исторически значимые события, в том числе те, которым он лично не был свидетелем.

В этих эпизодах, местами довольно пространных, Болотов несомненно типологически ориентировался еще на один тип повествования, который одновременно иногда и напрямую использовал для получения

информации. Это исторические сочинения, прежде всего описания войн и других общественных катаклизмов, а также характеристики монархов. В частности, самый большой исторический сюжет его мемуаров — описание Семилетней войны, имел свои источники. Семилетняя война и короткий период царствования Петра III были самыми крупными историческими событиями, которым Болотов был в той или иной степени непосредственным свидетелем. Поэтому, обратившись к письменному изложению событий, он считал необходимым дать более широкий исторический контекст, для чего ему потребовалось обратиться к внешним источникам информации. Несмотря на то что Болотов был участником войны и сражение при Гросс-Егерсдорфе написано им по личным воспоминаниям, сведения о дипломатической стороне дела, о движении армий и большинстве других сражений были почерпнуты им из сочинений ряда авторов, среди которых в первую очередь можно назвать Фридриха Великого и Иоганна Вильгельма фон Архенгольца. При этом Болотов использует типичные для исторического повествования приемы: перенос места действия с зачином «а в это время», переход на историческое настоящее время в наиболее напряженные моменты, как, например, при описании гибели прусского генерала Шверина: «Шверин пал мертв со знаменем в руках, но самая смерть его возбудила отвагу и храбрость в войске прусском. Оно возобновляет сражение, стремится на неприятеля, опровергает оно и одерживает наконец совершенную победу» (Болотов, 1871—1873, т. 1, с. 425). Показательно, что в дальнейшем Болотов разделил исторические сочинения и записки, и доля исторического повествования в тексте воспоминаний заметно сократилась. Например, он составил отдельную книгу о смерти Екатерины II и восшествии на престол Павла I (Болотов, 1875), но в мемуарах уделил этому эпизоду русской истории не много места.

Еще один прозаический жанр, явно оказавший влияние на некоторые части записок Болотова, — это травелог. Болотову в разное время доводилось бывать в обеих столицах, в Москве особенно часто, в годы военной службы он несколько лет пробыл за границей, владея имениями в разных губерниях и имея многочисленных родственников, он нередко предпринимал путешествие по Центральной России. Некоторые его поездки не только идут в мемуарах с собственным подзаголовком, но и сохранились в рукописи как отдельный текст, например «Описание моей езды в Шадскую деревню» (Болотов, 1772). Такие фрагменты строятся по единому принципу: сначала идет описание сборов, дороги, приключений на ней (поломка экипажа, плохая погода, лихие люди и т. д.). Потом обязательно описывается предвкушение, хорошее или плохое, которое охватывает путешественника на подъезде к пункту назначения. Далее следует описание самого места, причем обязательно дается историческая справка о прошлом этого места, возможно, тоже откуда-нибудь почерпнутая. Именно в путевых фрагментах чаще всего используется сентиментальный код: герой-повествователь испытывает волнение на подъезде, а также при «приведении себе на ум» известных ему фактов или личных воспоминаний, иногда плачет, в том числе при расставании с местом, мысленно перечисляет все, что с ним здесь про-

исходило и за что он может быть данному месту благодарен. Путевые заметки нередко сопровождаются примечанием о том, что они представляют собой реальные письма, написанные с дороги оставшимся дома родным, и они часто являлись таковыми, как уже упомянутое описание поездки в Шадскую деревню, данное в письмах теще. Но это не мешает им быть созданным по всем законам жанра путешествия.

Наконец, регулярно встречающиеся у Болотова природоописательные фрагменты, знаменующие смену сезона или рассказывающие о прогулках и наблюдениях за природой, не только соотносятся с его собственными натурологическими сочинениями (два из них опубликованы: (Болотов, 1993)), но написаны по всем правилам, которые сам же Болотов изложил в «Опыте руководства к описыванию красоты и приятностей природы» (Болотов, 1788). «Опыт...» представляет собой перечень природных объектов и явлений, достойных описания, а также перечисление способов этого описания: списки подходящих эпитетов, метафорические обозначения, перифразы, иногда целые абзацы, которые можно использовать в том или ином удобном случае. Вряд ли Болотов каждый раз брал эту рукопись, приступая, например, к очередному описанию весны. Но употребляя выражение «герольды весны» применительно к птицам, он несомненно отдавал себе отчет в том, что это выражение уместно именно в натурологических сочинениях, которые и служили для него в данном случае образцом. Иногда Болотов вставлял в свое повествование стихи, приводя их не только как примеры собственного творчества, но и как поэтическую замену характеристики того или иного природного явления, например утренней росы (Болотов, 1871 – 1873, т. 4, с. 1091).

Таким образом, анализируя художественную структуру мемуаров Болотова, можно прийти к выводу, что будучи очень начитанным и достаточно стилистически чутким автором, Болотов использует при создании своего жизнеописания приемы и даже клише, позаимствованные из разных жанров. Использование это носило отнюдь не механический характер, а представляло собой подлинный жанровый синтез: Болотов руководствовался интуитивным ощущением уместности каждого приема в зависимости от объекта описания, и эта интуиция, в сочетании с отчетливостью стоявшей перед ним задачи — как можно полнее представить свою жизнь в наизидание потомкам, определила художественный уровень болотовского текста и его несомненную читательскую привлекательность. Не случайно болотовские мемуары еще при его жизни расходились в рукописях и списках среди довольно большого круга родственников, друзей и знакомых, а дальнейшая судьба записок показывает неизменный интерес к ним читающей публики. Обращаясь к такой же, как и он сам, начитанной аудитории, интересующейся прошлым и документальными подробностями, Болотов сумел найти баланс между частным и общественным, а также клише и индивидуальностью, что позволило ему остаться не только в памяти потомков, но и в истории русской литературы XVIII — первой четверти XIX столетия.

Список литературы

- Биография* А. Т. Болотова. Тула, 1997.
- Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков : в 4 т. СПб., 1871 – 1873.
- Болотов А. Т.* Избранное / изд. подготовлено А. К. Демиховским. Псков, 1993.
- [*Болотов А. Т.*]. Краткая история Польского Королевства. 1768 // РО РНБ Ф. 536. ОЛДП. №2190 (Q.423).
- [*Болотов А. Т.*]. Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков. 1791 // РО ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 14.
- [*Болотов А. Т.*]. Описание моей езды в Шадскую деревню. 1772 // ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 2 №88 /7.
- [*Болотов А. Т.*]. Опыт руководства к описанию красот природы. 1788 // НИОР БАН. Ф. 69. №18б.
- [*Болотов А. Т.*]. Памятная книжка или собрание различных нравоучительных правил. 1761 // НИОР БАН. Ф. 69. Ед. хр. 22.
- Болотов А. Т.* Памятник претекших времян : в 2 ч. М., 1875.
- [*Болотов А. Т.*]. Переводы сочинений различных авторов, преимущественно из периодических изданий. 1760а // НИОР РГБ. Ф. 475. Карт. 6.2.
- [*Болотов А. Т.*]. Письма А. Т. Болотова к разным лицам. 1760б // РО РНБ Ф. 89. Ед. хр. 110.
- Из неизданного литературного наследия Болотова* / публ. А. Кучерова, И. Морозова // Литературное наследство / отв. ред. Л. Авербах. М., 1933. Т. 9–10. С. 153–222.
- Веселова А. Ю.* Романы в круге чтения и мемуарах А. Т. Болотова // XVIII век. №28. СПб., 2015. С. 86–104.
- Глаголева О. Е.* А. Т. Болотов как читатель // Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения. Л., 1988. С. 140–158.
- Кузнецов А. Е.* Проза Андрея Тимофеевича Болотова как художественное явление : дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- Лазарчук Р. М.* Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
- Писарев Д. И.* Первые литературные опыты (Библиографические заметки и критические статьи из журнала «Рассвет», 1859 г.) // Писарев Д. И. Собр. соч. : в 6 т. СПб., 1909. Т. 1. С. 556–557.
- Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву* / вступ. ст., подготовка текста, коммент. А. Ю. Веселовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома 2013. СПб., 2013. С. 293–396.
- Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа : в 2 т. СПб., 1909–1910. Т. 1, вып. 2.

Список сокращений

- НИОР БАН – Научно-исследовательских отдел рукописей Библиотеки Академии наук.
- НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- ОЛДП – Общество любителей древней письменности.
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- РО ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы.

Об авторе

Александра Юрьевна Веселова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Россия.

E-mail: aveselova@inbox.ru

Для цитирования:

Веселова А. Ю. Жанровый синтез в мемуарах А. Т. Болотова // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 105 – 113. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-9.

A SYNTHESIS OF GENRES IN ANDREI BOLOTOV'S MEMOIRES

A. Yu. Veselova¹

¹ Institute of Russian Literature (Pushkin House) of Russian Academy of Science

4 Makarova Emb. St. Petersburg, 199034, Russia

Submitted on June 7, 2019

doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-9

Although the genre status of the memoirs of the Russian writer Andrei T. Bolotov has been repeatedly raised in the literature, it has never merited a separate study. This article analyses the structure of Bolotov's memoirs in terms of their genre peculiarity. Text analysis shows that, when writing his memoirs, Bolotov used techniques borrowed from across various genres with which he was well acquainted. Those were the novel, the epistolary genre, the travelogue, the historical essay, etc. In the broad context of Bolotov's works, the article shows that all those elements were not combined mechanically. A well-read and stylistically sensitive author, he was guided by an intuitive sense of appropriateness of each technique depending on the object of description and thus achieved a genuine synthesis of genres. Finally, it is concluded that this intuition and a clear understanding that his task was a thorough description of his life as a record for posterity translated in the literary finesse of Bolotov's texts and their appeal to the reader.

Keywords: Russian 18th-century memoirs, Andrei Bolotov, genre, novel, epistolary, travelogue, autobiography.

References

- Anon, 1997. *Biografiya A. T. Bolotova* [Biography of A. T. Bolotov]. Tula (in Russ.).
- Bolotov, A. T., 1766. *Domashnii istoricheskii zhurnal* [Home History Magazine]. NIOR RGB F. 475. Kart.1.2 (in Russ.).
- Bolotov, A. T., 1871–1873. *Zhizn' i priklyucheniya Andreyya Bolotova, opisannye samim im dlya svoikh potomkov* [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by him for his descendants]. Vol. 1–4. St. Petersburg (in Russ.).
- Bolotov, A. T., 1993. *Izbrannoe* [Selected papers]. Pskov (in Russ.).
- Bolotov, A. T., 1768. *Kratkaya istoriya Pol'skogo Korolevstva* [A Brief History of the Kingdom of Poland]. RO RNB F. 536. OLDP. №2190 (Q.423) (in Russ.).
- Bolotov, A. T., 1791. *Mysli i bespristrastnye suzhdeniya o romanakh kak original'nykh rossiiskikh, tak i perevedennykh s inostrannykh yazykov* [Thoughts and impartial judgments about novels both original Russian and translated from foreign languages]. RO IRLI F. 537. №14 (in Russ.).

Bolotov, A. T., 1772. *Opisanie moei ezdy v Shadskuyu derevnyu* [Description of my travel to the village in Shadsk]. OR RNB. F. 608. Op. 2. №88/7 (in Russ.).

Bolotov, A. T., 1788. *Opyt rukovodstva k opisaniyu krasot natury* [Essay on guiding the description of the beauty of nature]. NIOR BAN F. 69. №18b (in Russ.).

Bolotov, A. T., 1761. *Pamyatnaya knizhka ili sobranie razlichnykh npravouchitel'nykh pravil* [A memorial book or collection of various moral guidelines]. NIOR BAN F. 69. №22 (in Russ.).

Bolotov, A. T., 1875. *Pamyatnik pretekshikh vremen* [Recollection of past]. Vol. 1–2. Moscow (in Russ.).

Bolotov, A. T., 1760a. *Perevody sochinenii razlichnykh avtorov, preimushchestvenno iz periodicheskikh izdaniy* [Translations of works by various authors, mainly from periodicals]. NIOR BAN F. 475. Kart. 6.2 (in Russ.).

Bolotov, A. T., 1760b. *Pis'ma A. T. Bolotova k raznym litsam* [Letters of A. T. Bolotova to different people]. OR RNB. F. 89. №110 (in Russ.).

Kucherov, A. and Morozov, I., 1933. From the unpublished literary heritage of Bolotov. In: L. Avebakh, ed. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 9–10. Moscow. pp. 153–222 (in Russ.).

Veselova, A. Yu., 2015. Novels in the circle of reading and memoirs of Bolotov. In: N. D. Kochetkova, ed. *XVIII vek* [XVIII century]. Vol. 28. St. Petersburg. pp. 86–104 (in Russ.).

Glagoleva, O. E., 1988. A. T. Bolotov as a reader. In: M. V. Kukushkina, ed. *Rukopisnaya i pechatnaya kniga v Rossii: Problemy sozdaniya i rasprostraneniya* [Handwritten and printed book in Russia: Problems of creation and distribution]. Leningrad. pp. 140–158 (in Russ.).

Kuznetsov, A. E., 2013. *Proza Andrey Timofeevicha Bolotova kak khudozhestvennoe yavlenie* [The prose of Andrei Timofeevich Bolotov as an artistic phenomenon]. Ph. D. Moscow (in Russ.).

Lazarchuk, R. M., 1972. *Druzheskoe pis'mo vtoroi poloviny XVIII veka kak yaovanie literatury* [Friendly epistolary of the second half of the XVIII century as a phenomenon of literature]. Ph. D. Leningrad (in Russ.).

Pisarev, D. I., 1909. The first literary experiments. In: D. I. Pisarev, ed. *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collected works in 6 vol.]. Vol. 1. St. Petersburg. pp. 556–557 (in Russ.).

Veselova, A. Yu., 2013. Letters of A. T. Bolotov to N. E. Tulubeyev (1760–1761). Publication by A. Yu. Veselova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House], 2012, pp. 293–396 (in Russ.).

Sipovsky, V. V., 1909–1910. *Ocherki iz istorii russkogo romana* [Essays from the history of the Russian novel]. Vol. 1. St. Peterburg (in Russ.).

The author

Dr Aleksandra Yu. Veselova, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: aveselova@inbox.ru

To cite this article:

Veselova, A. Yu. 2020, A synthesis of genres in Andrey Bolotov's memoirs, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 105–113. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-9.

**РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ МЕМУАРОВ А. Т. БОЛОТОВА
(ИЗ СОБРАНИЯ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

А. А. Абрамова¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Поступила в редакцию 15.10.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-10

История создания мемуаров Андрея Тимофеевича Болотова до сих остается недостаточно изученной. В частности, не совсем ясны этапы его работы над этим текстом. Данная статья представляет собой попытку пролить свет на один из аспектов этой проблемы. В личном фонде Болотова (№ 349) в Отделе письменных источников Государственного исторического музея хранится рукопись болотовских мемуаров, озаглавленная как «Часть 2». По ряду существенных характеристик (бумага, оформление, объем, состав, заглавие, деление на разделы и т. д.) она существенно отличается от большинства рукописных частей болотовских мемуаров. В статье представлен текстологический анализ этой рукописи и ее сопоставление с текстом мемуаров по изданию М. И. Семевского – наиболее полному печатному изданию «Жизни и приключений Андрея Болотова...» Рассмотрены этапы работы Болотова над текстом рукописи, проведен сравнительный анализ лексических единиц, стилистических предпочтений и содержательной части рукописи. Полученные результаты позволяют говорить о том, что недатированная рукопись является самым ранним вариантом мемуаров, предположительно написанным в конце 1770-х годов.

Ключевые слова: А. Т. Болотов, мемуары, текстология, рукописи XVIII века.

Мемуары русского писателя Андрея Тимофеевича Болотова (1738 – 1833) под названием «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» хорошо известны не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Однако их текстология пока еще недостаточно изучена, а в истории создания до сих пор есть досадные лакуны, хотя в нашем распоряжении достаточно материала для исследования этих вопросов.

Рукописи Болотова в целом хорошо сохранились, и его личные фонды находятся в нескольких архивах страны, в том числе в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (далее ОПИ ГИМ, номер листа указан в круглых скобках), фонд 349. В фонде 23 единицы хранения, из которых 12 – это рукописи мемуаров. В описи они расположены по порядку нумерации частей, данной самим Болотовым. Но даже при поверхностном взгляде очевидно, что часть под номером два заметно выделяется на фоне остальных цветом и качеством бумаги (более низким) и явно относится к другому периоду времени, отличаясь также несколько иными принципами изложения со-

бътий и не входя в отложившуюся в этом фонде «серию», так как ее начало и конец не совпадают с соответствующими границами предыдущей и последующей частей.

Рукопись на рыхлой белой бумаге (остальные рукописи мемуаров в фонде ГИМ, как и большинство из находящихся в других архивах, написаны на синеватой и более гладкой бумаге) содержит 264 листа, переплетена в картон, имеет кожаный корешок с тиснением «История жизни А. Б. 1752—58. Часть II», закладку-ляссе. Заглавие на титульном листе «Приключения Андрея Болотова с 1752 по 1758 год, описанные самим им» отличается от принятого во всех остальных частях воспоминаний «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные сами им для своих потомков». Отсутствуют также характерные для мемуарных рукописей Болотова колонтитулы, указывается только год описываемого события в углу листа. Если судить по оформлению, то это явно беловой экземпляр, но в самом тексте имеются не только помарки, но и многочисленные исправления. Часть из них явно внесена позднее, и потому можно предположить, что в момент создания эта рукопись была, по выражению Болотова, «прямо набело писаным сочинением», но позднее использовалась как черновой материал для создания более позднего варианта мемуаров.

Дата создания рукописи не указана, текст охватывает события с 1752 по 1757 год, хотя в заглавии указан 1758 год. Примерно половина ее представляет собой сплошное повествование без каких-либо разделов, но со 182-го листа появляется характерное для всех остальных мемуаров Болотова деление на письма к условному «любезному приятелю». Вероятно, мысль о таком способе структурирования текста пришла Болотову в процессе его создания, когда он уже дошел до середины рукописи.

Исследователи творчества Болотова А. Ю. Веселова и М. П. Милютин предполагают, что эта рукопись — сохранившаяся вторая часть от начатой Болотовым ранней версии мемуаров, первая часть которой сгорела в 1782 году при пожаре в Богородицке, где Болотов служил управляющим императорской волости (Веселова, Милютин, 2020). Это предположение подтверждается воспоминаниями Болотова: «Дело сие начато было у меня уже очень давно, но все прерывалось и я окончить давно собирался. У меня написано было уже два тома, и я довел историю свою уже до пребывания моего в Кёнигсберге, но как первая часть оной во время пожара у меня сгорела, а вторая часть была уже переплетена, то вздумалось мне написать опять вновь и первую, а буде можно — то и всю жизнь, и поспешить тем, покуда все происшествия, а особливо бывшия в малолетстве, были еще довольно мне памятны...» (Болотов, 1871—1873, т. 4, стб. 506).

Изучение самой рукописи и ее сопоставление с более поздней редакцией мемуаров, ранее не проводившиеся, помогут существенно дополнить творческую историю создания болотовских мемуаров.

В рукописи можно выделить несколько видов правки, в том числе внесенной в разное время и отражающей этапы работы с текстом. Очевидно, что исправления (зачеркивание и вписывание другого слова) прямо в строке относятся к первому этапу непосредственного создания мемуаров. Например: «Неприятель уже наступает и конечно уже не в

дальнем расстоянии, не мог ~~иного ожидать~~ *иного заключить*, как что чрез минуту поведут его становить в ордер баталии...» (Л. 188; здесь и далее курсив в цитатах наш. — А. А.); «...А вот для чего: со мною сделалось одно смешное ~~приключение~~ *и неожиданное приключение*» (Л. 191). Эта правка отражает ход мысли автора и свидетельствует о его стремлении к ясности и даже некоторой изящности формулировок.

Следующий этап работы над рукописью отразился в надстрочных вставках и исправлениях. Невозможно судить, когда именно была произведена эта правка, но очевидно, что при одном из повторных прочтений. Например, Болотов вносит уточняющие коррективы в написанный текст, добавляя слова и надписывая их сверху: «Одним словом, весь полк меня полюбил и не только офицеры и унтер-офицеры, но и самые старые солдаты, помня ^{милости} отца моего, оказывали ко мне благосклонность и любовь...» (Л. 27); «...мы думали было сперва, что они всех их дротиками своими переколлот, но скоро увидели ^{тому} противное» (Л. 218). Делает Болотов и стилистические исправления, в том числе стремясь избежать повторов, например: «Все наше военное ополчение как оживотворилось и в один миг были уже все полки пред своими ~~лагерями~~ ^{станами} и стояли во фрунте, ожидая повеления куда идтить и что делать. <...> Всякий, не инако ~~заключая~~ ^{помышляя}, что неприятель уже наступает и конечно уже не в дальнем расстоянии, не мог иного заключить, как что чрез минуту поведут ~~нае~~ ^{его} становить в ордер баталии» (Л. 188).

Наконец есть еще один уровень правки, который можно обозначить как содержательный. Это позднейшие добавления, расположенные на полях в форме сносок. Так, к словам «Она была на мызе» на левом поле дана сноска «Кальтебрун», обозначенная крестиком (Л. 104 об.). Эти пометы скорее всего были внесены после проверки некоторых сведений (например, названий мест) по дополнительным источникам, поэтому есть основания считать их более поздними, чем основной текст рукописи.

Таким образом, можно сделать вывод, что Болотов перечитывал свои сочинения не только сразу после написания, но и спустя какое-то время, редактируя уже написанный текст и, возможно, готовя его к переделке в новый вариант.

Начало работы над этим вариантом, ставшим основным, Болотов точно зафиксировал в своих воспоминаниях: 24 января 1789 года (Болотов, 1871—1873, т. 4, стб. 506—507). В конце 1780-х — начале 1790-х годов были написаны пять частей, охватывающие период до 1757 года (например, события, описывающие три года жизни Болотова, в рукописи ГИМ объемом в 264 листа занимают всего 10 листов, а в итоговом варианте составляют пять писем). Впоследствии с этих частей рукой самого Болотова были сняты точные копии, которые хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 89. Ед. хр. 1—5). Именно по этим рукописям была осуществлена самая полная на данный момент публикация мемуаров Болотова под редакцией М. И. Семевского.

Сравнение варианта из ГИМ с основной редакцией мемуаров, никогда ранее не проводившееся, представляет безусловный интерес. В рам-

как данной работы мы проведем сопоставление рассматриваемых материалов из ГИМ с изданием Семевского, которое было довольно тщательно подготовлено.

При сравнении итогового текста мемуаров с рукописью из ГИМ можно сделать вывод, что, создавая новый вариант, Болотов опирался на имевшуюся у него рукопись, но вносил изменения разных видов. Самый простой вид правки — это замена слов. Например, интересна судьба слова «равно», которое последовательно используется в рукописи, но в итоговом варианте везде заменено на слово «власно». Некоторые стилистически окрашенные слова, которые показывают личное отношение автора к изображаемым событиям, он заменяет нейтральной лексикой, например «комора» (Л. 101) и «горница» (Л. 116) превращаются в тексте мемуаров в «комнату». Разговорное наречие «недалече» (Л. 187) становится книжным «недалеко», глагол «обманулись» (Л. 239) меняется на «ошиблись», имеющий иную окраску. Слуга, которого Болотов в тексте рукописи лаково называет «Якушка» (Л. 93 об.), теряет уменьшительно-ласкательный суффикс, оставаясь в основном варианте «Яковом».

Но наблюдается и обратный процесс: нейтральные слова, не выражающие авторского отношения, Болотов заменяет на стилистически окрашенные, чтобы усилить читательское восприятие. Так, нейтральное «жилище» (Л. 100 об.) в итоговом варианте становится «обиталищем», «деревни» (Л. 102) — «деревнишками», книжное прилагательное в словосочетании «добродетельный старичок» (Л. 109) превращается в просторечное «добродушный старичок», а смена квартиры становится вместо «не неприятной» (Л. 104) «не противной». Усиливает значение прилагательных и замена их на превосходную форму: «превеликое» (Л. 139) — «превеличайшее».

В ряде случаев Болотов переработал отдельные словосочетания и предложения, чтобы внести ясность в свой рассказ. Так, фраза «Таким образом, определен я был в их компанию» (Л. 58 об.) в итоговом варианте предстает развернутым описанием: «Но как бы то ни было, но я вышеупомянутым образом включен был в сообщество оных обойденных и чинов себе толь долго добивающихся сержантов» (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 319). Такой же процесс можно наблюдать и с другой фразой: «Мужик имел между тем время нажаловаться на нас генералу и обвинял нас тем, якобы мы у него лошадь украли» (Л. 35), которая превращается в «Мужик имел между тем время нажаловаться на нас генералу и обвинял нас тем, *чего у нас и на уме никогда не бывало, а именно, что лошадь сию не кто иной, как мы сами у него украли*» (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 294).

Рассказывая о реакции генерала М. Г. Ливена на обвинение русских офицеров в краже лошади, Болотов заменяет оборот «в публице» (Л. 36) развернутым словосочетанием, добавляя также определение «*российский генерал*», что подчеркивает его осуждение действий барона: «А ревность и усердие его к эстляндскому народу простиралась так далеко, что он в запальчивости своей выговорил ~~в публице~~ *при всех бывших при том многих чиновников* такие слова, которые всего меньше пристойны были *российскому* генералу» (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 295).

Стремясь заставить читателя сопереживать рассказчику, Болотов, описывая свое состояние, распространяет словосочетание «и не помнил что говорил и что делал» (Л. 39) до развернутого рассказа о своих чувствах: «Я стоял, опустя руки и глаза книзу, погруженным в глубочайшее уныние, как окаменелый. Сие продлилось несколько времени, да и потом не помнил, что говорил и что делал. Самый свет казался мне померкшим в глазах моих, и состояние, в каком я тогда находился, не может никак описано быть, а довольно оно было наижалостнейшее в свете» (Болотов, 1871–1873, т. 1, стб. 298).

Повторно приступив к составлению воспоминаний, Болотов уже очевидно подразумевал некий предполагаемый круг читателей, ориентируясь на который, заменял некоторые специфические термины (особенно военные), например «рекогностирование» (Л. 241), на понятные непросвещенному в военных делах человеку, в данном случае на «подсматривание».

Стремлением воздействовать на чувства читателя объясняется и частое внесение в итоговый вариант мемуаров прямой речи. Например, в эпизоде с прошением об отсрочке отъезда в армию Болотов рассказывает о разорвавшемся пакете и после слов: «Горе и робость напала на меня превеличайшая, и я предвозвещал себе от того напасть неведомо какую» (Л. 50 об.) делает добавление: «*“Ах, какая беда! — твердил я только себе несколько раз, — что мне теперь делать?” — и ужас мой был так велик, что сердце от трепетания хотело власно как выскочить*» (Болотов, 1871–1873, т. 1, стб. 311).

Помимо эмоциональных добавлений Болотов при дальнейшей работе с текстом снабжает свои мемуары и фактическими дополнениями. Так, рассказывая о понесенных потерях с обеих сторон во время сражения, а также о людях, «которые будучи вовсе не ранеными, а старались себя включить в число раненых, думая получить чрез то себе какие-нибудь выгоды» (Л. 236), Болотов в основном варианте мемуаров приводит конкретный пример, вспоминая подпоручика Аристова. Этот офицер, сказавшись больным, не участвовал в сражении, но «очутился в числе раненных» (Болотов, 1871–1873, т. 1, стб. 545). Кроме того, Болотов стремится подчеркнуть временную дистанцию между событиями и их описанием, указывая, что некоторые обстоятельства стали ему известны позже, как в еще одном эпизоде с генералом Ливеном: «Но [будто (Л. 234)] господином Ливеном, от которого советов все наиболее зависело, [сказано было (Л. 234)] и которому, как мы после уже узнали, весьма неприятно было и то, что нам нечаянно удалось победить неприятеля, сказано будто при сем случае было... “что на один день два праздника не бывает, но довольно и того, что мы и победили”» (Болотов, 1871–1873, т. 1, стб. 542).

Самой же очевидной трансформацией мемуаров на пути от рукописи из ГИМ к итоговому варианту становится переработка сплошного рассказа о памятных событиях в письма с обращением к «любезному приятелю». Каждое такое письмо начинается либо с напоминания о содержании предыдущего письма, либо с краткого описания последующих событий. В качестве примера можно рассмотреть изменения, произошедшие с эпизодом, в основном варианте оказавшемся на границе 26-го и 27-го письма.

В рукописи ГИМ он выглядит так: «К несчастью моему, где ни возьмись тогда чухна-мужик, продающий тут же в корчме лошадь. Нас тотчас о том уведомили, и мы, осмотрев, положили ее купить, договорились о цене. Лошадь сия была посредственная. Мы заплатили за нее 12 рублей и нимало не зная, что она была краденая, отправились немедленно в путь свой» (Л. 34). В итоговом варианте Болотов вносит в данный отрывок, которым он завершает 26-е письмо, дополнения, сохраняющие интригу и побуждающие читателя прочитать следующее письмо: «К *взящему* несчастью моему, где ни возьмись тогда чухна-мужик, продающий тут же в корчме лошадь. Нас тотчас о том уведомили, и мы, осмотрев, положили ее купить. *Корчмарь помог нам того ж часа договориться о цене и ручался в том, что она была не краденая.* Лошадь сия была посредственная. Мы заплатили за нее 12 рублей и нимало не зная, что *проклятая скотина сия навлечет на нас колты и хлопоты,* отправились немедленно в путь свой и *приехали в Ревель. Сим кончу я сие письмо и сказав вам, что я есмь навсегда ваш верный друг, остаюсь... и проч.*» (Болотов, 1871 – 1873, т. 1, стб. 292).

В тех же случаях, когда деление на письма есть уже в раннем варианте, Болотов иногда при дальнейшей переработке изменяет границы писем, как произошло, например, с письмами 49 – 50. Фрагмент, завершающий в рукописи 49-е письмо, почти полностью переходит в основном варианте в начало 50-го, а в конец 49-го Болотов добавляет резюмирующую фразу этикетного характера.

Рукопись из фондов ГИМ	Основная редакция мемуаров
<p>Но ввечеру разрешилось наше сомнение и неожиданный приказ, отданный во всей армии, привел нас в новое удивление, а именно: всем нам приказано было наутрие готовиться к походу, и объявлено, что вся армия с светом вдруг выступит тихим образом в поход. [Мы не знали, чтобы это значило и думали все, что, конечно, хотим мы обмануть неприятеля (Л. 244 об. – 245)] переправиться чрез реку где-нибудь в другом и нам еще неизвестном месте. [Однако мы делали без хозяина и не то произошло, что мы думали (Л. 245)] 26 числа августа...</p>	<p>На сем месте дозвольте мне, любезный приятель, пресечь мое письмо. Мне хочется оставить вас в нетерпеливости узнать, что последует далее. Сие услышите вы в последующем письме, а между тем остаюсь ваш верный и покорный слуга (Болотов, 1871 – 1873, т. 1, стб. 567).</p> <p style="text-align: center;">Письмо 50</p> <p>Любезный приятель! <i>Последнее письмо мое кончил я тем, что отдан был во всю армию с вечера приказ, что наутрие вся армия выступит в поход и учинит сие тихим и тайным образом. Поелику такового приказания нам до того времени никогда еще отдавано не было, то и удивило оно нас до чрезвычайности. Однако мы думали, что предводители наши, конечно, хотят употребить какую-нибудь стратагему или военный обман, и хотят выступить для того скрытно в поход, чтоб либо нечаянно овладеть городом Велавою, либо переправиться чрез реку где-нибудь в другом и нам еще неизвестном месте. В сей неизвестности, и горя нетерпеливым желанием узнать, вправо ли мы пойдем или влево, и не будем ли наутрие иметь с неприятелем дела, препроводили мы всю ночь, а в последующий день, то есть 26 числа августа»</i> (Болотов, 1871 – 1873, т. 1, стб. 567 – 568)</p>

В основном итоговый вариант выглядит расширенным, местами значительно, что подтверждается и соотношением объемов. Так, одно предложение в рукописи ГИМ превращается в итоге в развернутое описание дневного перехода армии.

Рукопись из фондов ГИМ	Основная редакция мемуаров
Целую половину дня тащились мы четыре версты, проходя все узкие места между лесами и кустарниками (Л. 239)	Целую половину дня тащились мы четыре версты, проходя все узкие места между лесами и кустарниками. <i>Переход сей, каков ни мал был, но отяготил нас до бесконечности. День случился самый жаркий и духота такая, что мы не знали куда деваться. Пуще всего досаждало нам то, что мы на всяком почти шагу принуждены были останавливаться и промедливать минут по несколько. Не успеем сажен десяти или двадцати отойти, как закричат «стой!», и мы принуждены стоять и печься на жару солнечном, а там опять двинемся шагов пять и опять «стой!», и так далее. Не можно изобразить, как таковой медленный поход во время жаров несносен, а особливо в такое время, когда от фрунта не можно никуда ни на один шаг отлучиться. Истинно власно как за душу кто тянет; и если б не имели мы той отрады, что у всякого из нас была бутылка с водою, смешанною с уксусом, то от жажды не знали б мы что делать. Ни в которое время, во все продолжение похода, не была нам сия вода толико нужна и драгоценна, как в сей день. Она казалась нам лучше и превосходнее всех шампанских и венгерских вин на свете, и мы тысячу раз благодарили сами себя, что догадались запастись оною и настановить полны передние ящики в ротных наших патронных ящиках бутылками. По особливому счастью, не имели мы во весь поход недостаток в укусе. Мы покупали его по рублю штоф, но он так был нам нужен, что мы согласились бы платить за него и по два, и по три рубля, если б того требовала нужда.</i> Идучи столь медленными стопами и терзаясь ежеминутно досадою, не понимали мы, что б тому была причина, что мы так медленно тащились (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 558—559)

Но есть и обратные примеры. События 1755—1757 годов, в частности Гросс-Егерсдорфское сражение, занимают центральное место в рукописи, поэтому она снабжена несколькими рисованными планами с «изъяснениями» (Л. 185 об. — 186 об., 197, 231 об. — 232 об.), которые позднее так и не были перенесены в итоговый вариант, хотя упоминания о них остались (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 501, 510, 541).

В сопоставлении с указанием самого Болотова на наличие «второй части» раннего варианта своих мемуаров текстологический анализ рукописи из ОПИ ГИМ (Ф. 349. Ед. хр. 2) позволяет, на наш взгляд, сделать твердый вывод о том, что именно данная рукопись и является этой «второй частью» и вместе с тем самым ранним сохранившимся текстом

из всего комплекса мемуарного наследия Болотова. Систематизированный нами материал, который было необходимо ввести в научный оборот, требует дальнейшего, с нашей точки зрения, более глубокого изучения, особенно в общем контексте истории создания Болотовым своих обширных воспоминаний.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ (№ 18-012-00447) «Подготовка научного издания мемуаров А. Т. Болотова 1760 – 1780 гг.»

Список литературы

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков : в 4 т. СПб., 1871 – 1873.

Болотов А. Т. Приключения Андрея Болотова с 1752 по 1758 год, описанные самим им // ОПИ ГИМ Ф. 349. Ед. хр. 2. 264 лл.

Веселова А. Ю., Милютин М. П. История создания мемуаров А. Т. Болотова // Русская литература. 2020. №3 (в печати).

Об авторе

Александра Анатольевна Абрамова, преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: al-abramova@mail.ru

Для цитирования:

Абрамова А. А. Ранняя редакция мемуаров А. Т. Болотова (из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея) // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 114–122. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-10.

AN EARLY EDITION OF ANDREY BOLOTOV'S MEMOIRES (FROM THE ARCHIVES AND MANUSCRIPTS SECTION OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM)

*A. A. Abramova*¹

¹ Higher School of Economics' National Research University

20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

Submitted on October 15, 2019

doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-10

The history of the creation of Andrei T. Bolotov's memoirs has been little studied. In particular, the stages of his work on this text are not entirely clear. This article is an attempt to shed light on one aspect of this problem. Bolotov's personal fund (No. 349) in the Archives and manuscripts section of the State Historical Museum contain a manuscript of Bolotov's memoirs entitled "Part 2". It differs significantly in its essential characteristics (paper, design, size, composition, title, division into sections, etc.) from most manuscripts of Bolotov's memoirs. The study presents a textual analysis of this manuscript and compares it with the text of memoirs published by Mikhail Semevsky, – the most complete printed edition of The Life and Adventures of Andrei Bolotov. The stages of Bolotov's work on the manuscript

are considered; a comparative analysis of lexical units, stylistic preferences, and the content of the manuscript is carried out. The results obtained suggest that the undated manuscript is the earliest version of the memoirs, supposedly written in the late 1770s.

Keywords: Andrei Bolotov, memoirs, textology, manuscripts of the 18th century.

References

Bolotov, A. T., 1870–1873. *Zhizn' i priklyucheniya Andreya Bolotova, opisannye samim im dlya svoikh potomkov* [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by him for his descendants]. Vol. 1–4. St. Petersburg (in Russ.).

Bolotov, A. T., n. d. *Priklyucheniya Andreya Bolotova s 1752 po 1758 god, opisannye samim im* [Adventures of Andrei Bolotov from 1752 to 1758, described by him]. OPI GIM F. 349. №2 (in Russ.).

Veselova, A. Yu. and Milyutin, M. P., (in press) The history of the creation of the memoirs of A. T. Bolotov. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 3 (in Russ.).

The author

Aleksandra A. Abramova, Lecturer, Higher School of Economics National Research University, Russia.

E-mail: al-abramova@mail.ru

To cite this article:

Abramova, A. A. 2020, An early edition of Andrey Bolotov's memoirs (from the archives and manuscripts section of the State Historical Museum), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 114–122. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-10.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Международная научная конференция
«Феномен Пушкина: словесность, история, культура.
К 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина»
(БФУ им. И. Канта, 6—7 июня 2019 года)

А. Г. Дорофеева¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, г. Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 25.12.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-2-11

В день рождения нашего великого поэта в 2019 году в БФУ им. И. Канта начала свою работу международная научная конференция «Феномен Пушкина: словесность, история, культура. К 220-летию со дня рождения». Обращенная к феномену Пушкина как к «явлению чрезвычайному» не только в литературе, но и в истории и культуре, конференция объединила литературоведов, лингвистов, историков, культурологов, что обеспечило ее междисциплинарный характер и многоаспектность проблематики.

В пушкинистике, с одной стороны, трудно сказать что-либо новое, но, с другой, она обладает той открытостью и незавершенностью, которая присуща самому гению Пушкина. Программа юбилейной конференции отражает ключевые аспекты современных исследований феномена Пушкина и одновременно обладает своими акцентами в тематике и подходах. Религиозно-философский контекст творчества, поэтика и семантика произведений, рецепция творчества поэта в русском литературном сознании и в русской культурной памяти XVIII—XXI веков, отражение отечественной истории в творчестве русского гения и Пушкин в диалоге культур — таковы были основные направления, сформировавшие тематику докладов.

Концептуально значимыми стали доклады, прозвучавшие на пленарном заседании. Они были обращены к глубинной тайне творчества поэта, которое рассматривалось докладчиками в широком историко-культурном контексте. О связи тайны истории и «тайны человека», об антропологических и историософских воззрениях Пушкина и Тютчева размышлял в докладе «*Антропология и история в творчестве А. С. Пушкина и Ф. И. Тютчева*» доктор филологических наук, профессор Литературного института им. А. М. Горького *Б. Н. Тарасов*. О загадках, которыми изобилует история отношений Пушкина с властью и конкретно с царем, говорил доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербур-

бургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) В. А. Кибальник в докладе «Позднее творчество А. С. Пушкина как явление криптографической поэтики». В презентации своей книги «Художественная философия Пушкина. Очерки», изданной в 2019 году к юбилею поэта, он обратился к философским основам его художественного мира. Промысел как важнейшая категория художественной концепции Пушкина стал предметом наблюдений доктора филологических наук, профессора Загребского университета (Хорватия) Н. П. Видмарович, рассмотревшей сюжетный путь героев повести Пушкина «Метель» в сопоставлении с балладами «Ленора» Бюргера и «Светлана» В. Жуковского. О тайне Пушкина в ее взаимоотношениях с проблемой культурных кодов, об онтологической связи поэта с историей России размышлял доктор филологических наук, профессор БФУ им. И. Канта В. Х. Гильманов в докладе «Тайна Пушкина в контексте проблемы культурных кодов в литературе ("Сцена из Фауста", "Пир во время чумы", "Странник")».

Секционные заседания, проходившие в течение двух дней конференции, охватывали разные области гуманитарных знаний.

Первая секция — «Творчество Пушкина: поэтика и семантика» — объединила доклады лингвистов и литературоведов, обратившихся к пушкинским текстам. Проблемы модальности, синтаксиса, текстовых доминант, лексико-семантические особенности перевода стихотворений на иностранные языки интересовали лингвистов. Литературоведческие доклады касались образного ряда поэм Пушкина, речевой ткани романа «Евгений Онегин», ценностных оппозиций и доминант в творчестве поэта, библейских сюжетных архетипов в прозе Пушкина.

Вторая секция — «А. С. Пушкин в русском литературном сознании XIX—XX веков» — была обращена к поиску связи русской литературы с пушкинской традицией, обнаруженной докладчиками в творчестве самых разных поэтов и прозаиков различных литературных эпох и направлений: Ф. М. Достоевского, И. С. Шмелева, Я. П. Полонского, Б. Пастернака, Б. Окуджавы, писателей русского авангарда и др.

Третья секция — «Отечественная история в творчестве Пушкина. Пушкин в русской культурной памяти (XVIII—XXI века)» — объединила историков, в докладах которых рассматривались связь творчества Пушкина с отечественной историей, ее отражение в произведениях и переписке поэта, проблемы влияния пушкинской мысли на русскую общественную мысль XIX века, место поэта в русской культурной памяти XVIII—XXI веков и другие вопросы исторического изучения феномена Пушкина.

Четвертая секция — «Пушкин в диалоге культур: история и современность» — включала в себя доклады, касавшиеся самых разных вопросов культурологического и социокультурного характера: об отношении Пушкина к современной ему европейской политической жизни, к сербам, о восприятии сербами творчества русского поэта, об игровом начале в прозе Пушкина и о связи творчества поэта с третьей научной

революцией в медицине, о Пушкине в интернет-пространстве и об экранизации пушкинских произведений в аспекте преподавания русского языка как иностранного.

Финалом работы научного форума стал круглый стол «*Религиозно-философские воззрения А. С. Пушкина и XXI век*», который состоялся 7 июня в г. Зеленоградске. Он продолжил развитие основных тем конференции, заявленных на пленарном заседании, обозначил полемические аспекты изучения творчества Пушкина. Остро был поставлен вопрос об отношении поэта к власти, о мировоззренческих основах как художественного творчества, так и историософских воззрений поэта, выраженных в переписке, критических и аналитических статьях, различного рода высказываниях. Основной доклад — «*Тайна человека*» и *тайна истории (Пушкин как мыслитель и современный мир)*» был сделан Б. Н. Тарасовым. Ведущим и одновременно главным оппонентом основного докладчика выступил С. А. Кибальник. Дискуссия прошла оживленно и вызвала такую же активную реакцию слушателей и участников круглого стола.

Об авторе

Людмила Григорьевна Дорофеева, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

Для цитирования:

Международная научная конференция «Феномен Пушкина: словесность, история, культура. К 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина» (БФУ им. И. Канта, 6–7 июня 2019 года) (*Л. Г. Дорофеева*) // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 000–000. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-11.

The author

Prof. Lyudmila G. Dorofeeva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

To cite this article:

The phenomenon of Pushkin: literature, history, culture: the 220th anniversary of Alexander Pushkin. An international research conference held at the Immanuel Kant Baltic Federal University on June 6–7, 2019 (*L. G. Dorofeeva*), 2020, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 000–000. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-11.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи – до 1,5 п.л.; научного сообщения – до 0,5 п.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary – после статьи перед references;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем – на иностранных языках.

Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

SLOVO.RU: THE BALTIC ACCENT JOURNAL

Guide for authors

1. The journal welcomes relevant and novel contributions. Articles submitted should include problem formulation, results, and conclusions and comply with the guide requirements.

2. Submitted materials should be original and not published elsewhere. Upon submitting an article to the journal, the author undertakes not to publish the article elsewhere, in whole or in part, without consent from the editorial board of the journal.

3. The recommended length of an article is 40,000 characters and that of a report is 20,000 characters with spaces, abstracts, keywords, and references in Russian and English.

4. All submitted contributions are subject to double-blind peer review and plagiarism scanning. The acceptable similarity index is below 20%.

5. There is no charge for publication.

6. To be considered by the editorial board, contributions are submitted via e-mail to the editor-in-chief or the publishing editor. Alternatively, authors can use the submission form on the IKBFU Journals website at <http://journals.kantiana.ru/>

7. The decision on the acceptance, improvement, or rejection of articles is made by the editorial board, following peer review and discussion.

Article structure and style

1. Contributions should include:

- a Universal Decimal Classification index (UDC) most relevant to the topic of the article;
- the title of the article in English and Russian, all lowercase;
- abstracts in English and Russian (200–250 words); the abstract in Russian is placed after the title and before the keywords; the summary in English is placed after the body of the article and before the references;
- keywords in Russian and English (4–10 words); keywords are placed before the body of the article after the abstract;
- references in Russian prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 and Harvard-style references in the Latin script;
- a brief autobiographical note in Russian and English, including the full name(s), academic title(s), affiliation(s), e-mail address(es), phone number(s), and work address(es) of the author(s).

2. References.

• References prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 are given at the end of the article in alphabetical order, unnumbered. Sources in Russian are listed first, followed by those in foreign languages. If works that have the same author and were written in the same year are cited, a lowercase letter (*a*, *b*, etc.) should be used after the date to differentiate between the works. For example:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht; Boston; L., 1992.

• If an online source is cited, the reference should include the exact URL for the article and the date of accession, parenthesised. For example:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (accessed 09.11.2009).

3. References in the Latin script.

The English-language part of the article should contain Harvard-style references in the Latin script: name of the author(s) followed by the year of publication. The title of the book (journal) should be italicised. If a work has not been published in a language using the Latin script, an English translation of the title should be provided in brackets. For example:

Cyrillic-script book: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovaniya processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh svjazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern universal system of states], Moscow.

Latin-script book: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Cyrillic-script article: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdu narodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of Russia's international scientific and technological cooperation], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available from: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Latin-script article: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

For more details on Harvard-style referencing, see libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. In-text referencing.

• In-text references should be parenthesised and include the name(s) of the author(s), the year of publication, and the page number (for citations), separated by commas. For example: (Howell, 1992, p. 297).

• References to multi-volume works: the name(s) of the author(s), the year of publication, the volume number, and the page number, separated by commas (Schopenhauer, 2001, 3, 22).

5. A failure to meet the above requirements may result in the rejection of a manuscript.

Formatting

Manuscripts should be submitted in an electronic format as an a4-size document (210 × 297 mm).

Contributions are accepted in the *doc* and *docx* formats only (Microsoft Office).

For more details on the text, table, and figure formatting and referencing, see the IKBFU Journals website at

<https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Peer review process

1. All submitted contributions are subject to double-blind peer review.
2. The editor-in-chief establishes whether submitted works fit the scope and comply with the standards of the journal and submits them for review to an expert with relevant qualifications, holding a doctoral or postdoctoral degree.
3. The review period is such as to ensure prompt publication of accepted articles.
4. The review establishes:
  - a) whether the content of the article corresponds to its title;
  - b) whether the contribution is in line with the latest findings in the field;
  - c) whether the language, style, and layout of the text, tables, diagrams, figures, and formulae make the work clear to readers;
  - d) whether the article contains original research;
  - e) what the strengths and weaknesses of the article are and what improvements should be made;
  - f) whether the manuscript is suitable for publication in the journal.
5. The review is sent to the author via e-mail.
6. If a reviewer recommends reworking the article, these recommendations are sent to the author with suggestions for revision. The author(s) has(ve) the right to defend his/her(their) position. A revised article is resubmitted for review.
7. An article that has been rejected by at least one reviewer cannot be resubmitted. The text of a negative review is sent to the author via e-mail, fax, or regular mail.
8. A positive review is a necessary but not sufficient condition for publication. A final decision is made by the editorial board.
9. If a positive decision is made, the publishing editor notifies the author(s) and inform him/her(them) of the publication date.
10. The editorial board keeps reviews for five years.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2020

Том 11
Vol.
№ 2

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Copy-edited by *E. Ivanova, E. Alekseeva*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 20.05.2020 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,6
Тираж 120 экз. (1-й завод – 80 экз.). Заказ
Свободная цена

Signed 20.05.2020
Page format 70×108 ¹/₁₆. Reference printed sheets 11,6
Edition 120 copies (first print: 80 copies). Order
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
6 Gaidara st., Kaliningrad, 236022, Russia